
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 46 НОЯБРЬ 1990

ИСПИЛИ ДО ДНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

№ 46 (3304)

10—17 ноября

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фотомонтаж Льва ШЕРСТЕННИКОВА (см. в номере материал «Пьянству — бой. А после боя..?»)

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на 1991 год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу с 1991 года — 1 рубль.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 18.10.90. Подписано к печати 02.11.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2933. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Мне, как боль, знакомо желание
в ушедшем времени изменить выбор.
Это знакомо тому,
кто попадал в аварию.
Возвратиться к тому моменту,
когда шнур еще горит.
Хроника противостояния в Молдове такова...
Конфронтация возникла, когда в республике
был принят Закон о языке.
Этот Закон не устроил депутатов
из Приднестровья и районов компактного
проживания гагаузов.
Тогда же начались забастовки.
Протест имел последствием
требование автономии.
Вместо этого
гагаузам была предложена
автономия культурная.
Это начало конфликта:
два века жившие рядом, не ссорясь,
два народа

ЗАС

оспаривают друг у друга право называться хозяином своей земли. Апогея конфликт достиг, когда гагаузы решили образовать свою республику. Между тем еще не ясно, какое значение вкладывают учредители в смысл этого слова... Смысл слова, как и смысл многих яростных лозунгов, станет ясен лишь в результате переговоров. Переговоры начнутся, когда будут действительно сняты заслоны, или же в том случае, если оба процесса будут идти параллельно. Возвратившись из районов, где заслону гагаузов противостоял заслон молдаван, и эти две почти неотвратимо и смертельно сближающиеся силы разделяет сила частей внутренних войск МВД СССР, я все же продолжаю думать, что напряжение здесь не ослабевает, опасность остается. Остается, несмотря на то, что принято решение об отводе враждующих заслонов. Я разговаривал с премьер-министром Молдовы, с министром внутренних дел республики, с представителями гагаузов... Из всех разговоров вырастает ощущение, что обе стороны готовы идти до конца. Эта непримиримость выражается во многом. Когда премьер-министр наконец выдал пропуск в Комрат, он заметил: «Я выдаю пропуск тому «Огоньку», который мы любим». Но я не знаю, какой «Огонек» сегодня предпочитают здесь.

Марк ШТЕЙНБОК
(фото автора)

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА*

Григорий ВАЙНШТЕЙН,
доктор исторических наук

ПОЕЗД БЕЗ РАСПИСАНИЯ

Почему буксует перестройка?

Ставя этот вопрос, отдаю себе отчет в том, что не все сочтут его правомерным. Одним его постановка покажется преждевременной. Другие воспримут такой вопрос как излишне категоричный и скажут, что еще рано говорить о результатах перестройки. Третьи возразят, что нынешнее катастрофическое положение в обществе свидетельствует вовсе не о провале перестройки, а лишь о ее вступлении в решающую фазу. Однако мне ни одно из этих возражений не кажется убедительным. Как ни крути, а, откладывая на будущее разговор о результатах пройденного за пять лет пути, мы занимаемся самообманом. Итоги той перестройки, которая велась с 1985 года, подводить не только можно, но и нужно. И, к сожалению, утешительными их, мягко говоря, никак не назовешь.

Так в чем же причины этого?

I

Когда-то один из французских королей, объезжая свои владения, сильно возмутился — со стен встретившейся на его пути крепости не прозвучал салют в его честь. Разгневанный монарх потребовал привести к нему местного вассала. «Почему пушки не возвестили о моем приближении?» — грозно спросил король. «Ваше величество,— дрожа, отвечал вельможа,— на то есть двадцать две причины. Во-первых, в крепости нет пороха...» «Довольно,— перебил его король,— об остальном можешь не говорить».

Эта история приходит на ум, когда пытаешься понять причины наших нынешних бед. Везет королям (да и их подданным), если есть у них простые и однозначные объяснения происходящих вокруг них событий. Похоже, однако, что у нас не тот случай. Наши руководители действительно могут привести, пожалуй, не меньше двадцати двух причин в объяснение неудач перестройки. Тут и груз проблем, доставшихся им в наследство от прежних времен, и неблагоприятное стечение обстоятельств (различные катастрофы, стихийные бедствия и капризы природы), и яростное сопротивление цепляющихся за власть противников перемен, и консерватизм общественного сознания, и усиливающийся сепаратизм регионов, парализующий центральную власть, и многочисленные собственные ошибки, и еще многое, многое другое. И все это будет верно.

Но тем не менее есть все же, на мой взгляд, если и не одна, то по крайней мере несколько главных причин, изначально определивших неудачу перестроечных усилий.

Первую, основную причину я вижу в заблуждении относительно возможности перестраивания нашего общества при сохранении его основ. Упорное стремление найти путь к переводу страны в «новое качество» в рамках социалистического выбора, упрямое отстаивание необходимости следовать «социалистической идее» с самого начала лишили перестройку конструктивного содержания, сориентировав ее официальный курс еще на одну революцию, которая, как писал когда-то М. Пришвин, «вертится вокруг себя, не приводя в движение общество».

Чтобы не просто возбудить общество, а привести его в действительно созидательное движение, нужна оплодотворяющая это движение идея. Наше же движение остается в лучшем случае чрезвычайно оживленным, но бесплодным топтанием на месте не только потому, что нет уже в социалистической идее оплодотворяющего начала, а потому еще, что она и не является идеей. Это идеология, но не идея. В ней нет содержательности замысла, конкретности, нет позитивных ответов на реальные проблемы, а есть лишь довольно туманная, абстрактная, хотя и привлекательная, мечта. Потому-то с такой легкостью сторонники этой идеи говорят о том, чего они не хотят, и так безуспешно пытаются сформулировать, что же они предлагают.

Один из героев А. Платонова сокрушался: «Одними идеями одеваемся, а порток нету!». Имел он в виду, очевидно, относительный переизбыток идей по сравнению с товарами народного потребления. С тех пор, как это было сказано, прошло не одно десятилетие, а порток все нету. Хотя, по всей логике вещей, им бы из этого обилия идей пора уже и появиться. Да только в том все дело, что не идеями являлось то, что называл так платоновский герой, а идеологией.

Помню, как, свихнувшись с голодухи, мой сосед по студенческому общежитию все ходил по коридору и тупо повторял: «Калорийная булочка. Калорийная булочка. А что в ней калорийного?» А сейчас, когда давно уже и булочки-то калорийные из нашего обихода исчезли, я ловлю себя на том, что, изголодавшись по здравому смыслу, хочу понять — в чем идея нашей социалистической идеи, в чем ее преимущества над другими социалистическими идеями и чем, наконец, она отличается просто от идеи хорошей жизни. Только сомневаюсь, что могут мне в этом помочь те, кто так яростно эту идею отстаивает.

Да, и я повторял эти бездумные слова насчет нашей социалистической идеи. Но нужно же когда-то задать себе сакраментальный вопрос: «калорийная булочка, а что в ней калорийного?»

Возможно, столь серьезно относясь к сохраняющейся приверженности наших руководителей к социалистической идее, я чего-то недопонимаю? Принимаю за чистую монету то, что является не более чем ритуалом, входящим в правила некой политической игры? Ведь говорит же один из авторов «Нашего современника», что «не стоит обращать излишнее внимание на обычную политическую риторику советского Президента о «социалистическом выборе». Что ж, быть может, это действительно лишь простая риторика, хотя и далеко не всеми в качестве таковой осознается. Но то, что это безобидно и не заслуживает внимания, весьма сомнительно. Уж слишком существенный отпечаток накладывает эта «риторика» на нашу жизнь и на содержание перестроечного курса. Слишком активно и последовательно наши руководители придерживаются в данном случае извечной подмены идеологией конструктивной работы. Слишком много усилий уделяют они бесплодной идеологической риторике вместо разработки реальных идей и поиска конструктивных решений.

Одесские водители-частники, сталкиваясь с пассажирами, отказывающимися от их услуг и упорно высматривающими такси, удивленно спрашивают: «Вам что нужно — шашечки или ехать?» Похоже, что еще очень многие люди не только на улицах наших городов, но (что гораздо важнее) и в высоких кабинетах озабочены больше не тем, чтобы добраться до цели, а тем, чтобы при этом не потерять в пути своей социалистической девственности. Очень многих из них волнует не то, как мы живем и что нам нужно предпринять, чтобы жить иначе, а то, какая табличка висит над нашим домом.

II

Небрежение руководителей наших к разработке конструктивных идей, к поиску позитивных, не затуманенных флером идеологических заклинаний решений отнюдь не случайно. Слишком прочно корни этой традиции уходят в глубь истории марксистского мышления.

«Мы,— говорил Маркс,— не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир».

Традиционное марксистское нежелание или неспособность конкретизировать общественный проект и сегодня накладывает печать легкомысленной импровизации на перестроечные усилия нынешнего руководства. Знакомые ноты упования на «логику жизни» то и дело звучат в последние годы в горбачевских филиппиках против тех, кому приходит в голову крамольная мысль детализировать перестроечный проект, уточнить необходимые шаги, прежде чем начинать движение. «Если у нас нет расписания,— утверждает Горбачев,— то, я убежден, оно нам и не нужно».

И невольно возникает вопрос: а не потому ли столь упорно противятся проработке этого «расписания», что на фоне ее с особой очевидностью могут появиться ошибки на избранном когда-то пути?

III

Удивительно, сколь многих трудов стоит иногда уяснение простых истин. Все чаще появляющиеся в последнее время утверждения о том, что тупик, в котором оказалось наше общество, есть не более чем результат движения в неверном направлении, при всей их отчаянной, по недавним временам, смелости напоминают своим глубокомыслием «открытие» небезызвестного профессора естественных наук Мош Терпина из гофмановского «Крошки Цахеса», который путем длительных экспериментов установил, что темнота происходит «преимущественно от недостатка света». Но понять трудность, с которой дается нам это «общественное открытие», можно. Слишком долго мы опирались в познании внешнего мира не на здравый смысл, а на идеологические штампы. И если сегодня пока еще не более 20—25 процентов населения (судя по данным различных опросов) осознают взаимосвязь между нынешними нашими потемками и тусклостью той идеи, которой мы долго пытались осветить свой путь, то это свидетельствует, что пелена подобных штампов все еще мешает многим из нас разглядеть совершенно очевидные вещи. Продолжающееся же на самом высоком уровне славословия в адрес социалистической идеи, к сожалению, замедляют и делают еще более сложным и без того весьма болезненный прорыв общественного сознания к торжеству здравого смысла.

Но тем не менее прорыв этот неизбежен. Он уже происходит. И возникающий в процессе его конфликт между обществом, пускай еще медленно, но все же открывающим для себя затуманенные идеологическим словоблудием истины, и лидерами, не только стремящимися сохранить старую идеологическую фразеологию, но, главное, пытающимися примирить ее с призывами к новой жизни, представляется мне еще одной причиной неудачи перестройки.

Действительно, сегодня, очевидно, мало уже констатировать ошибочность нашего социалистического пути, чтобы понять причины нынешней катастрофичности положения в стране. В конце концов неверным путем мы идем не первое десятилетие. Но никогда это движение не было столь убогим. Конечно, можно сказать, что количество должно было когда-то перейти в качество. И отчасти это будет верно. Но лишь отчасти.

Да, долгие годы мы шли неверным путем. В своем движении по этой изрезженной рытвинами и ухабами наших принципов дороге мы все больше утрачивали возможность одержать победу в соревновании с противником, избравшим движение по прямой магистрали здравого смысла. Но все же, увязая по колено в грязи наших ошибок, мы шли. Поняв безнадежность этого движения, наши лидеры решились на общественные перемены. Но этой решимости им хватило лишь на то, чтобы сойти с прежней дороги, но отнюдь не на прокладывание новой. Здесь сказалось очень многое: и инерция прежнего движения, и вера в возможность восстановления былого пути, и гордая уверенность в предначертанности нам своей, особой дороги, и страх перед неизведанностью нового, и сомнения в нашей способности повторить движение других, более цивилизованных стран, которое высказал еще Зощенко, предупредивший: «что хорошо в буржуазных странах, то у нас иногда выходит боком». Как бы то ни было, но, оставив прежний путь и то ли не зная, как вступить на новый, то ли не желая этого, мы оказались на полном бездорожье.

Но это не все. Случилось самое непредвиденное для инициаторов перестройки. Все большая часть общества начала прозревать и понимать, что мы заплутали, а поводыри наши не знают, куда и как нас вести. И в результате рухнуло главное — сломалась привычная модель движения, когда подавляющая часть общества не осмеливалась подвергнуть сомнению предлагаемую сверху политику и то ли сплачивалась вокруг своего руководства, то ли молчаливо выполняла установленные правила политической жизни, соглашаясь на роль исполнителей хороших ли, плохих ли, но принятых наверху решений. И разрушение этой прежней, подконтрольной верхам модели движения нанесло по политике перестройки удар, еще более мощный, нежели отсутствие продуманного ее проекта. Лидеры перестройки оказались не просто лишенными конструктивных идей. Они к тому же очутились в состоянии конфликта с обществом, возмущенным их неподготов-

* **Мнение авторов, выступающих под рубрикой «Свободная трибуна», не обязательно совпадает с точкой зрения «Огонька».**

ленностью к провозглашенным переменам и беспомощностью экономических импровизаций.

Подобного развития событий инициаторы перестройки явно не смогли предвидеть. Взывая к пробуждению инициативы и общественной активности масс, они рассчитывали лишь добиться поддержки «снизу» объявленных «сверху» преобразований. Эта активность виделась им в традиционных рамках общественного развития, контролируемого и направляемого политическим руководством. Однако реальная динамика социальной жизни, перечеркнув эти планы, воплотилась в невиданной доселе неконтролируемости общественных процессов и атрофии политической власти.

IV

Конфликт между «инициаторами перестройки» и обществом, на первые признаки приближения которого еще в конце 1987 года попытался обратить внимание политического руководства Б. Ельцин, приобрел сегодня особенно тревожные масштабы, показывая, сколь значительные изменения претерпело за минувшие пять лет отношение масс к политике верхов.

В этих изменениях можно, очевидно, выделить четыре этапа. На первом имела место некая эйфория, почти единодушная поддержка политики перестройки и безусловное превалирование позитивных настроений. Предложенная «сверху» политика социальных перемен сумела завоевать в тот период массовую поддержку. На втором этапе появились те разочарования и пессимизм, которые были своевременно уловлены, к сожалению, лишь одним представителем руководства, набравшимся смелости предупредить своих коллег о возможности падения доверия к официальной линии реформ и подвергнутым за это политическому шельмованию. Третий этап оказался отмеченным кристаллизацией разных общественных групп, имеющих собственное видение курса перемен, и все более устойчивым оформлением собственных представлений масс о том, какой должна быть перестройка. И, наконец, на четвертом этапе произошла активизация масс. Они все более активно начали включаться в общественные действия и политические выступления как в поддержку «своих» путей преобразования общества, так и против сторонников других путей (включая и выступления против официального курса руководства).

Сегодня практически не осталось следов первого этапа.

Иные процессы в общественном сознании определяют содержание общественно-политической жизни страны. По существу, завершилось формирование различных видений желаемого курса социально-политических перемен. Появление этих альтернативных представлений повлекло за собой подъем критической социальной активности значительной части масс, обусловливая возникновение массовой поддержки альтернативных политических решений. С другой стороны, общественное разочарование в официальной линии политического руководства, подрывая ее социальную базу, выражается в социально-политической апатии части населения, а в ряде случаев и в глухой озлобленности против осуществляющего перестройку руководства.

Конечно, в основе недовольства общества политикой перестройки лежит не только стремление масс к радикальным преобразованиям. Существует и сопротивление части населения, которая вообще не приемлет сколько-нибудь серьезных перемен, оставаясь в плену прежнего, гордого нашим социалистическим выбором мировоззрения. Однако похоже, что нынешние лидеры воспринимают в качестве основной опасность конфликта именно с этой, явно меньшей, консервативной частью общества и ради его смягчения готовы идти на обострение конфликта со все возрастающим числом сторонников подлинных преобразований.

Еще сравнительно недавно ссылки представителей политического руководства на консерватизм общественного сознания и неготовность большей части масс к глубоким переменам выглядели довольно убедительно, создавая впечатление о вынужденном характере осторожности и умеренности перестроечных шагов. В глазах многих Горбачев, например, и сегодня предстает не просто как трезвый политик, считающийся с реалиями общественных настроений, а даже как трагическая фигура, призванная преобразовать общество, которое сопротивляется этим преобразованиям. Однако все яснее становится, что речь должна идти не о столкновении радикализма Горбачева с консерватизмом масс, а совсем о другом — о противоречии между приобретающим все более массовый характер радикализмом изменившегося общества и все отчетливее выявляющимся на этом фоне отставании руководства от требований времени.

Печален не сам по себе факт углубления конфликта между обществом и властью. Печально то, что слишком маловероятной выглядит сегодня возможность его преодоления. Слишком незначительны и неустойчивы признаки того, что правительство готово снять общественную напряженность, пойдя на удовлетворение общественных запросов масс.

Думаю, что ошибкой было бы объяснять это лишь упорной приверженностью наших лидеров идеологическим принципам, дискредитированным «прелестями» реального социализма, или же их неспособностью правильно оценить сущность общественных настроений. Есть, как мне кажется, и другие причины. Если и допустить наличие у руководства страной воли к решительным преобразованиям, то способность трансформировать эту волю в реальные действия выглядит явно недостаточной.

В условиях, когда быстро радикализируется общественное сознание, когда массы разочаровываются в КПСС, возникают новые партии, предлагающие альтернативные варианты общественного развития, высший эшелон руководства, очевидно, не может не ощущать угроз сохранению власти. Если судить по событиям в Восточной Европе, которые привели к оттеснению коммунистических партий и их лидеров на обочину политической жизни, эти угрозы выглядят все более реальными. И отчасти именно их влияние мешает «инициаторам перестройки» сделать решающий шаг навстречу требованиям радикализировавшихся масс, заставляя их скорее держаться за союз с консервативными представителями аппарата.

V

Сама логика политического развития общества ведет к консолидации представителей официальной власти, вынуждает их отодвигать на второй план свои политические разногласия ради сплочения в борьбе за выживание. Потеряв уже способность осуществлять свою власть, представители этой власти прилагают (и надо признать, пока еще небезуспешно) все силы к тому, чтобы не уступить ее. В результате борьба политических лидеров за перестройку все больше обретает черты борьбы за сохранение власти, в жертву интересам которой все чаще приходится приносить интересы перестройки.

На протяжении минувших пяти лет борьба Горбачева за перестройку была неотделима от борьбы за власть. Какое-либо продвижение вперед в борьбе за перестройку могло быть обеспечено лишь при укреплении власти Горбачева и нейтрализации его противников. Однако в борьбе за власть Горбачев долгое время имел дело главным образом с противниками — консерваторами, представлявшими интересы аппарата, стремившегося к сохранению прежних структур. В этой борьбе Горбачев сумел продемонстрировать блестящие способности. Но в настоящее время ситуация изменилась. Власти сторонников официальной политики перестройки угрожают уже не столько их прежние противники из аппарата, сколько новый противник в лице разочарованной и жаждущей реальных общественных перемен массы населения. И к борьбе с этим новым противником лидеры перестройки явно не готовы. Привычные им аппаратные методы противоборства в данном случае совершенно неприменимы. Отнюдь не случайно, что в этой новой политической ситуации и правительство, и Президент демонстрируют значительную растерянность, не находя верных решений, позволяющих предотвратить падение массовой поддержки, совершая тактические ошибки и все больше отталкивая даже своих недавних сторонников упрямым игнорированием общественного требования прекратить наконец топтание на месте.

Значительная часть общества уже не только поняла, что выход из нынешней драматической ситуации невозможен без решительного, хотя и болезненного, шага вперед, но и согласна сделать его. Но только ли страхи перед утратой власти вынуждают лидеров перестройки к этой действительно все более мучительной для общества неуступчивости? И не более ли перспективно для них самих отказаться от конфронтации с массами, взяв курс на резкую динамизацию перестроечных процессов? Ведь могут же они, и в частности Президент, пойдя на принятие тех решений, которые соответствуют нынешним общественным запросам, укрепить свой пошатнувшийся политический авторитет и переломить неблагоприятный для них ход событий.

* * *

Говоря о неудачах перестроечных усилий минувших пяти лет, я отнюдь не отрицаю их объективно-позитивный смысл. Да, перестройка не создала нового, более счастливого общества. Пока не создала. И ясно, что, оставаясь не более чем перестройкой, не создаст. Однако, отвергнув наш прежний образ жизни, она сделала его уже невозвратным. Мосты сожжены. Суть нынешней ситуации не столько в ее катастрофичности, сколько в надеждах на преодоление катастрофы. Перестройка оказалась не просто рядовым экспериментом, от которого можно, убедившись в его провале, отказаться и вернуться назад. Пути назад нет. Жить, как прежде, общество уже не сможет, какие бы в этом плане иллюзии кое-кто ни питал. И в этом по большому счету — великое завоевание.

Но и вопрос: что же делать?

В том, что необходимость действий наконец осознали и власти, сомнений нет. Сомнения есть лишь в правильности их выбора. Похоже, что на вопрос «что делать?» они пока с большей готовностью выбирают ответ — «взять ситуацию под контроль», нежели «изменить способ действий».

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

■

«Часы коммунизма — свое отбили». Судя по публикациям в вашем журнале, вы полностью поддерживаете это утверждение А. И. Солженицына. «Часы коммунизма не отбили!» — готов я заявить в ответ. Да, стала очевидной несостоятельность той политики, которую на протяжении последних семидесяти лет проводило «коммунистическое» руководство нашей страны. Но при чем тут идея?

С того момента, как человечество научилось думать, оно мечтало о лучшей жизни, о справедливости, равенстве, братстве... Возникшая две тысячи лет назад идея христианства обещает людям не что иное, как коммунизм. Сравните библейские постулаты с Программой КПСС. Коммунистическая идея сравнительно молода, и она не исчерпала себя.

Я родился в 1966 году в Иркутской области в семье, далекой от религии. Я не знал библейские заповеди, но родная мама и добрые люди научили меня тому, о чем в них говорится. А моей религией был коммунизм. Герои революции и войн, предвоенное поколение, со школьной скамьи ушедшее на фронт, коммунист из поэмы Е. Евтушенко «Братская ГЭС», нарком продовольствия Цурюпа, падающий в обморок от голода, В. И. Ленин, отдавший всего себя служению людям,— для меня эти образы много значат, это то, на чем я рос, во что верил, на чем стою, и не могу иначе.

Пусть мне возразят «Архипелагом...», другими вещами. Но есть законы развития общества. Л. Н. Толстой говорил о Христе, что он указывает нам путь, направление. Идеал, говорил он, лишь тогда идеал, когда он недостижим...

Путь у человечества один, хотим мы того или нет. Коммунизм — суть осознанное в плане объективных законов развития мира Христианство. Пройдет еще тысяча лет, и эти понятия сольются. Их же искусственное противопоставление приводит к катастрофическим последствиям.

Остаюсь вашим подписчиком на 1991 год, несмотря на то, что повышается цена и что МО официально отказалось выделять средства на подписку вашего журнала.

О. ВОЛКОВ,
старший лейтенант СА,
член Коммунистической партии
с 1986 года,
полевая почта

■

Вызывает сильное беспокойство сращивание административно-командного звена с наукой в области здравоохранения. Это может привести к самым печальным последствиям. Некоторые аппаратчики от медицины, начиная от начальников главков и до министров и их заместителей, как прежде, так и сейчас идут в науку проторенной дорогой — сначала в члены-корреспонденты, а потом и в академики АМН СССР.

Вот один из примеров. Скромный психиатр, сделав докторскую, переезжает из Томска в Москву, становится министром здравоохранения, сразу проходит в члены-корреспонденты АМН СССР, что касается научных заслуг — их нет абсолютно. Я имею в виду врача А. Потапова, который ныне, покинув пост министра здравоохранения РСФСР, стал директором Научно-исследовательского института гигиены имени Ф. Ф. Эрисмана.

Пример другой. Было решено преобразовать существующий Институт экспериментальной эндокринологии и химии гормонов АМН СССР во Всесоюзный эндокринологический научный центр. Затея сама по себе не особенно удачная: это привело к лишним административным единицам, к увеличению затрат. В том же небольшом здании за счет ухудшения условий было увеличено количество коек, невзирая на санитарные нормы. Вопреки мнению ученых директором института был назначен И. И. Дедов, чьи заслуги в эндокринологии вызывают большое сомнение.

Дедов получает кафедру в 1-м МОЛГМИ и ассистентами на нее берет: дочь бывшего министра здравоохранения Е. И. Чазова, дочь бывшего министра медицинской промышленности Мельниченко и дочь И. К. Полозкова — Первого секретаря компартии РСФСР. Затем Дедов избирается председателем Всесоюзного научного общества эндокринологов, становится главным эндокринологом Минздрава СССР.

Мне очень хочется верить в успех перестройки. И я верю в него и в то, что скоро такая ситуация, особенно в области медицины, не будет возможна.

М. А. ЖУКОВСКИЙ,
профессор,
заслуженный деятель науки РСФСР

■

Здравствуйте, уважаемая редакция. Пишет вам офицер первого советского авианосца «Тбилиси», само строительство которого является плодом страшного надувательства в государственном масштабе.

Многие офицеры корабля не могут мириться с таким положением дел и готовы обоснованно доказать, что никакой реальной обороны наших рубежей на воде корабль обеспечить не может.

Состояние вооружения, ходовой части корабля, авиации плачевное — это видит и промышленность, сдающая флоту корабль, и государственная правительственная комиссия, принимающая его. Но никто признать провал не желает, более того, ускоряют сдачу авианосца к сроку. Судя по всему, акт будет подписан в декабре при любом состоянии корабля. А ведь он не защищен по линии взрывопожаробезопасности и противовоздушной обороны, велика вероятность повторения того, что произошло с подводной лодкой «Комсомолец».

Считаем, что необходима экспертная комиссия, способная разобраться в создавшемся положении дел. Стране нужны надежные корабли, а не дорогостоящие игрушки.

К. БОЛЬШАКОВ

■

В железнодорожной поликлинике г. Челябинска установлено два памятника Ленину, один — в полный рост, другой — бюст. У первого памятника невольно ощущаешь неловкость: Ленин стоит как бы в брезентовой робе, рука указывает в сторону выхода из поликлиники, причем выброс руки настолько неестественный, что основатель «отдельно взятого социалистического государства» прогнулся в спине. Таких поз я в жизни не видел. Другое творение — бюст — выглядит грузно, выражение лица безжизненно. Но не это главное. Мне представляется странной сама установка памятников политическим деятелям в медицинских учреждениях. Это, на мой взгляд, так же нелепо, как памятник Чайковскому в прачечной.

Все это можно было бы отнести к издержкам застоя, когда бы не новое изваяние, возведенное недалеко от вокзала уже в годы перестройки, влетевшее государству, где нет таблеток от головной боли, в немалую копеечку. Там изображен рабочий, поддерживающий знамя в одной руке, а другой — переводящий железнодорожную стрелку. И тут мало правды. Я сам был стрелочником. Никто не станет переводить стрелку одной рукой, ибо это опасно: стрелочный остряк может не прижаться хорошо к головке рельса. А это может завести «наш паровоз» в тупик. Впрочем, кажется, он там уже оказался. Не потому ли, что вторая рука была занята партийно-идеологической символикой?

Б. СЕНКЕВИЧ
Копейск,
Челябинская обл.

■

Страна на пути к рыночной экономике. И вот глава правительства Н. И. Рыжков объявляет войну спекулянтам. А знают ли члены нынешнего кабинета, кто такой спекулянт? Загляните в словарь Даля дореволюционного выпуска. Там сказано, что спекулянт — это предприниматель, деловой человек, коммерсант. За рубежом — бизнесмен.

Нас призывают к коммерческой деятельности и одновременно объявляют нам войну. Если на Западе бизнесмен, то есть спекулянт, по-нашему, купил, к примеру, дом за 50 тысяч долларов, а продал за 70, то честь ему и хвала, ибо государство только выигрывает от такой сделки, получив налог. И понятно, что, если дом продан за большую сумму, значит, он был отремонтирован или перестроен.

Если деловой человек привез товары из одного конца страны в другой, то ведь он затратил на это и время, и средства. Хочешь жить — умей вертеться!

Я, конечно, не имею в виду того, кто купил в магазине десяток губных помад за 2 рубля 50 копеек и тут же у входа продал за 5—10 рублей каждую. Вот это, наверное, и есть спекуляция, с которой надо бороться. Но не гонениями, а затовариванием прилавков. А кого имел в виду наш Верховный Совет?

О. ЖУКОВ
Минск

■

Я человек, у которого нет вредных привычек. Не алкоголик, не наркоман, не вор, не грабитель. Я не курю, не выкидываю мусор из карманов на улице, не использую подъезд под туалет. Я никого не преследую, не шантажирую, не унижаю, на чужом горе не наживаюсь. И что же я чувствую, будучи вполне лояльным гражданином? А то, что моя личность государству не нужна. Для государства я пустое место. Куда бежать? Что делать? Я не знаю... Ко всему прочему я еще и нищий. Вся зарплата уходит на элементарное пропитание. Смотрю на себя в зеркало и не пойму: это я или не я? Как так получается, что я, здоровый молодой человек, потерял опору в жизни?

Все говорят: женись! А я стою, как побитая собака, ведь в запасе ни одной косточки, ни сухарика. Да куда я свою любимую жену приведу? Где жить-то будем?

Наверное, и нашим детям в наследство достанется такое же бесправие и беспросветное будущее. Даже если им повезет больше, чем мне, то все равно они обречены жить в грубом, жестоком обществе.

Стыдно сказать, но иной раз так накатит, что слез сдержать не могу.

В. АФОНИН
Рязань

■

Слушали ответ министра обороны Язова на запрос о передвижении войск под Москвой и были, мягко говоря, поражены неубедительностью некоторых разъяснений. Создалось впечатление, что вы, товарищ министр, были не в курсе передвижения войск или говорили неправду. И то, и другое вызывает чувство досады.

И еще одна странность настораживает: в Тбилиси на разгон демонстрации вы якобы послали безоружных солдат, а на парад — с полной боевой выкладкой.

Но самое странное то, что вы отправляете в отставку офицеров за демократические идеи. Тогда разрешите спросить: за какие идеи вы собираетесь вести в бой свою армию — за коммунистические, марксистские, монархические или еще какие?

Русская армия воевала за царя и отечество, а вы — за идею. На наших глазах из-за этих «идей» развалился Варшавский Договор, а мы, ветераны Великой Отечественной войны, из освободителей превратились в оккупантов и интервентов.

Товарищ министр! Если действительно передвижения войск и учения производятся без вашего ведома, вам лучше уйти в отставку и прихватить с собой побольше генералов, которых сейчас стало больше, чем во время Великой Отечественной войны. Такие грустные мысли не только у меня, поверьте.

А. КИРИЕНКО,
ветеран Великой
Отечественной войны
Москва

■

Я очень люблю поэзию Сергея Есенина. Стараюсь не пропускать ни одного вечера, посвященного его памяти. Только вот все больше убеждаюсь, что имя его оказывается в плену у предприимчивых людей, по сути, далеких от есенинской поэзии.

Раньше, лет пять назад, нередко было, что есенинские вечера использовались для пропаганды творчества тех, кто их организовывал. Как правило, пропагандировались далеко не лучшие поэты, «орлы», по выра-

ДЛЯ ГОСУДАРСТВА Я ПУСТОЕ МЕСТО ●

СПЕКУЛЯНТ ИЛИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ? ●

БЕДНЫЙ ЕСЕНИН... ●

жению неизменно председательствующего на вечерах Ю. Прокушева.

На недавно прошедшем вечере 17 октября, посвященном 95-летию со дня рождения Сергея Есенина, организаторы в своих устремлениях пошли дальше. Сергей Есенин, уже давно загнанный в рамки сельского лирика, настойчиво увязывался с антисемитскими настроениями, которые в этот вечер навязывали присутствующим. Особенно «выделялись» белые стихи В. Сорокина и еще какого-то неизвестного поэта. От них так и веяло бредовыми идеями «Памяти».

И где бы, вы думали, это происходило? В Колонном зале Дома союзов.

А когда среди присутствующих прошел ропот неодобрения (ведь в зале собрались почитатели поэзии Сергея Есенина, а не «Памяти»), то поэт Игорь Ляпин «достойно» защитил честь сидящих в президиуме. Он заявил, что улюлюканье отскакивает от них как горох от стенки.

Стыдно было за неинтеллигентность, проявляемую теми, кто был призван нести культуру в массы. Кстати, именно в этих писательских кругах муссируется мысль, что Есенин был убит, и, конечно же, евреями.

Меня, русского человека, поражает та мышиная возня, которой занимаются эти люди. И это в то время, когда решается судьба нашей многонациональной страны.

Но самое удивительное то, что в президиуме в качестве почетного гостя сидел Первый секретарь Российской компартии И. К. Полозков. Ивану Кузьмичу, судя по его молчаливой реакции, все происходящее понравилось.

Бедный Есенин!..

М. СМИРНОВА,
инженер
Москва

■

Никогда не обращалась с жалобами в редакции. А теперь решила все-таки написать. Зовут меня Лариса. Мне 29 лет. В детстве потеряла слух из-за болезни, стала инвалидом на всю жизнь. На себе испытала много зла только потому, что я инвалид. Даже в семейной жизни мне не повезло — развелась. Причина? Муж был недоволен, что я все время болею. Что ж, муж есть муж, ему нужна здоровая и сильная жена. Ну а вот государство, как оно помогло? Дало мизерную пенсию — 28 рублей. Сейчас я не работаю, живу с мамой, ей 52 года. Она меня кормит и одевает. Такая жизнь для меня ужасна.

Почему я пишу письмо? Да потому, что обидно видеть, как живут инвалиды за рубежом, и сравнивать с этим свою жизнь. Я ведь росла в Стране Советов, где все для людей. Поначалу я верила, что государство мне во всем поможет, а теперь эта вера кончается.

Мне дали пенсию в 28 рублей, но если бы вы знали, сколько лет я ходила по больницам! Конечно, меня могут спросить: а почему я не иду работать? Да я работала, старалась. Но здоровье подводило, и каждый месяц я болела. Начальство меня и ругало, и жалело, что, мол, слабо работаю, а как выгнать, если я работница дисциплинированная, никогда не имела нарушений. Да они видели, что я стараюсь изо всех сил, какие у меня есть. Я понимаю, почему начальство было мной недовольно, и не обижаюсь: его ведь лишали из-за меня прогрессивок, премии. А вот на правительство я в обиде. Чем помогло оно мне, советской гражданке? Неудивительно, что многие люди уезжают за границу.

Может, это письмо антисоветское, не знаю, но я пишу то, что у меня на душе. Вдруг вы мне что-то ответите или посоветуете, куда написать. Ведь я пишу с надеждой на чью-то помощь. У меня больные руки, лечить меня не берутся, болезнь неизлечима. Я вешу всего 45 килограммов, а мне 29 лет. Вот что значит 28 рублей пенсии.

Л. ЛАБЛЮК
с. Новониколаевка
Запорожской обл.

■

В журнале «Социалистическая законность» (1990, № 2) опубликованы итоги Всесоюзной научно-практической конференции, посвященной формированию концепции прокурорского надзора в условиях перестройки и демократизации. Специально отмечено, что только теперь работникам прокуратуры становится понятной простая истина: в их задачу входит охрана прав гражданина.

Наконец-то прокуратура осознала свою роль в формировании правового государства! Но... рано радоваться. Тут же помещено выступление прокурора Казахской ССР Г. Елемисова, который сетует на то, что прокуратура завалена жалобами граждан, в том числе поступающими через народных депутатов СССР. И это мешает ей, прокуратуре, уделять внимание стратегическим направлениям деятельности. Так сказать, «ходют тут всякие, не дают нормально работать».

Как хорошо жилось бы прокурорам, если бы не было настырных жалобщиков! Создается впечатление, что в огромном количестве жалоб в прокуратуру виноваты сами жалобщики или народные депутаты.

Прокуратура готова проводить общие проверки, писать справки и представления, изготавливать другую отчетоемкую продукцию, только бы не заниматься отдельно взятым человеком.

Вот еще выступление одного из руководителей прокуратуры г. Москвы в журнале «Советская юстиция»: «Прокуратура должна заниматься надзором за законностью, а занимается жалобами, с которыми люди идут к нам».

Так что, уважаемые граждане, не надейтесь на это ведомство — ваши надежды на справедливость не вписываются в стратегическое направление деятельности прокуратуры.

А когда же сама прокуратура встанет на защиту прав каждого человека? Возможно, этим займутся парламенты союзных республик, которые стремятся создать собственную систему прокурорского надзора. Стоит подумать и об учреждении должности специального прокурора по защите прав граждан, как это сделано в Швеции и некоторых других странах.

А. ГОРЕЛИК,
доцент университета
Красноярск

■

Вот и у нас появился журнал, учредителем которого является сам коллектив редакции. Вникните, впервые у нас появилось издание, не являющееся ничьим «органом».

Но журнал «Огонек» дорого стоит, скажут некоторые. Да, дорого, но почему? Да потому, что цену эту ему навязали, чтобы притушить его, чтобы «Огонек» не стал общенародным. Так давайте в ответ поступим так, как мы поступаем, когда выполняем какую-то крупномасштабную работу — шаг за шагом, метр за метром, кирпич за кирпичом.

Призываю всех — колхозников, рабочих, служащих,— не пугаясь наперед годовой стоимости, подписаться на тот срок, на который каждый сможет: на 2—3 месяца, 4—5, полгода... Глаза боятся, а руки пусть доброе дело делают. А затем посмотрим, оправдает он наше доверие или нет. И если да, месяц за месяцем будем возобновлять подписку. А сейчас надо дать «Огоньку» разгореться на полную яркость.

Ю. МОРОЗОВ,
рабочий
Москва

■

Они сидели в кабинетах, они произносили речи и считали, что нами руководят. Всю сознательную жизнь были ОНИ и были МЫ.

ОНИ монолитны, ОНИ в круговой обороне. Мы же разные — демократы и приверженцы теократии, верующие и атеисты, вольные художники и строгие ученые. Это из наших рядов вышли Андрей Сахаров и Александр Мень.

ОНИ — циничны. Вступая с ними в борьбу, подвергаешься соблазну принять их правила. Чтобы уничтожить гласность, они подняли цену на подписку, они хотят лишить «Огонек» большой доли его малообеспеченных читателей.

Давайте поможем друг другу, откроем фонд помощи подписчикам «Огонька». Может быть, надо открыть счет. А если сделать проще, не открывая банковского счета, за разрешением на который опять надо кланяться все тем же начальникам? Пусть напишут в редакцию те, кто мог бы помочь. Я в этом году могу оплатить десять годичных подписок, сделаю это с удовольствием. Уверена, что найдутся желающие поддержать подписчиков «Огонька».

Людмила УЛИЦКАЯ,
литератор

Журналистским коллективом и редакционной коллегией «Огонька» определены лучшие публикации на темы экономики, напечатанные в третьем квартале. Голоса членов редколлегии разделились поровну между материалами В. Селюнина «Уроки польского» (№ 33) и Г. Рожнова «Телевизор для внука» (№ 38). Их авторы поделят премию норильского центра научно-технического творчества молодежи «РЕЗОНАНС».

В КРУГОВОЙ ОБОРОНЕ

У каждого есть маленькие слабости. У генералов тоже. Генерал-майор В. И. Филатов, к примеру, увлекается историей. И даже редактирует «Военно-исторический журнал».

Должность эта хлопотливая, и, как рассказал недавно Виктор Иванович в интервью корреспонденту «Русского радио» в США, работать приходится «засучив рукава»: «Я за осветителя работаю, и за машинистку, и бумагу достаю, и фотопленки достаю...» А еще, как явствует из интервью, его неусыпная забота — присматривать за демократами. Так что, конечно, спокойно заниматься любимым делом Виктору Ивановичу не дают. Только сядешь, начнешь вникать — глядь, машинистка в декрет ушла. Или «собчаки» опять чего-то напакостили, и надо скорей реагировать, разъяснять необразованной публике, что к чему. Словом, отвлекают со всех сторон, дергают...

Конечно, при таких условиях образуются всякие мелкие пробелы и неясности в мировоззрении. Наверное, поэтому в упомянутом интервью генерал-майор ужасно ругает большевиков («натворили всяких мерзостей, начиная от концлагерей и заложников») и тут же уверяет, что «партия — другое дело», партия нужна, партия — наш рулевой, и если б не Ленин с Троцким... гм. Поди разберись, кто из них кто. Ну да история историей, а насчет партии — это главный редактор «ВИЖ» и без всякой истории знает. Тут его не собьешь.

Главное — видеть перспективу, взаимообусловленность, так сказать, событий. Посмотрим исторически хоть на Афганистан. Вывели сгоряча оттуда войска — и вот вам, пожалуйста, «получили Армению и Азербайджан». А ведь «фактор присутствия сороковой армии почти в сердце арабского мира создавал какую-то стабильность». Оставили бы «для стабильности» чуточку наших в Афгане — и все было бы отлично. Сейчас, глядишь (следите за генеральской логикой!), уже бы и в Персидском заливе повоевали. Перспектива! А теперь благодаря Боровику, Коротичу и Яковлеву, которые «облили грязью армию за участие в Афганистане, Тбилиси», «армия не хочет этого». Потому что «люди могут не понять, чем Персидский залив лучше Афганистана. Вот что натворили эти левые радикалы с армией. Они ее просто блокировали со всех сторон». В общем, обложили. Только соберешься «сохранять порядок», защищать — сразу: куда? кого защищать? от кого? А таких вопросов, известно, генералы не любят. Вам же лучше хотели сделать, ну а раз вы так — «провалитесь вы все пропадом, если мы такие плохие, то разбирайтесь сами». И картошки вам не будет, кстати. Наговорили всяких гадостей, теперь хоть перережьте друг друга.

От кого только не приходится Виктору Ивановичу отбиваться! И от Троцкого с большевиками. И от телевидения («телевидение вообще у нас стало странное, как будто из чужой страны. Если кто и поведет на гражданскую войну, то, видимо, наше советское телевидение»). И от ленивых правителей («думают, что можно издать указ, приказ или по телефону позвонить, и все. Да ничего не будет! После очередного указа подумаешь: «Да пошел ты...»). И от темной публики («публика у нас сегодня в политическом плане совершенно необразованная... всей деревне наплевать, какой там будет депутат»). И, конечно, от собчаков и коротичей. Вот от этих особенно, потому что «это просто провокаторы», «горлопаны», которые «играют на публику» (а насчет нее см. выше).

Так что где уж тут заниматься историей, когда со всех сторон навалились. В пору занимать круговую оборону. Тут не до деталей, важно в целом понимать: история — хорошо, а партия — лучше. Партия — хорошо, а Родина — лучше. Родина — хорошо, а порядок...

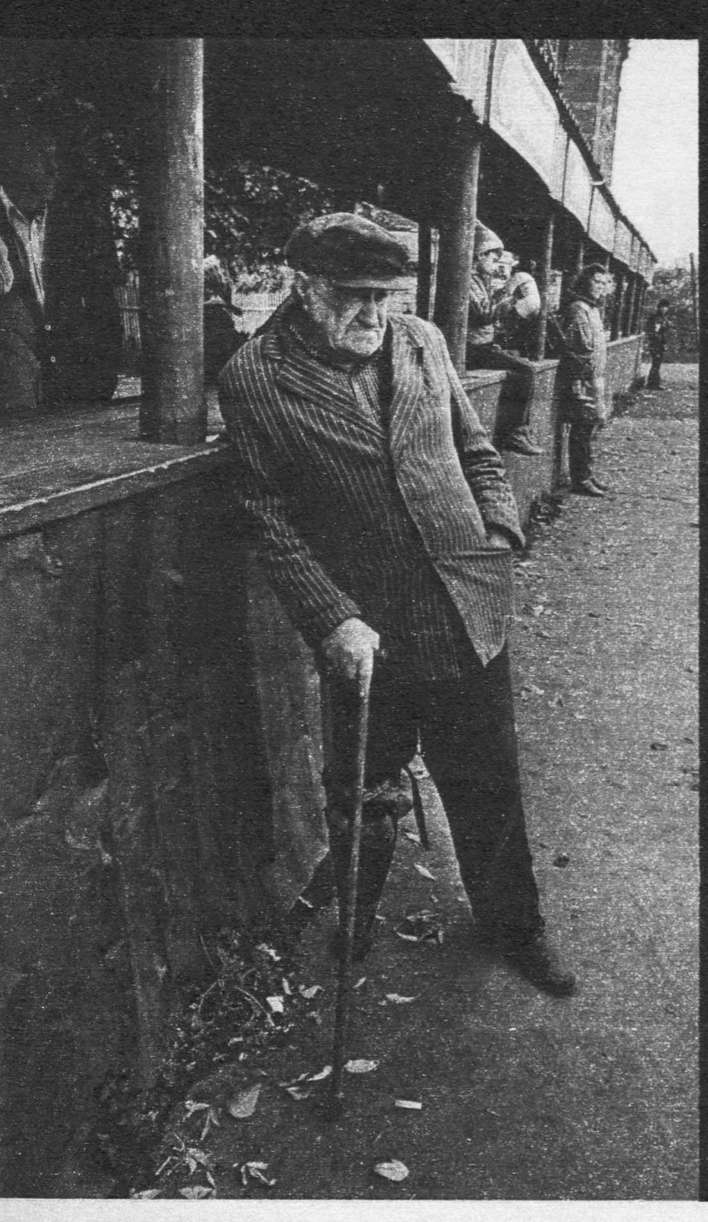
Почти в то же самое время, что Виктор Иванович давал интервью корреспонденту «Русского радио», А. Собчака принял президент Соединенных Штатов. Видно, так и не удастся генералу заняться спокойно историей — надо же опять давать отпор! «Да провалитесь вы все пропадом!»

Светлана ВАВРА

Александр ТЕРЕХОВ,
Павел КРИВЦОВ (фото)

КРАЙ ЦВЕТА

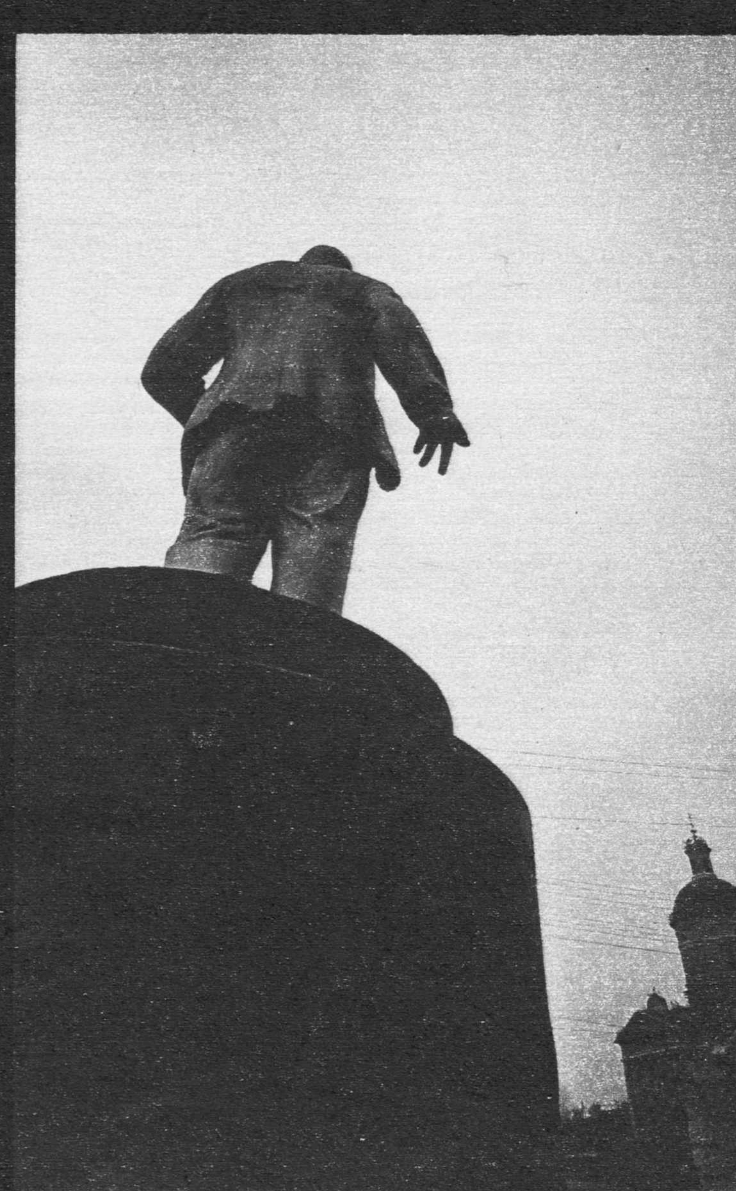
отрывок из случайного письма

В октябре у нас всегда что-то происходит, постучится в окошко или сами топчемся у дорог, высматривая: ну? А я пишу вам из города Епифани с возвышенной поднебесной земли овражной и ветреной Среднерусской возвышенности, по которой тянется Дон, а небо слева — водянисто-душно, а справа — размыто и светло; а ведь мы всегда стоим деревьями — это только города таскаются, побираются по дорогам и достигают нас запахом палого листа, кровавыми сгустками бузины да шепотом: Епифань, город Епифань,— хотя ничего этого нет. Ничего нет.

А есть октябрь, моление об автобусе с привычным страданием, обочины в черных заплатах гари, мы копимся в народ, в автобусную тушу, перепоясавшись ручейком медяков и пенной струйкой делимых билетов, и шевелятся волосы у тех, кто у окна, и жаркий солдат с красной рожей, и главное — воля, и самое это: какая в октябре невыносимо синяя вода, укорным, прощальным, предледным, синим стоном меж косм подсушенного камыша — это город Епифань.

И я хочу написать вам про обширную плешь Красной собственной площади, усыпанную тополиными листами,— будто спрятали, замуровали синее небо серые каменщики и побросали вниз маленькие мастерки — все, октябрь; здесь ветераны, подвыпив, наяривают на гармошках, семенят утки с вульгарно накрашенными клювами и пестрые, как цыганские платки, курицы ворочают красными, шершавыми лапами черную нажигу, тетки, обремененные животами, выставляют в шаге поочередно крепкие, пыльные ноги и цепляют на колонку ведро, как серьгу, по кустам ветер носит клоком ваты бесшумную дворнягу, скрипят вороны

и крадется вечная хмельная фигура в черном пальто, седые виски, опираясь поочередно на каждую заборную доску, будто испытывая ее на крепость, полает, отдыха ради, дремлющему псу и дальше тащится уже веселей, поливаемый повсеместно злобным, задиристым лаем, и магазин торжественный, как пустая сцена, и молодое изваяние продавщицы, готовой тебя забыть или запомнить на всю жизнь, и единственное, что она может предложить,— свою судьбу, и остатки белого камня на тротуарах...

Некоторые сведения полезного характера. Если вы хотите привезти подарок или сувенир и не обидеть хозяев — привезите водки. Воруют редко — если только ушастого кролика или курицу, заплетшуюся не по делу. Главная климатическая трудность: когда наступает пора полива, в водопроводе кончается вода. Интересна манера епифанцев приветствовать гостя. Епифанец приближается на короткое расстояние, улыбается, протягивает по направлению к гостю, как правило, правую руку и радушно говорит: «Давай покурим!»

Но что это я, не об этом, пустое и зря, а бьется кровью, что города наши стали легки на подъем, на дорогу, в бега, им бы посох бузинный, а в него, согласно поверью, истолченные волчьи глаза, языки трех зеленых ящериц, сердце собаки, три ласточкиных сердца и порошок железняк, и это спасло бы в пути! И бузиной ведь богаты! Некому вырезать, некого спасать, и они побежали, как Китеж под воду, их давит осеннее небо свинцовым своим утюгом, затягивает мертвым льдом по синему цвету, и они истекают, как Епифань: уездный, просто город, городок, поселок, ничто, вытягивается в сухое покойницкое тело, готовое к зиме и снегам, и смердит спиртным заводом — единственным, что создал, лелеял и оставит век, все остальное берет небо, рухнувшее на крыши: города наши расклеваны под небом, это деревни ушли в землю, по-людски...

И что там века, татары, князья, великие руки и сердца, эпохи, с законной гордостью можно сказать, что опыт по уничтожению времени завершился настолько успешно, что даже некому это отметить: время врезалось во время, и это видно в октябре, на прощальном синем свету, а все остальное — это хороводы кривых столбов, на которых не горят лампочки, горячий хлеб, который уже не пекут сдобным, петушиные стоны и даже Никольский собор, украшенный отхожими местами и письменами ни в чем не виноватого юного быдла, с седой полынью на старческом куполе — все только прах. И даже не болит. Не болит.

Если только не протиснешься через заваренные ворота, не пройдешь по грязи голубиного помета и не глянет с пятидесятиметровой выси грязное небо в ощетинившийся кирпичами пролом, а рядом с черной и неподвижной, как царапина, цепью, державшей когда-то светильники, призрачной тенью еще сжимают что-то руки богородицы и выше, прощальным взмахом улетающего крыла — полынья напрасного, синего цвета, остаток краски, все, что осталось и зачем...

И шатровая колокольня, в которой были въездные ворота, да утонули в земле, и рот ее наглухо забит кирпичом, замурована заживо, слепая, захлебнувшаяся временем, как только кончили ход и бой русские часы с колоколами, городские,— что же держит она лоскут синего неба над осыпающейся головой истлевшей ладонью креста, наперекор наползающей хмари и вони?

И эта Успенская церковь на круглом и ровном холме, как насыпанном шапками, с проломленным хребтом, серая развалина, забывшая синее и белое, искалеченная перестройками, что ей в синем пятне, хранимом под куполом, последнем следе, ну что... И зачем ей расти набухающими сердечными толчками, когда ты уходишь, все пытаясь достать, зацепить, не бросать эту землю, где голубое переходит в предгрозовую хмарь и дальше — до плотной, тяжелой каймы леса. Дырявым неводом тащится по заболоченной низине воронья стая, ветер задирает подолы серебристым лозинам, и дорога наполняется дождевой водой, как след на теле от кнута — кровью... Холодной слезой застряли банки на заборе, и подымается с обрыва посверкивающий грач и, ломая крыла, уносится вслед за своим крепким носом туда, где жгут солому, где небо наткнулось на землю, ну да ладно, чего уж...

И в заключение своего письма хочется доложить вам, что основное население поселка Епифань располагается на кладбище. В полном соответствии с переживаемым моментом все холмики, оградки, лица и фамилии равномерно и равноправно уделаны сверху донизу отходами птичьей жизнедеятельности, проистекающими из гнезд, застрявших в ветвях, как растрепанные перины. Знаменательно и отрадно также то, что с могилы Гуськова (год смерти — 1918) красная звезда сбита таким же макаром, как и отшиблена башка у плачущей каменной бабы на могиле Гранина (год смерти — 1891).

При кладбище функционирует церковь. Есть в ней и батюшка, служит там, все в порядке. Небольшое только пожелание. Батюшка, вот прежний, который до вас,— вот он над помершими поразмеренней читал. А вы все как-то: тыр-тыр-тыр... Позначительней, раздельней. Если можно. Старушки это любят.

И еще в этой самой Епифани лезет упорно в голову и вспоминается без устали чудной обычай одного иноземного, наверное, даже буржуазного монастыря. Поляжет там народ спать, послушать, что в подушках творится, а тут сторож вдруг слоняется под окнами и давай дубасить регулярно по окошкам и вопить благим матом следующее, в примерном переводе: «Эй, мужики! Вы вот дрыхнете, а еще четверть часа вашей жизни ушли, так сказать, коту под хвост!»

И что ведь только не удумают эти католики-протестанты высокоумные! Ах, эти западные масштабы и ихняя дисциплина!

И последнее, на что я осмелился бы обратить внимание. Весной лед скорее всего сойдет. Вполне возможно, засияет солнышко и засинеет вода. Птица грач прилетит, и, очень может статься, найдутся деньжонки, и купцы вызреют, вычистят и доведут до ума Никольский собор, наймут из оперы певчих, на шатерной колокольне забьют часы колоколами «Боже, царя храни», и под шатром откроется валютный бар, и грудастые девахи в сарафанах будут визжать в хороводах над обрывом у Успенской церкви, над Доном перед тучей жующих туристов, и талоны на сахар и водку будут выдавать только православным. А также возможно, что все останется таким, как есть. Просто, и так, и этак — все равно.

Это будут другие люди, другая земля, новые цвета и языки, новые города пойдут по дорогам, встречая людей, спасаясь и без посоха из бузины волшебной. Все, что наше,— деревни, города, песни, имена, родные люди,— все на этой стороне зимы, ничего этого нет, и все, что мы можем,— увидеть последний, тонущий, стонущий краешек синего цвета октябрьской порой и очнуться среди мертвого города Епифани от удара в окно: «Ваша жизнь прошла».

ПЬЯНСТВУ — БОЙ. А ПОСЛЕ БОЯ?..

Дзинь-дзинь, дзинь-дзинь — переговариваются бутылки, скользя по новенькой итальянской линии вниз, в подвал, где их ждут автоматы, чтобы собрать и поставить в ящики. 260 тысяч литров бесцветной, крепко пахнущей жидкости выпускает каждый день московский ликеро-водочный завод «Кристалл». Где они, эти литры?

В стране, где нет ни-че-го, как-то неловко и стыдно спрашивать: где же водка? Или еще чего придумайте: где же марочное вино? Как щелчка по лбу ждешь ответа: тут колбасы нет, с хлебом перебои, а ты со своей водкой, совсем уже... А задайте этот вопрос специалистам, и вам ответят скучно и прозаично: не хватает пшеницы (ячменя, винограда), бутылок, этикеток, тары. Даже фольгу для пробок и ту часто в Италии покупаем, а она валюты стоит, а валюты нет. О чем уж тут говорить...

1985 год шибанул по мозгам многих указом о борьбе с пьянством и алкоголизмом. Те, кому положено по должности, потом те, кто в ногу со временем, заголосили здравицы сокам и молочным коктейлям, завопили безалкогольные тосты в честь новой, безалкогольной политики партии. Обнаружили вдруг и поспешили оповестить народ о его полном спаивании и деградации. Под шумок позакрывали многие винно- и ликеро-водочные заводы, повырубали винные сорта винограда, повыгоняли с алкогольного производства специалистов.

Нина Алексеевна Мариева, заведующая производством завода «Кристалл», 40 лет отдавшая своей отрасли, со слезами вспоминает те лихие недавние времена. «Режь линии — или партбилет на стол»,— грозил голос в телефонной трубке, и резали, выкидывали в металлолом ценное оборудование. Часть, правда, удалось законсервировать и спрятать.

А спеццеха завода «новые веяния» не коснулись. И он как выпускал, так и выпускает хорошие ликеры и не менее отличную «Посольскую», но не для всех.

Или возьмем совхоз-завод «Солнечная долина» в Крыму. Славная у него история, без малого 100 лет дарит он радость людям своими чудесными винами, от 16-летней выдержки «Мадеры» до «Черного доктора». Слышали вы о них что-нибудь? Слышали (не все, конечно) и, может, даже один разок попробовали — перепало где-то с барского стола, случаются в жизни праздники. Так вот завод тоже не пострадал в суровом 1985 году. «Давили на нас,— говорит директор Владислав Филиппович Карзов,— заставляли вырубать виноградники, насаждали столовые сорта. Но мы выстояли, не поддались, потому что знали — правы мы, десятилетия потом потребуются, чтобы возобновить производство. Хороший виноградарь и винодел — это как хороший математик или врач — в пять минут не научишь его мастерству».

«Так куда же идут ваши вина, где их можно купить?» — не унимались между тем любители. «Ну где-где? Нигде. Москва, Ленинград, Киев — спецбазы, им поставляем»,— был ответ.

Итак, в народный желудок качественный алкоголь не попадает, ибо вреден он для масс: снижается работоспособность, повышается травматизм, ну и так далее. Что же в таком случае пьет народ? И пьет ли вообще?

Совсем недавно начальник медицинского вытрезвителя Черемушкинского района г. Москвы Заки Шахмалиевич Асадов сказал мне: «В этом году количество клиентов в вытрезвителях Москвы дошло до цифры, отмеченной в 1985 году, до указа».— «Но позвольте, тогда было что пить, а теперь вроде как...» — «Пойдемте, покажу нашу коллекцию, то, что мы изъяли из карманов задержанных». Коллекция оказалась невелика: шампунь, средство для снятия лака с ногтей, средство от пота, лосьоны, одеколоны...

Привезли новую партию задержанных. Кто-то буянил, кто-то глупо улыбался, а один сидел и был просто бледно-зеленый, ну как труп. «Вызывайте «Скорую»,— сказала дежурному фельдшер и спокойно вкатила «зеленому» укол. Кто-то из милиционеров на ходу заметил: «Второй такой за вечер». Приехала «Скорая». Усталый и грустный врач присел на корточки перед «зеленым». «Что пил?» — равнодушно спросил он. «Зеленый» не подал признаков жизни. «Тормозную жидкость?» — уточнил врач. Тот слабо кивнул. «Может, «Антимоль»?» «Зеленый» снова кивнул. «Ну поехали»,— вздохнул врач.

И они уехали.

Евгений АНДРОСОВ

«ВЕНА НА ЗАРЕ XX СТОЛЕТИЯ»

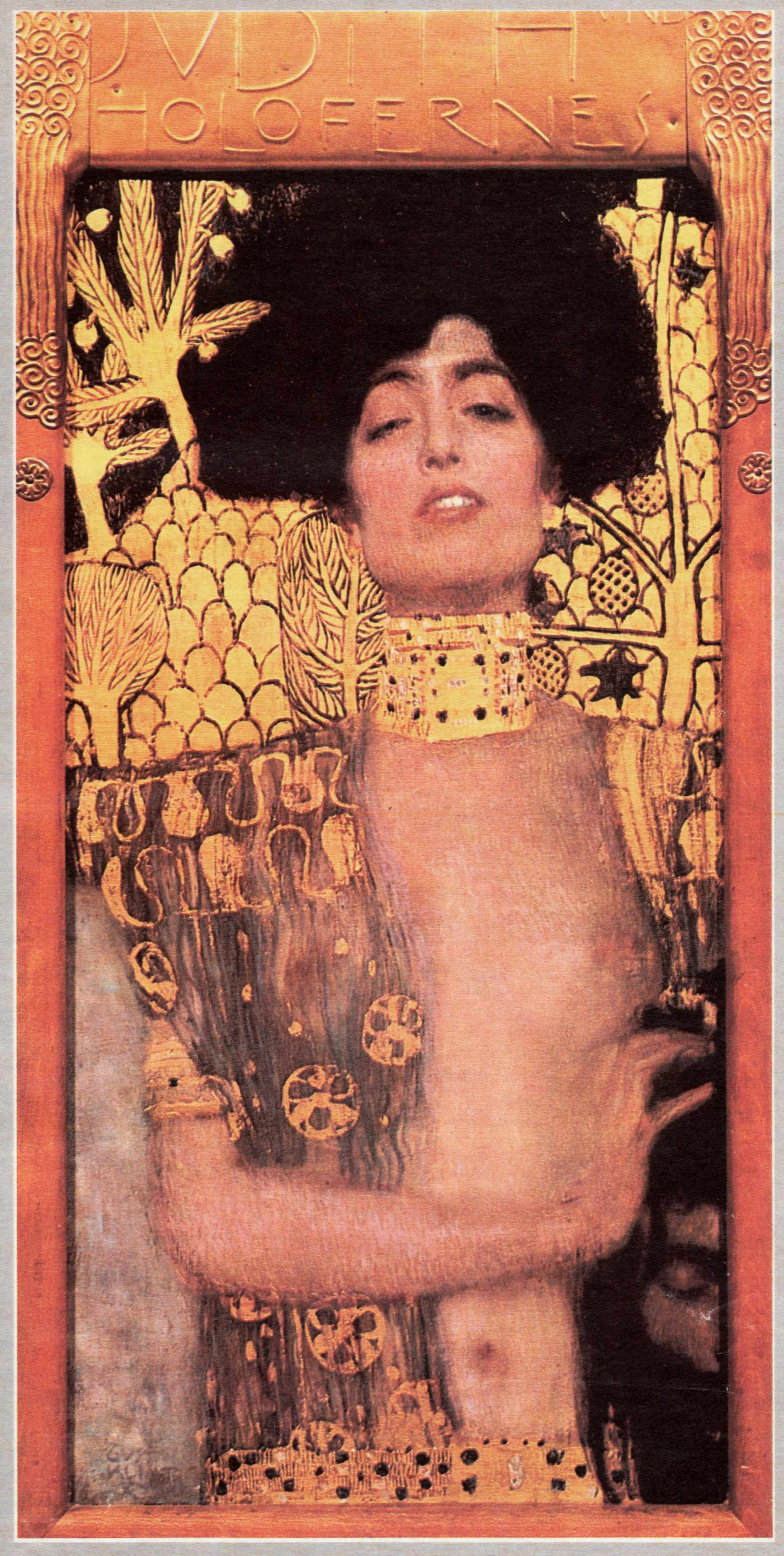
Такая выставка проходит в залах Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Образ предвоенной Австрии, блистательной, пышной, амбициозной, бюрократической — и полной новых поисков, неопределенных предчувствий, висящей на волоске мгновения от выстрела в Сараево, первой мировой, от кровавого месива, газов, лазаретов, первых танков (но об этом в романе ни слова, ни намека, это знаем и помним только мы),— создал Роберт Музиль в замечательной книге «Человек без свойств». Сейчас в залах ГМИИ мы можем всмотреться в «живую картину» той Вены, в культурный срез времени.

Приход нового художественного стиля — в европейских центрах он получал разные имена: Югендштиль, Арт нуво, Стило флореале, модерн,— в Вене же, где создателями его были художники, основавшие во главе с Густавом Климтом выставочное объединение «Сецéссион», он и назывался «стилем Сецессион». Он пронизывал все — от архитектуры и живописи до сумочек и почтовых открыток, или, скорее, наоборот — от брошек и чашек до дворцов и картин, поскольку модерн (или «стиль Сецессион») часто выстраивал объемы зданий или композицию холста теми же приемами, что форму конфетницы или силуэт платья. «Сецессион» стремился осуществить идею единого художественного произведения, синтезирующего архитектуру, живопись, скульптуру, прикладное искусство, музыку.

Музиль писал: «Кто-нибудь изобретает какой-нибудь великолепный новый жест, внешний или внутренний... Позу, в которой живешь? Форму, в которую внутреннее содержание накачивается, как газ в баллон?.. Технику Бытия? Это могут быть новые усы или новая мысль... и тут же бросаются на это юные души». На выставке «Вена на заре XX столетия» мы найдем в изобилии и «новые усы», и вспомним те новые мысли, которыми обогатили человечество запечатленные на фотографиях носители этих усов — Фридрих Ницше, Зигмунд Фрейд, Роберт Музиль, давно ставшие классиками.

Выставка — «живая картина» стиля, в атмосфере которого, проникаясь ею и влияя на нее, рождались эти «новые мысли», можно найти немало созвучий между творчеством Климта и Ницше, Шиле, Кокошки и Фрейда. В искусстве Эгона Шиле и Оскара Кокошки видно, как модерн перерастает в экспрессионизм, а их старший современник Густав Климт — несомненно, «главный герой» венского модерна, создавший наиболее «чистые» и эффектные образцы этого стиля.

Татьяна ЛЕВИНА

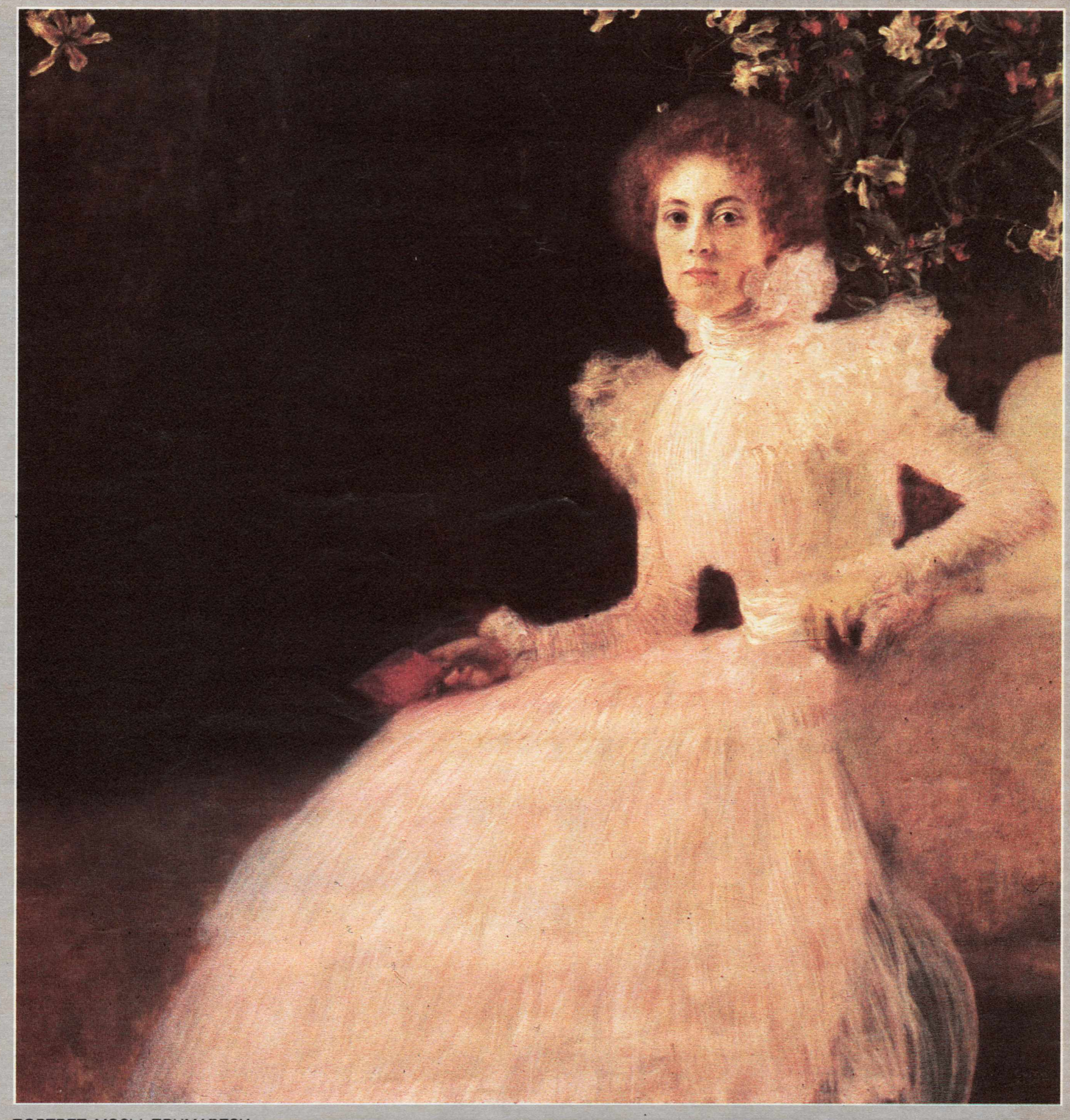
Густав КЛИМТ.
ЮДИФЬ I.

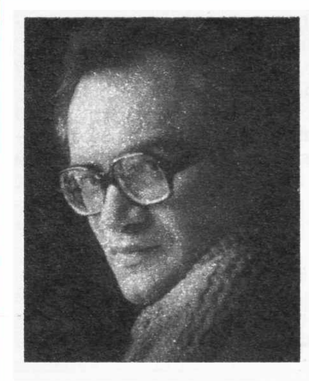
ПОРТРЕТ СОНИ КНИПС.

ПОЦЕЛУЙ.

ПОРТРЕТ МЭЗЫ ПРИМАВЕЗИ.

Александр КУШНЕР

Чужое внимание

* * *

Данаиды наполнят бездонную бочку, поверь,
И Сизиф свой валун обязательно на гору
вкатит,
Потому что защелка однажды ломается, дверь
Больше не запирается, гнев выдыхается:
хватит!
Останавливаются часы, обрывается трос,
Заменяются боги одним — и его под сомненье
Ставят, слезы текут, а потом, как ты знаешь,
и слез
Нет, и самое лучшее слово на свете: прощенье.

* * *

Свеч этих, золота, тяжести, пения,
Пышных одежд, многолюдья, сияния
Стыдно мне, общего расположения
К громкой молитве, чужого внимания
К тихому жесту, лица выражению.
Я постараюсь хранить безразличное
И равнодушное. По мановению
Жезла — сухое миганье ресничное.

Нет, не могу, не могу при свидетелях
С Ним говорить в толчее: не получится!
Тех ли старух, завсегдатаев этих ли
Совестно как-то. Горячее, лучшее,
Детское, данное мне от рождения
Редкое чувство, как мех горностаевый,
Как на всеобщее я обозрение
В руки чужие отдам? Не настаивай!

* * *

Диагноз знают близкие, скрывая
От ближнего, и голову морочат
Ему, тоска в глазах у них ночная,—
Он хочет заглянуть в нее, не хочет,
Он путается, чувствуя ошибку,
И мучается, фразы не закончив,
Как если бы рукой ловил он рыбку
В аквариуме,— нежный взгляд уклончив.

Ребенком, взрослым, сыном был я, мужем,
Учителем, пловцом, поэтом, гостем,
Любовником — и статую на ужин
Позвать готов был, странником, подбросьте
Еще пять-шесть обличий и занятий,
Садовником в своем саду убогом
И был еще, склоняясь над кроватью
Больного, что всего страшнее, Богом.

* * *

Памяти Л. Я. Гинзбург.

Взгляд, от речи оторванный, жалок,
От разумного смысла — впервые.
Этих выцветших страшно фиалок
Мне: еще голубые, живые.

Взгляд, то ниже стоящий, то выше
Золотого, заветного смысла.
«Это я! Это Саша!» — не слышит.
Хоть бы тени остались, хоть числа!

В «скорой помощи», сдавлен тоскою,
Я напрасно к носилкам прижался...
Кто писал, что сказаться душою
Он без слов бы хотел,— ошибался.

Чем кончается старая дружба,
Проглотив обреченную фразу?
Тем, что лжет медицинская служба,
Не лгала б — расставались бы сразу.

* * *

Сторожить молоко я поставлен тобой,
Потому что оно норовит убежать.
Умерев, как бы рад я минуте такой
Был: воскреснуть на миг, пригодиться опять.

Не зевай! Белой пеночке рыхлой служи,
В надувных, золотых пузырьках пустяку.
А глаголы, глаголы-то как хороши:
Сторожить, убежать — относясь к молоку!

Эта жизнь, эта смерть, эта смертная грусть,
Прихотливая речь, сколько помню себя...
Не сердись: я задумаюсь — и спохвачусь.
Я из тех, кто был точен и зорок, любя.

Надувается, сердится, как же! Пропасть
Так легко... Столько всхлипов, и гневных
гримас,
И припухлостей... Пенная, белая страсть,
Как морская волна, окатившая нас.

Тоже, видимо, кто-то тогда начеку
Был... О, чудное это, слепое «чуть-чуть»,
Вскипятить, отпустить, удержать на бегу,
Захватить, погасить, перед этим — подуть.

* * *

В конце концов, смотри, полюбишь эти слезы,
Мужскому чуждые уму,
И перемену чувств, как перемена позы,
Мгновенную,— вопрос бессмыслен: почему?
И сбивчивую речь, и грозное молчанье.
Ну, в чем ты виноват? Подумай и скажи.
В конце концов свое увидишь оправданье
В отсутствии души.

Душа твоя сидит, обидясь, в старом кресле,
Молчаньем все сказав.
Вот если б, умерев, и впрямь потом воскресли,
Тогда б разобрались, кто больше был не прав.
В конце концов душа, конечно, не мужчина,
А женщина: ее передоверив ей,
Ты видишь, что всегда для горя есть причина,
Для радости и слез, для блеска и теней.

«В конце концов, скажи, чего ты хочешь?» —
эти
Слова произносить не стоило. Вина
Моя. В конце концов, не правда ль, мы
не дети
И ясность быть должна
Во всем? В конце концов мужское небо
прочно:
Светло, когда светло, темно, когда темно;
И в ласточке проточной,
Купающейся в нем, нуждается оно.

* * *

Будь снисходительна,— тебя учил я. Будь
Великодушна. Жаль, подумай, всех, всех, всех.
Не сами мы, а нам огонь вдохнули в грудь.
Что полый он внутри, не виноват орех.

Я помню в детстве миг, когда, не знаю, дуб,
Клен или тополь — их не различал еще —
Шагнул навстречу мне, с уступа на уступ
Погнал листву, дохнул, толкнул меня в плечо!

К другому — влажная сошла с небес звезда.
Тому — мелодия смочила детский слух.
А этот, может быть, он, бедный, спал тогда,
И было некому согнать угрюмых мух.

* * *

И кое-что можем, и кое-что знаем,
Из юности жарко-доверчивой помним.
Я даже был дружен с одним негодяем,
А как бы иначе я что-нибудь понял?

А так, слава Богу, я видел коварство
И знаю, что это не праздное слово,
Что жизнь потерять с ним возможно и царство,
Так низко и вдумчиво-многоголово.

А то, что оно в современном наряде
Выходит навстречу не вьющимся змеем,
С улыбочкой дружеской, нет пошловатей,
И мы не из сказки и царств не имеем!

И то, что оно — порожденье системы
И в тихих привыкло стучать кабинетах,
Так это затем, чтобы помнили, где мы
Живем — не в чертогах! Не в царских
каретах —

В автобусах ездим. Казалось, не стою
Стараний его! Современные песни
Мурлыча, старинной, как мир, клеветою
Живет,— не взыщи: так еще интересней!

* * *

Все эти страшные слова: сноха, свекровь,
Свекр, теща, деверь, зять и, Боже мой,
золовка —
Слепые, хриплые, тут ни при чем любовь,
О ней, единственной, и вспоминать неловко.

Смотри-ка, выучил их, сам не знаю как.
С какою радостью, когда умру, забуду!
Глядят, дремучие, в непроходимый мрак,
Где душат шепотом и с криком бьют посуду.

Ну, улыбнись! Наш век, как он ни плох, хорош
Тем, что, презрев родство, открыл пошире
двери
Для дружбы, выстуженной сквозняками сплошь.
Как там, у Зощенко? Прощай, товарищ деверь!

Какой задуман был побег, прорыв, полет,
Звезда — сестра моя, к другим мирам и меркам,
Не к этим, дышащим тоской земных забот
Посудным шкафчикам и их поющим дверкам!

Отдельно взятая, страна едва жива.
Жене и матери в одной квартире плохо.
Блок умер. Выжили дремучие слова:
Свекровь, свояченица, кровь, сноха, эпоха.

АПОЛЛОН В ТРАВЕ

В траве лежи. Чем гуще травы,
Тем незаметней белый торс,
Тем дальнобойный взгляд державы
Беспомощней; тем меньше славы,
Чем больше бабочек и ос.

Тем слово жарче и чудесней,
Чем тише произнесено.
Чем меньше стать мечтает песней,
Тем ближе к музыке оно;
Тем горячей, чем бесполезней.

Чем реже мрачно напоказ,
Тем безупречней, тем печальней,
Не поощряя громких фраз
О той давильне, наковальне,
Где задыхалось столько раз.

Любовь трагична, жизнь страшна.
Тем ярче белый на зеленом.
Не знаю, в чем моя вина.
Тем крепче дружба с Аполлоном,
Чем безотрадней времена.

Тем больше места для души,
Чем меньше мыслей об удаче.
Пронзи меня, вооружи
Пчелиной радостью горячей!
Как крупный град, в траве лежи.

* * *

Путь от ума до сердца долог.
Гораздо дольше, чем до елок
Вон тех, стоящих за рекой.
И тащишь жалость через волок,
Внимаешь жалобе с тоской.

Но тащишь все-таки, внимаешь.
Себе в обязанность вменяешь
То, чего, может, в сердце нет.
Не нажимать на этот клавиш —
И точно станешь глух и сед.

Михаил ЛЮБИМОВ

И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ

РОМАН

Глава десятая

О ТАЙНАХ РИММИНОГО ЛАРЦА, «КРАСНОЙ СЕЛЕДКЕ», ИРЛАНДСКИХ ТЕРРОРИСТАХ И О ТОМ, ЧТО ЗНАЧИТ СКОЛЬЗИТЬ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА, ДРОЖА ОТ СЛАДОСТИ ПОРЕЗА

«— Уже гремит гроза, вы слышите? Темнеет. Кони роют землю, содрогается маленький сад».

М. Булгаков

«Центр, Курту.

1. «Конт» благополучно доставлен сюда и представлен лично «Фреду», который к работе с ним меня не привлекал, а вывез «Конта» для бесед в известную вам загородную резиденцию. В отношении «Конта» определенного впечатления у меня не сложилось. Устоявшихся политических взглядов «Конт» не имеет, хотя к нашей внешней и внутренней политике относится резко отрицательно. Он утверждает, что бежал прямо из страны через Финляндию, используя болгарский паспорт. Причиной этого якобы явились угрозы со стороны неизвестного лица (или организации) и даже покушения на его жизнь. По моему мнению, эту версию «Конт» придумал, чтобы оправдать предательство. Совсем недавно «Фред» жаловался на «Конта», заявив, что тот не хочет идти на глубокое сотрудничество и на передачу секретов, якобы «не желая нарушать присягу», но готов работать как журналист и выступать с материалами, разоблачающими порядки в нашей стране. «Конт» также задумал написать книгу, но к этому еще не приступил. В процессе многократных бесед с ним я пришел к заключению, что мы имеем дело с весьма скользкой личностью, к тому же еще психически неуравновешенной и склонной к пьянству[1].

Каких-либо перспектив установления особых отношений с «Контом» не вижу. Он, как мне думается, рассчитывает заполучить через американцев жену и детей, устроиться с их помощью на работу, сделать деньги на бестселлере о деятельности нашей службы и заняться журналистской деятельностью с диссидентских позиций. По-моему, для реализации операции «Бемоль» — «Конт» вряд ли может представить интерес. Считал бы целесообразным от контактов с ним воздерживаться, сказав «Фреду», что личные отношения у меня не складываются.

2. Мое продвижение в плане «Бемоли» проходит медленно, что, по всей вероятности, объясняется тем, что «Пауки» еще не закончили окончательную проверку. Во всяком случае, поездка в Каир укрепила мои позиции; как кажется, «Фред» стал больше мне доверять. Он представил меня нескольким сотрудникам «Пауков», которых я консультирую по отдельным вопросам (справки об этом направляю отдельно), планирует перевербовку некоторой выданной мной агентуры и собирается подключить меня к разработке сотрудников нашего посольства. «Пауки» чрезвычайно внимательно следят за действием Центра, и мимо их внимания вряд ли прошел тот факт, что Центр ведет себя пассивно и, по сути дела, лишь принимает от меня текущую информацию, не ставя новых заданий, которые бы постоянно поддерживали интерес «Пауков» к моей деятельности. На данном этапе это создает основные препятствия на пути укрепления ко мне доверия и приближения к основной задаче, поставленной Центром. Том».

Это тусклое послание было катапультировано мною на экстренной встрече через спирохетичного молодого человека в очках, и на следующий день рыжий вахлак, уже в кожаной куртке и не воняющий перегаром (получил втык из Центра за плащ и сделал выводы), на том же месте сунул мне в ладонь коробок с ответом Центра, точным и кратким, ибо, как известно, краткость — сестра таланта — это часто повторял Маня на совещаниях, обсасывая по часу какую-нибудь самую простенькую истину.

«Лондон, Тому.

1) С вашей общей оценкой обстановки согласны.

2) Предложения по укреплению ваших позиций приняты нами к сведению.

3) Вашу линию на уход от контактов с «Контом» считаем в корне неправильной и просим по возможности углублять личные отношения с ним и держать нас в курсе его истинных намерений. На наш взгляд, работа с «Контом» может помочь решению основной задачи «Бемоли». Курт».

«Ну и хитрецы! — думал я, сжигая телеграмму в унитазе и размешивая пепел туалетной щеткой.— Как они тянут меня в дело с «Контом» («если он будет стоять на краю пропасти, ты можешь его и подтолкнуть»), а на фига все это нужно Алексу, не желающему пачкаться в дерьме?»

Третий пункт о «Конте» был составлен в жестких тонах и наверняка согласован с самим Бритой Головой, осуществлявшим контроль сверху за «Бемолью». Центр не выносил, когда с ним вступали даже в легкий конфликт, и обычно бил прямо кулаком в нос, не заботясь о мягких замшевых перчатках.

Телеграмму, естественно, готовил Чижик под диктовку Челюсти, который и клал ее на стол к Мане для согласования с Бритой Головой. Я представил Маню перед грозными глазенками Бритой Головы, робкого Маню, почесывающего густой «ежик» рукой с почти вытравленной татуировкой (как гласило предание, падение сие произошло в самом начале его партийной карьеры на далеком тракторном заводе; об идейном содержании татуировки в Монастыре шли вечные дискуссии, и многие склонялись к тому, что там синело «Не забуду мать родную»).

Я посмотрел на календарь — в этом месяце Бритая Голова обычно ложился в больницу на профилактику своего бесценного здоровья. Монастырской больницей он гнушался, хотя там для него постоянно содержали отдельную палату с персональной ванной и туалетом (все полководцы службы были привержены к персональным туалетам, видно, боялись, что рядовой состав вдруг обнаружит, что его шефы, как самые обыкновенные люди, имеют несчастье мочиться и отправлять прочие неприличные нужды), а предпочитал загородную больницу от Застарелой площади, предназначенную для самой высокой номенклатуры, где не только проходил осмотры под глазом самой диковинной японской техники, но и активно общался в кулуарах, обсуждал политическую ситуацию в стране, прошедшие и грядущие кадровые перемещения и мелкие сплетни, без которых никто из больных не мог спокойно и навеки уснуть, мысленно устроившись в Неодназначной Стене.

Значит, Мане пришлось мчаться на своем «шевроле» за город, виляя по узким, уставленным «кирпичами» и милицией дорогам; сам он был здоров как бык, но тоже регулярно ложился на обследования под давлением личного врача, силившегося любыми средствами оправдать свое существование («Зря вычистили евреев, что могут эти блатари с чистыми анкетами?» — ворчал Маня, теребя свой «ежик», и вспоминал, как сладко и легко жилось ему до того, как бросили его на укрепление Монастыря в величественном сером доме на Застарелой площади, где ласково-вкрадчивые и по-рабочему крепкие рукопожатия в кабинетах и глухая тишина в коридорах, лишь иногда разрывает ее трепет бумаг: это, как испуганная лань, летит по ковровой дорожке референт на доклад к начальству).

Маня, Маня! Озорник Алекс приклеил ему эту кличку лишь потому, что ни густой «ежик», ни остатки татуировки, ни прямой, мужественный взгляд не могли скрыть его удивительно бабьего облика — баба это была, старая кисельная баба[2]: повяжи ей вокруг «ежика» и почти отсутствующего подбородка оренбургский платок — и не отличить ее от старушенций, сидящих в любой деревне на скамейке у дома и глазеющих на проезжающие автомобили.

Знатоки относили Маню к разряду трудных шефов. Если его предшественник Бобер подписывал любой документ легко и не читая (взбучки за глупости и ошибки он давал страшные, устраивал настоящее аутодафе, говорили, однажды проломил кулаком стол, некоторых даже выносили в глубоком и искреннем обмороке, поэтому все бумаги готовились тщательно и с учетом его твердого стиля), то Маня прочитывал все от начала до конца, вгрызаясь в каждое слово и даже пунктуацию (!), и, прежде чем поставить свою закорючку (некий глубокомысленный вензель, разработанный им еще во время трудов на тракторном заводе), правил и правил разными карандашами, рассыпал весь документ на части и собирал воедино совершенно в другой последовательности, приказывал все перепечатать, снова все перечитывал, иногда приходил в ярость от бестолковости исполнителя, но чаще всего оставался доволен своею работой.

Бобер лишь в редких случаях удостаивал документ своей резолюции (обычно с его слов это делал помощник: хитер был Бобер, не любил оставлять следов и, если дело разлезалось по швам, всегда снимал стружку с помощника, якобы исказившего его мудрейшие распоряжения), Маня же из-за любви к печатному слову и привязанности к мекленбургской словесности (на самой последней работе в Доме он занимался идеологией, защитил кандидатскую о Принципах и считал себя виртуозом пера) не резолюции писал, а целые эссе, писал со страстью и душой, иногда даже на отдельных страницах, пока, наконец, мудрый Челюсть, охраняя репутацию шефа (и свою тоже), не убедил его умерить пыл и ограничиться такими содержательными формулировками, как «Пр. переговорить» или «Обсудим».

Но от правок Маню отучить не удалось: при виде любого текста зажигались хищными искрами его прямодушные глаза, мятое лицо розовело от предстоящего наслаждения, он долго выбирал по цвету, по длине, по внешнему виду, по марке ручку или карандаш — они лежали и стояли на мраморном письменном приборе в загадочном беспорядке — и впивался в документ с ретивостью изголодавшегося бульдога, сжимал скулы, играл желваками и превращался на миг в мужчину — пух и перья летели в разные стороны, словно пес раздирал на части лебяжью перину.

Но когда испещренный линиями и кружками текст, рассыпавшись, снова интегрировался в единое целое, перепечатанное обозленными уставшими машинистками (Маня никогда ничего не успевал, сидел допоздна и держал при себе всех заместителей и 2—3 технических работников), то оказывалось, что суть текста оставалась такой же, только начало перекочевывало в финал, а финал попадал в начало.

Конечно, Алекс не настолько глуп, чтобы кричать на каждом углу, как он тайно называет Маню, но с Челюстью этим я уже поделился,— хохотал тот до упаду, точно так же, как и тогда, когда я впервые назвал его в глаза Челюстью («Здорово придумал, старик, у меня на это не хватило бы мозгов!»).

Я вышел из туалета, попыхивая сигарой, забивающей запах дыма от сгоревшей бумаги, вошел в ванную и причесался специальной щеточкой, предназначенной одновременно и для регулярного массажа натруженной светлой головы.

Облившись слегка «Аква вельвой» («гори, гори, моя звезда!»), я вышел в халате в гостиную, где тонула в телевизоре грустная Кэти, которая прильнула ко мне так нежно, что заставила забыть не только о Мане, но даже и о Бритой Голове.

Яростный диалог тут же на тахте оказался не таким безрадостным, как я предполагал, а вскоре разговор вошел в обычную колею.

— Когда мы с тобой походим на яхте, Алекс? Или мне ее продать?

— Зачем продавать? Выберем время и съездим в Брайтон. Заодно я повидаюсь с папой, давно его не видел.

Она закивала головой и погладила меня по волосатой мужественной ноге.

Это вызвало у меня необыкновенный прилив нежности.

— Когда наконец мы снимем дом? Надоело жить на две квартиры. И вообще, милая, нам пора уже связать себя формальными узами... в конце концов я не хиппи, а солидный человек, мне надоел свобод-

[1] На этой фразе я почувствовал себя старой проституткой, читающей мораль о необходимости сохранять невинность.

[2] Менее прекрасная, чем та торговка урюком на крыльце, будоражащая мои прозрачные сны.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—45.

ный брак... я уже сто раз говорил, что хочу ребенка... даже двоих...— Я не скупился на обещания, добродетельный Хилсмен уже не раз намекал на то, что мне пора упорядочить мою бурную жизнь, да и Центр призывал закрепить свой семейный статус ради «Бемоли» — что делать, если на человека давят две такие мощные организации?

Реакция Кэти была предсказуемой: изящный жест голой руки (ах, бросьте! не говорите глупости, сэр! какой ребенок? я вас люблю, как дай вам Бог любимым быть другой, элегантного, сильного и с чарующим пробором! зачем нам семья? какая скука!), белозубая улыбка (зубы Кэти были нашей общей гордостью, удивительно, что она не поручила мне их чистить — так заботливо мы оба к ним относились), затем она перепорхнула на мои распахнутые колени (тут мне в голову пришла поэма из единственной строфы полузабытого мекленбургского поэта: «О, закрой свои бледные ноги!», я не расхохотался лишь потому, что испугался растерять в смехе все свои скаковые качества), и я простучал голыми пятками за нею в спальню, радуясь лишнему шансу походить босиком.

Второй антракт пришлось смочить вином. Хотя лепету Кэти я совершенно не верил, меня согревала мысль, что она все же отвергла мое брачное предложение — никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами!

С Риммой этот больной вопрос мы решили проще: ехали на трамвае, увидели загс и зашли.

Мы жили в другие времена и любили друг друга крепко (ах, Алекс, ты стареешь и слабеешь, ты стал сладко-сентиментальным, брат, скоро и менторствовать начнешь: мол, учитесь, молодые, берите пример с моей образцовой семейной жизни!), счастливые годы, веселые дни, как вешние воды...— и ничего не осталось, кроме слабых раздражающих воспоминаний.

В конце моего последнего мекленбургского визита Челюсть решил разрушить лед, уже несколько лет разделяющий кланы Капулетти и Монтекки, и пригласил нас домой в гости. Одевался я тщательно и решил придать себе богемный вид, повязав шею угольно-черным платком с искрой (его десять лет тому назад подарил один агент: снял, душка, и отдал, увидел, что вещь мне понравилась), который давно валялся где-то в моем гардеробе, но там его не оказалось, и я начал шарить по всем сусекам — событие экстраординарное, терпеть я не мог барахтаться в шмотках, никогда не помнил, где что лежит, а на Риммины шкафы смотрел с боязнью, знал, что они забиты барахлом, которое я привозил по ее заказам.

Тут я нарушил традицию: очень хотелось потрясти Челюсть и его деревню — Большую Землю черным с искрой платком, обернутым вокруг шеи а lá лорд Байрон, под клетчатым пиджаком с кожаными заплатами на локтях, криком моды, особенно вкупе с мышиного цвета фланелевыми штанами.

И я зарылся во встроенный шкаф в коридоре, взрыхлил там все, но платка не обнаружил, зато налетел на пистолет-пулемет «венус», о котором совершенно забыл,— блестящая штука длиною всего лишь в 38 сантиметров, калибр 5,6 мм, скорострельность — 5000 выстрелов в минуту. Купил я это чудо военной техники в Майами, штат Флорида, на случай революции (или контрреволюции) в Мекленбурге, когда озверевшие толпы начнут штурмовать комфортабельные дома для «белых», вешать на фонарях номенклатурных дядей, а заодно и невинного агнца Алекса — кто будет разбираться, великий ли он разведчик или обыкновенный стукач, заложивший десятки невинных людей.

Впрочем, счастливая находка совершенно забытой вещи не остановила моих усилий, я рыл, как тот самый крот истории, воспетый моим соседом по Хемстеду на Хайгейтском кладбище, так и не дорывший ее до всемирной диктатуры пролетариата, и вдруг уткнулся в знакомый ларец, прикрытый коробками с туфлями, я открыл его и — о Боже!

Именно в этот момент возвратилась из цветочного магазина Римма и застыла на пороге, пораженная, если не убитая, кавардаком в апартаментах.

— Откуда у тебя такая груда бриллиантов?! — Я был поражен, и как тут не поразиться, если найден целый клад, целый ювелирный магазин — откуда свалились эти сокровища? Неужели это все наше? Полная чепуха! Я привозил ей, конечно, много, и тут покупали, но столько... нет!

— Что это ты надумал рыться в моих вещах? До сих пор это за тобой не наблюдалось!

— Неужели это все мы накопили? — Мне даже страшно стало: вдруг нагрянет сейчас Бритая Голова со взводом солдат и застанет меня над сундуком с золотом, словно Скупого Рыцаря.

— Представь себе, все это мои драгоценности! — Меня резануло слово «мои», хотя вдевать ее серьги в нос я не собирался.— Приходится продавать некоторые вещи, которые ты привозишь, ведь они все равно износятся или испортятся, а драгоценности всегда в цене... хороший вклад!

— Неужели на наши вещи можно накупить столько бриллиантов?

— Знаешь что, Алик? Не лезь не в свое дело! Что ты в этом понимаешь? Катаешься себе там как сыр в масле на казенных харчах... К тому же тут и мамины бриллианты...

— Мамины? Никогда не думал, что у нее что-то было...

— Конечно! Было только у твоего слесаря папы... Ты пойми: в Мекленбурге вещи стоят дорого, а драгоценности дешево, ясно?

— Римма, в чем ты пытаешься меня убедить? Ты лучше скажи, откуда все это?

— Ах, ты начал следствие? Проснулась профессиональная жилка? Хорошо! Все это подарил мне любовник!

Я только захохотал и сбил себе весь запал гнева — днем с огнем в Мекленбурге при всей фантазии не сыскать такого богача. Конечно, при жесточайшей экономии и умелом обороте со шмотками и техникой Римма могла сколотить капиталец и разумно инвестировать его в драгоценности... Разве не здравый смысл? Тут я отыскал любимый шейный платок. Из-за чего, собственно, сыр-бор? Не украла же она? Конечно, у Риммы имелись капиталистические замашки, с Молохом она не ссорилась, жила в дружбе, и, кстати, я сам это всегда ценил. Если бы не Римма, черта лысого я получил бы, а не дачный участок, все это не моя стихия. Вершина моей коммерческой деятельности — это сдача пустых бутылок, да и тут меня всегда обсчитывали, а я и не спорил: противно было. Наверное, Римма справедливо считала меня тряпкой и орала: «Если бы ты родился женщиной, то постоянно был бы беременной!» Что ж, невелика беда!

Я завязал на шее платок, чуть взбил и взрыхлил его, стараясь сделать это небрежно, что само собой получалось у любого европейца, а мне стоило многих тренировок перед зеркалом, и набросил пиджак раскраски шахматной доски. Такими пиджаками поражал Лондон король Эдуард VIII, женившийся на американской актрисе вопреки воле двора и истеблишмента, за что и поплатился короной,— вот это герой! Вот это настоящий мужчина!

Я надел фланелевые брюки мышиного цвета на подтяжках с белыми слониками (слоники приносят счастье, а Алекс никогда не забывал ни о расположении звезд, ни о гороскопе) и узорчатые туфли «ллойдс», которые не хочется снимать даже перед сном, и закончил шедевр, воткнув в верхний карман пиджака белый платок, но не так, как делают это мекленбургские клерки, не на миллиметр-два вверх от кармана, а на полную катушку и небрежно, чтобы торчал он, как гордая белая роза!

Челюсть Николая я уже имел счастье лицезреть и в день моего приземления, когда он ошеломил мир своим внезапным приездом в аэропорт, и на работе, и на конспиративной квартире, куда я приволок ценные заказы: золотые запонки с изображением Нефертити и еще кое-что (заграничные подарки, стыдливо именуемые сувенирами, давно вошли в плоть и кровь Мекленбурга, их уже не просили, а требовали).

Особенно в ходу были рыболовные снасти, и мне пришлось специально наладить бизнес с владельцем магазина рыболовецких принадлежностей — ведь спрос на все эти крючки и блесны не имел границ: все бонзы Мекленбурга охотились и ловили, особенно любили половить, подпить, к вечеру загрузить всех чад и домочадцев очисткой рыбы и снова хряпнуть перед здоровым сном.

Челюсть принял «Нефертити» для себя и спиннинги для своих контактов (сам он не ловил, а охотился — это уже на ранг выше) и заказал по просьбе тестя два снайперских прицела для стрельбы по кабанам с вышки (егеря сгоняли бедняг в стадо, и палить можно было, не целясь) и особый чехол для охотничьего ружья, сделанный из стали и не позволяющий тягачу, трактору (или танку), везущему прицеп с убитыми фазанами (кабанами, тиграми, слонами), переехать и сломать ружье, случайно положенное на дорогу,— такой случай якобы у тестя был: тягач повредил ему подарочную бельгийскую винтовку во время охоты в заповедном хозяйстве.

Мы проехали мимо памятника виконту де Бражелону (голубь на его шляпе радовался жизни) и прямо у муниципалитета свернули на улицу Отца Уникальной Театральной Системы.

Римма немного нервничала — ведь наш визит знаменовал собою новую страницу в истории домов Капулетти и Монтекки: близкая дружба, свадьба, потом вежливое охлаждение до телефонного уровня, вдруг новый всплеск в виде ночного визита к нам Николая Ивановича после пьянки и приглашение к нему домой — событие национальной важности!

Челюсть уже перебрался во внушительный номенклатурный дом, перед которым моя весьма приличная обитель выглядела, как лачуга (правда, в случае заварушки его атаковали бы в первую очередь и не помог бы тут даже пистолет-пулемет «венус», калибр 5,6 мм), мы вплыли в роскошное фойе — иначе не назовешь эти устланные коврами просторы с импортными щетками-половиками у входа, целой оранжереей заморских цветов в керамических кашпо, развешанных на витиеватых железных перегородках, с мягкой мебелью и вкрадчивой дежурной, которая одновременно и обдавала бездонным гостеприимством, и испепеляла проницательной рожей ветерана местной охранки.

Большая Земля за истекший период (нет, Чижик, ты в гроб сойдешь со мной вместе с азбукой канцелярита!) стала еще необъятнее и превратилась в целый Материк, ноги совсем укоротились, и когда-то ястребиные очи прикрывали матовые очки — видимо, после ночных бдений над историческими романами из жизни французских королей (пример для подражания) зрение пришло в негодность.

Апартаменты, точнее, покои с цветными витражными дверями, хрустальными люстрами, пейзажами, в которых доминировали березы и осины, окруженные талым снегом и весенними ручейками, кожаным гарнитуром и палисандровой стенкой, вполне соответствовали новому стилю Мекленбурга, сменившему суровый аскетизм борцов за справедливость на роскошь не обреченного на неизбежную гибель нового класса.

В холл влетели нас встретить два ангела, мальчик и девочка, улыбающиеся, как на рекламе импортной зубной пасты, дети на американский манер сами протянули руки для пожатия (уж не гувернантку ли завела семья Челюсти?) и тут же удалились, приняв из рук мамы врученный мною букет потрясающих роз, купленных за дикую цену на рынке недалеко от памятника Буревестнику.

Стол, покрытый алой скатертью (тоже не случайно: Челюсть любил этот цвет и частенько повторял цитату из Уитмена, в свою очередь, процитированную Усами, в чьих трудах он ее и подцепил: «Мы живы, горит наша алая кровь огнем неистраченных сил!»), ломился от распределительных яств и набора напитков, включавших даже «гленливет» (Николай знал мои слабости, впрочем, будем к нему справедливы: с юных дней он любил жить широко, не мелочился и всегда давал взаймы, я же, например, еще не дав, уже чувствовал себя обворованным).

Римма и Большая Земля изображали радость после вынужденной разлуки (обе, наверное, с удовлетворением фиксировали друг у друга новые морщины, складки и жировики), щебетали через стол, вспоминая общих и особенно покойных подруг и делясь советами по воспитанию детей (телефонный контакт все-таки не прерывался, и они были в курсе семейных дел), мы с Челюстью произносили несуразные тосты, сознавая их глупость, но в то же время и необходимость, затем Большая Земля лично внесла баранью ногу («сделала сегодня ногу со сложным гарниром» — тогда это мистическое обозначение вошло в моду во всех первоклассных ресторанах Мекленбурга, я тут же придумал себе эпитафию: «Тут лежит несложный Алекс Уилки, который съел сложный гарнир и от него погиб»), затем мы переместились на кожаную мебель, где Коленька (между прочим, специально надел подаренные мною запонки с головою Нефертити), как в доброе старое время, исполнил «Не счесть алмазов в каменных пещерах»,— партия не его голоса, но заучил он ее еще тогда, когда у него прорезался тенор; женщины разнеженно слушали, Большая Земля тихо подпевала, раздувая свои мехи-бюст.

Оставив женщин наедине с их нержавеющей дружбой, мы взяли кофе и переместились в кабинет-библиотеку. Челюсть за многие годы я изучил как свои пять пальцев, и его полные и неполные собрания меня не потрясли: дай Бог, если за свою славную жизнь он прочитал хоть одну серьезную книгу!

Правда, он проштудировал несколько полезных книг типа «Крылатые слова» и «Сборник застольных анекдотов» на английском; мой опытный взгляд сразу засек стопку книжонок с закладками, по корешку я определил словарь цитат издания «Пингвин», содержащий мудрые высказывания на все случаи жизни и индекс, по которому их легко было зацепить. Челюсть готовился буквально ко всем общественным мероприятиям, репетировал выход даже в гости, дабы выглядеть человеком эрудированным, разве только в постель с Большой Землей не ложился, не подкрепившись броской цитатой, анекдотом или отрывком из мемуаров военачальников (в его высокой среде проблемы войны частенько накатывались на бессвязное бормотание после фужеров с водкой).

В далеком углу я заприметил маленькое фото Усов в орденах (они все чаще украшали лобовые стекла грузовиков в те неопределенные дни) — ого! Это говорило о многом, это означало, что жесткие тенденции в мятущейся мекленбургской политике продолжали нарастать: ведь Челюсть зазывал в свой кабинет не только так называемых старых друзей вроде меня, но и тестя, и его коллег, живущих напротив, в охраняемом доме-дворце.

— Ты сегодня какой-то грустный...— заметил Николай.— Думаешь об операции? Не стоит! Я уверен

в успехе... конечно, если мы не будем идти на поводу у руководства.

— Давай не говорить о делах,— попросил я,— в печенках у меня эта «Бемоль», ну ее к черту!

— С женой, что ли, поругался? — Он был наблюдателен и почувствовал холодок в наших общениях с Риммой.

— Надоела эта дурацкая жизнь, Коля. Трудно. Сомневаюсь, что мы сможем жить вместе, если я вернусь...

Он начал меня успокаивать, а размякшего Алекса понесло по волнам, и я вывалил ему о драгоценном ларце.

— Как бы она тут не запуталась. Бухгалтер из меня плохой, а она спекулирует шмотками...— исповедовался дурак.

Сказал — и обделался: ведь дал Челюсти козырную карту, заложит при первом же случае, если ему будет выгодно.

Но он реагировал благодушно:

— Ах, Алик, сейчас такое время... все продают, деньги-то нужны. Тем более что вы строите дачу... Только предупреди, чтобы она делала все осторожно.

— Надеюсь, что все это между нами,— вякнул я.

— Как тебе не стыдно! А еще старый друг!

Я не стал спорить и отхлебнул «гленливета», захваченного хозяином из гостиной.

— Хорошо ты пьешь, здоровяк, я подох бы от таких объемов! Ты Солженицына читал? И как?

Я неопределенно пожал плечами.

— Зря его выпустили,— продолжал он,— стрелять таких надо! Дали бы мне, рука не дрогнула, и целился бы я ему медленно, прямо в лоб, чтобы он лучше почувствовал, какой он гад!

Я промолчал: ну его к черту, достаточно и того, что разболтал ему насчет ларца, ну его к черту, парень он хороший, но... зачем делиться с ним тайнами? Разве он поможет? Кто поможет тебе вообще, если жена и сын смотрят на тебя, как на денежный мешок? Для чего вообще я живу? Для того, чтобы Бритая Голова шепнул по пьянке Самому-Самому (стараясь не задеть застрявшими в коронках мясными ошметками глухое ухо) о том, что в Англии («что? что? где? где? в Андах?») живет-поживает некий разведчик Алекс, преданный Делу и рискующий своей единственной жизнью ради Великих Идеалов и мудрой политики Самого-Самого? О том, что бесстрашный Алекс рано или поздно отловит и удавит Крысу?

К концу вечера я все же весело нажрался, был блестящ и остроумен — так по крайней мере я парировал на следующий день упреки Риммы, добавляя, что «тому, кто не грешил, не будет и прощенья, лишь грешники себе прощение найдут!» — изобретательно танцевал с Большой Землей под «ах, Тоня, Тоня, Тонечка, с ней случай был такой, служила наша Тонечка в столовой городской» (пел сам, забыл, что она не Тоня, а Клава), ей это безумно нравилось, пока я не уронил ее на пол.

На прощанье Челюсть одел и Римму, и меня (так в Кембридже одевает профессор своего не менее почтенного коллегу), на пустой улице Буревестника я сразу же нашел свободную машину, что в трезвом виде мне никогда не удавалось, которая и доставила нас до дома.

Утром я проснулся рано, не умываясь, сел в машину и поехал на пляж недалеко от речного вокзала, чтобы смыть тоску и похмелье. Город уже проснулся, спешили на работу люди, у киосков стояли очереди за газетами, деревья еще не устали от жары и пыли, по воздуху плавал тополиный пух.

Я медленно заходил в воду, ступая осторожно по грязному дну, вода поднялась по грудь, по самую шею, я решительно пошел вперед, и она накрыла меня с головой (подводное ныряние всегда было моим хобби). Я шагал и шагал, как герой юности Мартин Иден, упираясь, подгребая руками и мешая воде вытолкнуть меня наружу, темно-зеленый потолок нависал надо мной, я шел и шел, напрягая все свои силы и волю...

«Созвездий мириады сюда не шлют лучи, молчат здесь водопады, не пенятся ключи; ни радости беспечной, ни скорби быстротечной,— один лишь сон — сон вечный, ждет в вечной той ночи»,— повторял я, как молитву, строчки, которые по моему настоянию Сережка освоил и исполнял под гитару, заменявшую ему Баха и Плутарха.

Помню судорогу гребущих рук, сопротивление ног, тянущих обратно на дно, боль в плечах, уходящий свет, который вдруг показался единственным, самым важным и самым нужным маяком... Очнулся я на мокром песке, выворачивало меня наизнанку.

Все это было давно, в дни зарождения «Бемоли», а сейчас я валялся в постели с Кэти, и мы щебетали по поводу меблировки нашего еще не купленного дома...

Через неделю меня срочно вызвал Хилсмен и без всяких церемоний положил на стол уже расшифрованную американцами телеграмму Центра.

«Лондон, Тому.

Нами готовится мероприятие большого государственного значения, связанное с переброской «Саперам» нескольких партий «пива». В этих целях проверьте готовность тайников «Рассвет» и «Темница». 25 сентября (запасная встреча через день) вам предстоит провести встречу с представителем Центра по условиям связи «Грот» для обсуждения деталей передачи «пива» «Саперам».

Телеграмма меня ошеломила, хотя Центр ударил в самую точку: не было вопроса, который мог бы поставить на уши всю американскую службу (и англичан тоже), чем «Саперы», то бишь экстремистское крыло Ирландской Республиканской Армии (ИРА), террористической организации, действующей не только в Ольстере, но и в Лондоне, где они временами взрывали бомбы. Западная печать обвиняла Мекленбург в снабжении террористов оружием («пивом»), но я знал, что мы боялись прямых контактов с ними как огня, и не раз говорил об этом Хилсмену.

Вопрос этот муссировался и во время моего последнего визита в Мекленбург, когда Челюсть в наших приватных беседах даже высказал мысль, что если бы Крыса действительно находилась в стенах Монастыря, то она не преминула бы информировать своих хозяев о действительном положении вещей.

— Возможно, Крыса и информировала об этом противника,— заметил я.— Но они специально подливают масла в огонь, дабы разжечь ненависть к миролюбивой политике нашей страны. В конце концов дезинформация всегда оставалась мощным орудием пропаганды!

Челюсть, поразмыслив, согласился со мною, и на этом разговор о «Саперах» закончился.

— Что вы об этом думаете? — Великий волшебник Гудвин из Канзаса сузил глаза и вытянул нос, словно хотел вынюхать мои мысли.

Я даже удивился такой прыткости Центра, просто феерической оперативности, разрушающей мои представления о ритме монастырской работы. Я сразу усек, что Центр внял моей просьбе и подбросил реальное дело, способное поднять доверие к Алексу до высочайшей планки. Но как это все будет выглядеть?

— Надо дождаться встречи... решение самого высокого уровня, вы сами видите, что меня к этому делу они не привлекали, да и роль мне отвели, как я понимаю, подсобную. Очевидно, Центр вел переговоры с ирландцами по другим каналам.

— В каком районе «Грот»?

— В районе доков, кажется, вест-индских...

— Прекрасно. Проводите встречу и сразу же свяжитесь со мной. Теперь о Ландере. Вы на него подействовали, спасибо! Во всяком случае, пить он перестал[3]. Хотя мы обеспокоены состоянием его нервной системы.

— Куда вы спешите, Рэй? Никуда он от вас не уйдет со своими секретами! Дайте ему привыкнуть к обстановке, успокоиться — и он сам забудет о своей присяге!

— Согласен. Скоро мы его устроим в одну эмигрантскую газетенку, пусть работает там под чужой фамилией, а потом видно будет... Мы готовы на обмен семьи. В нашей тюрьме сидит шофер вашей легальной резидентуры, задержанный вместе с двумя сотрудниками во время встречи с одним служащим «Дженерал моторс». У них были дипломатические паспорта, а ему, бедняге, не повезло... Мы готовы пойти на этот жест, поскольку он отвечает американской позиции по правам человека.

— Очень разумно! — согласился я, еле сдерживая раздражение. Права человека! Ненавижу эту американскую брехню! Будто Хилсмен не стрелял в безоружных во время войны во Вьетнаме, предварительно натренировавшись на овцах, одетых в шинели мекленбургского производства! А кто поставлял оружие «отрядам смерти» в Бразилии, перестрелявшим не одну сотню людей? А кто готовил покушения на Фиделя? Кто хлопнул Че Гевару? Так что нечего качать права, нечего искать соломинку в чужом глазу, не видя в своем и бревна!

— Будем считать, Рэй, что с Юджином все в порядке и моей помощи больше не требуется...

— Ну зачем же так? — От Хилсмена не укрылась моя обида, когда меня, словно пешку, сбросили с доски после триумфального возвращения вместе с Юджином из Каира.— Вы оказываете на него благотворное влияние... он очень тепло о вас отзывается! Кроме того, нам постоянно нужна информация о его настроениях...— Черт возьми, словно с Центром сговорился! Тот тоже долдонил об этом. Нет, дорогие друзья, катитесь вы подальше, не нужен мне ваш «Конт», у меня свои задачи, валяй, Челюсть, бери лыжи, закутай свои мрачные уши в шарф, не забудь

[3] Вот уж не ожидал от себя таких способностей. Есть шанс после отставки устроиться на терапевтическую работу в общество анонимных алкоголиков.

диппаспорт, садись в лайнер и сам занимайся этим делом.

25 сентября, согласно указанию Центра (скажи, Чижик, когда-нибудь выветрится из меня этот окостеневший стиль или так я и отдам концы согласно воле Центра?), я вышел на встречу с таинственным представителем в районе вест-индских доков, в небольшом парке около ветхого паба «Остров веселья».

Шел я беспечно и легко, как на свидание с любимой девушкой, и сразу же увидел, что все вокруг уже обставлено наружкой: в ста ярдах от паба двое работяг со специальной машины обстригали деревья — по их нетрудовым рукам и лоснившимся шеям я понял, что это стационарный пост, возможно, с телесистемой замкнутого контура, позволяющей не только наблюдать слияние в шпионских объятиях, но и прослушать весь разговор.

Не успел я развалиться на скамейке, как из правой стороны парка, словно из небытия, вывалилась и быстро покатилась ко мне фигура в просторной болонье, прикрытая сверху игривой шляпой с пером, какие носят легкомысленные тирольские стрелки (этими безыдейными импортными шляпами уже несколько лет заваливали прилавки Мекленбурга). Ба! Знакомые все лица! Дорогой Евгений Константинович, милый Болонья! Как ваши бородавки? Физкультпривет! Я даже затосковал по тому заброшенному городку, где ухабы и белье на веревках, где торжественно и оскорбленно стоят поруганные церкви и ютятся перекошенные домишки. Салют, Болонья, как поживает торговец медом и первый любовник города Зальцведеля Семен? Привет, Болонья, ты в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес, а там ты районная опора власти. Какими судьбами занесло тебя в суровый Альбион?

Лицо его выражало решимость человека, готового немедленно прикрыть грудью дот:

— Извините, как мне проехать в Челси?

Спрошено было на таком жутком английском, что если бы я не знал Болонью, то принял бы его за загулявшего голландского матроса.

— Лучше автобусом номер семьдесят два...

Болонья посмотрел на часы, мы широко, по-мекленбургски улыбнулись друг другу, и он плюхнулся на скамейку, оглушительно шурша пластиком.

— Очень рад вас видеть! Все о'кей! Я очень тщательно проверялся, ничего подозрительного нет. На подходе Семен проводил за мной контрнаблюдение...

— Семен?!

— Тот самый Пасечник, помните? Знаете, он женился... Впрочем, здоровье у него железное...

— Давайте прогуляемся по парку! — И мы повернулись спинами к направленным микрофонам стационара, о котором Хилсмен не счел нужным меня предупредить, и зашагали по аллее.

— Извините меня, Алекс, но я буду очень краток. Прежде всего сориентируйте меня по обстановке. В каком состоянии тайники «Рассвет» и «Темница»? Вы их проверяли?

— А много ли у вас «пива»?

— Всего два ящика, весом по пятьдесят килограммсв.

— А какая там марка «пива»?

— Я не знаю. Моя задача сводится лишь к транспортировке.

— Тайники представляют из себя две глубокие ямы, они находятся в пригородном лесу, хорошо замаскированы. Отличные тайники!

Тайники привели в восхищение даже Хилсмена, с которым мы провели их инспекцию накануне.

— Как вам удалось отыскать такие ямы? — удивлялся Рэй.— И зачем вам такие огромные?

— На случай обострения обстановки, Рэй! Будем складывать туда трупы убитых црушников!

Он не среагировал на мой черный юмор, с юмором у волшебника Гудвина было туго, да и кто мог тут соперничать с Алексом, кроме Оскара Уайльда и Марка Твена?

Болонья внимательно выслушал мои описания тайников и даже сделал себе пометки в блокноте.

— Под каким прикрытием вы сюда прибыли? — поинтересовался я.

— Мы с Семеном работаем на нашем торговом судне, которое сейчас стоит на ремонте рядом с Тилбури.

— На какое число вы планируете операцию по переброске «пива»?

— На 10 октября. Запасная — 11 октября.— Болонья был серьезен и четок, не зря он понравился мне в ту памятную поездку.

— А почему именно вас прислали сюда?

— Этого я не знаю. Я выполняю приказ. Центр просил, чтобы вы помогли мне сориентироваться на местности... Боюсь, что мне будет сложно самому найти тайники.

«Еще бы! — подумал я.— Мне и самому сложно, тем более что каждый раз я путаюсь в любом лесу среди тропинок и кустарников и еле-еле выхожу к шоссе».

— Хорошо. За четыре дня до операции проведем встречу у тайников. На чем вы будете транспортировать «пиво»? — спросил я.

— Все хорошо продумано. С утра мы выедем на машине с западногерманскими номерами, хорошо проверимся, а потом сменим номера на английские... Все продумано, Алекс!

— Вы лично будете встречаться с ирландцами?

— Мне приказано лишь перевезти ящики. Больше я ничего не знаю, Алекс.

Мы шли по аллеям, и мой опытный глаз видел, что парк наполнялся людьми с кейсами и дорожными сумками — значит, на стационаре поставили крест и пытались засечь нашу беседу с помощью передвижных улавливающих микрофонов. Слушайте, слушайте, джентльмены, много услышите!

Черт побери, кто же будет встречаться с ирландцами? Значит, задействована еще одна резидентура? Исключено. Но Центр — молодец, красивое подбросил дело, наверняка оно уже находится под личным контролем директора ЦРУ. Акции Алекса растут и растут...

— Что ж, если нет вопросов, давайте разбежимся,— предложил я.

— Мне приказано вам лично передать сувенир из Центра.

Он достал из кармана матрешку и протянул мне.

— На черта она мне нужна? — расхохотался я.

— В ней личные указания для вас. Я об этом ничего не знаю.

Мы вышли из парка на улицу и чуть не врезались в возлюбленного Жаклин, дремлющего на скамье после утомительного контрнаблюдения. Выглядел он еще моложе в свои сто и тоже был в тирольской шляпе. Ах, Сема, Сема! Где твои нежинские огурчики, розоватое сало и штоф первача?

— Итак, до встречи! — И я пошел в сторону автобусов, сжимая матрешку в кармане.

«Что они сообщают?» — зудело в голове. Я не выдержал, спустился в клозет около парка и заперся в кабине, даже не изучив, как обычно, все будоражащие непристойности, начертанные на туалетных стенах.

«Лондон, Тому.

Руководством принято решение провести вербовочную беседу с «Контом» и предложить ему сотрудничество в обмен[4] на заботу о семье и прощение его предательства. В целях безопасности мы планируем провести беседу на торговом судне 10 октября (запасная — 11 октября). Судно в это время перейдет от Тилбури в доки Литтлхемптона, находящегося рядом с Брайтоном.

Вам предписывается следующее: 10 или 11 октября организовать в одном из ресторанов Брайтона, где живут отец и сестра «Регины», ужин, на который под благовидным предлогом пригласить «Конта». В ресторане без вашего участия с ним установят контакт.

Просим иметь в виду, что лицо, передавшее вам эти указания, в операцию не посвящено. Через него (на судне имеется рация) передайте нам подробный план своих действий 10 (или 11) октября».

Я обомлел от этой цидули и застыл на стульчаке — ну и дела! А я-то полагал, что фантазия Центра давным-давно сдана в Музей Монастырской Славы, забавное заведеньице, где среди приличных людей висели портреты многих выдающихся прощелыг, сделавших карьеру на чужих костях, лизоблюдов и подхалимов. Молодцы, ребята, настоящие орлы, главное, что даты операции с «пивом» и поездки «Конта» в Брайтон совпадали по времени, ergo: первая операция не только поднимала шансы Алекса, но и отвлекала американцев от «Конта» — не иначе как все свои силы сконцентрируют они на ирландских террористах. Итак, это «красная селедка»[5]! И все же как мог Центр, вечно опасающийся международных скандалов, пойти на такой рискованный шаг, как переброска оружия террористам? Но черт с ними, надо думать, как уговорить Юджина. Захочет ли он поехать в Брайтон? Сам Рэй считает его психом, от которого можно ожидать чего угодно. А если он под опекой мышек-норушек? Вряд ли. Мышки — дело накладное, подержали первые дни, и хватит, за мною уже давно не увязывалось никаких «хвостов», если не считать истории в Тауэре. Не пугай сам себя, Алекс, не преувеличивай силы контрразведки, вспомни, что Джордж Блейк, получивший сорок два года за шпионаж в пользу Мекленбурга, запросто убежал из лондонской тюрьмы и почти месяц жил в миле от нее, в маленькой квартире, а потом преспокойно выехал из Альбиона, спрятавшись в фургончике своих друзей. Контрразведке и в голову это не приходило: она считала, что он давно празднует свое вызволение в восточном ресторанчике рядом с памятником виконту де Бражелону, не переоценивай противника, Алекс! Что же это за вербовочная беседа на судне? А если... (вспомни: «Если он наклонится над пропастью, его можно и подтолкнуть»). Пойдет ли он на судно? Ха-ха. Я никогда бы на его месте не пошел! О беседе ли идет речь? Вспомни историю. Разве не на судне вывозили из Парижа белого генерала Миллера? «Конт» — такая же сволочь. Мало ли что он тебе нравится, Алекс! Обыкновенный предатель. Представь себе, что все наши люди, последовав его заразительному примеру, начнут бежать за границу по подложным паспортам. Что будет? Конечно, Самый-Самый и компания превратили Мекленбург в дерьмо, но это твоя родина, Алекс, и ты ей должен служить верой и правдой. Даже если ты подписал кровью договор с чертом, ты обязан его выполнять, а это твоя родина, Алекс, исполняй свой долг! Да, мы не ангелы. А что, американцы — ангелы? ЦРУ такое же дерьмо, как и Монастырь, даже вонливей. Центр, конечно, сука, все-таки приплели меня к «Конту», несмотря на все просьбы... Почему ты вдруг решил, что его уберут? Или вывезут? Мнителен ты, Алекс, нужно меньше пить и заняться наконец спортом. Ведь все звучит очень резонно: мы вам прощаем, дорогой Юджин, и будем беречь вашу семью, а вы за это поработайте немного на нас. Скорее всего беседу будет проводить Болонья, он вполне для этого подходит. Но каков трюкач! Делает вид, что ему ничего не известно о «Конте», изображает из себя передаточный пункт в тирольской шляпе! Но молодец! Конспиратор! Надо вытащить его из провинции, такой сто очков даст посольским мальчикам — колобкам, угоревшим от перегара!

Я задумчиво вышел из сортира в район краснокирпичных коттеджей и не успел дойти до своей «газели», как рядом со мной поравнялась машина, из которой выглянула красная, как окружавшие нас особняки, морда Рэя Хилсмена. Видимо, у него поднялось кровяное давление из-за происков ирландцев,— американцы избалованы легким оперативным режимом, не привыкли к стрессам, это вам не бронепоезд Алекс, забывший, что такое жизнь без мышек-норушек и угрозы ареста, жизнь без часовых метаний на маршрутах проверки и ковыряний в тайниках-могилах.

Через минуту мы уже сидели в пабе.

— А как ирландцы заберут оружие? Это ведь не так просто...

— Он ничего об этом не знает. Это рядовой работник, спица в колеснице. Ему поручено лишь заложить оружие в тайник. Ирландцы заберут его в тот же день, 10 или 11 октября.

— А какое время? — Таким взволнованным Рэя я никогда не видел.

— Не знаю. Но у меня будет еще одна встреча с этим парнем. Кстати, Рэй, наружка вела себя навязчиво, так мы можем спугнуть птичек! — вставил я ему перо.

— Извините, я просто забыл вас предупредить, что на всякий случай возьмем место встречи под контроль. Вся беда в том, что мы опираемся на свои силы и не обращаемся за помощью к англичанам...

— Неужели и стационар обслуживался вашей резидентурой?

— К сожалению, это так. Видите, как мы заботимся о вашей безопасности? И правильно делаем. Запомните, Алекс, эта ирландская история рассматривается нами как особо важная...

— Я вас понимаю, Рэй. К сожалению, Центр, как вы видите, раскрыл передо мною немного. Но это в нашем стиле.

И тут же в пабе я набросал телеграмму для передачи в Центр по «Фасаду» ребятами Хилсмена: «Центр, Курту. Встреча с вашим представителем прошла благополучно. Тайники пригодны к использованию. Перегрузку «пива» планируем на 10 октября (запаска 11 октября). Том».

Рэй внимательно прочитал документ.

— Отправим сегодня же. Мои ребята научились классно работать на вашей рации. А ваша пара работала грубо. Оба постоянно оглядывались, заходили в тупики, пытаясь затянуть туда наружное наблюдение... короче, сразу видно, что они шпионы.

— Знаете, Рэй, моя пара не имеет квалификации, они, по сути дела, лишь технари, которым нужно переправить ящики с оружием. К тому же я с вами совершенно не согласен: в таких острых операциях глупо думать о том, за кого тебя примет наружка, главное — отрезать любой «хвост». Это грубо, но в данном случае оправданно.

— А ваши ребята нас видели? — поинтересовался Рэй.

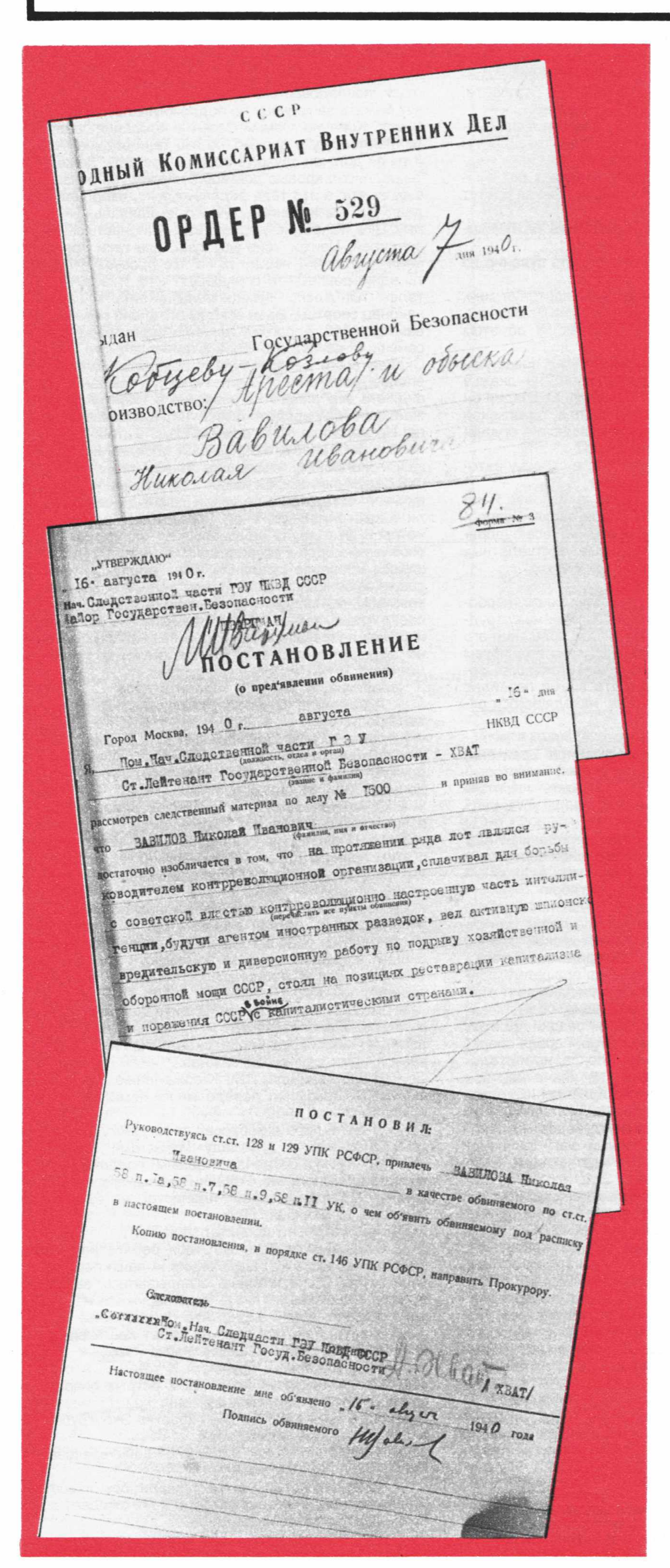
— Конечно, нет! Они же пришли без «хвоста». Извините, Рэй, я сегодня устал, и меня ожидает дома Кэти. Завтра созвонимся, ладно?

Продолжение следует.

[4] Телеграмму явно подготавливал Чижик.

[5] Большой Уэбстерский словарь: «Красная селедка — это селедка, которая высушена, прокопчена и засолена и имеет настолько резкий запах, что, если провести ею по следу лисицы, борзые теряют нюх и сбиваются с пути. В наши дни красная селедка не уступает кипперу, но слово имеет идиоматическое значение, как нечто, задуманное для отвлечения внимания, для действий в ложном направлении. Пример из газеты «Геральд»: «Вот еще одна «красная селедка», чтобы заставить избирателей забыть об актуальной проблеме безработицы».

«ВЫ СВОБОДНЫ,

СССР
...одный Комиссариат Внутренних Дел

ОРДЕР № 529

августа 7 дня 1940 г.

...ыдан Государственной Безопасности
Кобцеву-Козлову
...оизводство: Ареста и обыска
Вавилова
Николая Ивановича

84.
Форма № 3

„УТВЕРЖДАЮ"
„16" августа 1940 г.
Нач. Следственной части ГЭУ НКВД СССР
Майор Государствен. Безопасности
/подпись/

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
(о пред'явлении обвинения)

Город Москва, 1940 г. „16" дня августа
НКВД СССР

Я, Пом. Нач. Следственной части ГЭУ (должность, отдел и орган)
Ст. Лейтенант Государственной Безопасности — ХВАТ (звание и фамилия)
рассмотрев следственный материал по делу № 1500 и приняв во внимание,
что ВАВИЛОВ Николай Иванович (фамилия, имя и отчество)
достаточно изобличается в том, что на протяжении ряда лет являлся руководителем контрреволюционной организации, сплачивал для борьбы с советской властью контрреволюционно настроенную часть интеллигенции, будучи агентом иностранных разведок, вел активную шпионскую, вредительскую и диверсионную работу по подрыву хозяйственной и оборонной мощи СССР, стоял на позициях реставрации капитализма и поражения СССР в войне с капиталистическими странами.
(перечислить все пункты обвинения)

ПОСТАНОВИЛ:

Руководствуясь ст.ст. 128 и 129 УПК РСФСР, привлечь ВАВИЛОВА Николая Ивановича в качестве обвиняемого по ст.ст. 58 п. 1а, 58 п. 7, 58 п. 9, 58 п. 11 УК, о чем об'явить обвиняемому под расписку в настоящем постановлении.

Копию постановления, в порядке ст. 146 УПК РСФСР, направить Прокурору.

Следователь
Пом. Нач. Следчасти ГЭУ НКВД СССР
Ст. Лейтенант Госуд. Безопасности /подпись/ /ХВАТ/

Настоящее постановление мне об'явлено „16" августа 1940 года
Подпись обвиняемого /подпись/

Павел СИРКЕС

Два тома дела № 1500 были приготовлены заранее. Оба под грифом «Хранить вечно». Нужные страницы перезаложены закладками. Следственное дело академика Николая Ивановича Вавилова...

Расскажу, однако, все по порядку.

В дни столетнего юбилея великого генетика журнал «Огонек» с горечью писал: «Место захоронения Н. И. Вавилова до сих пор неизвестно». Вскоре в журнал обратился профессор Василий Федорович Зудин и рассказал вот какую историю. Приехав с фронта домой в краткосрочный отпуск, он, тогда молодой сержант, отправился проведать родную могилу на Саратовском кладбище. И стал невольным свидетелем того, как тюремщики, пряча следы преступлений, предавали земле свои жертвы...

Наша съемочная группа, работая над фильмом «Искупление» — две картины для кинопрограммы «XX век» студии имени М. Горького,— попросила Василия Федоровича посетить кладбище вместе с нами и сыном академика — Юрием Николаевичем. Честно говоря, надеялись, что, может быть, Зудину удастся припомнить какие-нибудь подробности, которые помогут хотя бы приблизительно определить место последнего упокоения Вавилова.

Зудин повторял почти то же самое, что уже рассказал в «Огоньке». Мы снимали с почтительного расстояния, как два немолодых уже человека медленно, точно на ощупь, движутся среди крестов и обелисков, что-то ищут. Действия кинематографистов привлекли внимание. Подошла сторожиха, в халате, с руками, потемневшими от земляной работы, Зоя Алексеевна Нестеренко. А услышав, о чем речь, уверенно повела всех к покосившейся неухоженной оградке.

— Вот эта могила. Вот могила Вавилова — академика. Почему я знаю? Когда решили установить памятник академику, искали его могилу, но никто не ведал, где она находится. И памятник поставили недалеко от памятника Чернышевскому. А позже, когда уже там были высечены буквы, я, значит, стояла там. И подходит женщина, которая жила у нас на кладбище,— Девская Елена Павловна и говорит: «Я за такой же могилкой ухаживаю. Вот так же написано — имя, отчество и фамилия, дата рождения и дата смерти. Только нет слова «академик»...» Позвала коменданта и показала эту могилу. Она ничего не ответила и молча ушла. Через некоторое время прохожу здесь — ан нет, уже бирочки нету! Ее выдернули. А с какой целью? Чтоб людей не смущать: тут могила Вавилова и там могила Вавилова...

Далее выяснилось, что за четыре года до Елены Павловны Девской могила состояла под присмотром другой старушки, Александры Никифоровны Анисимовой, уже умершей. Об услуге ее попросила неизвестная, сообщившая, что «здесь лежит очень и очень большой человек». Вскоре кто-то принес сюда однажды красивый матерчатый цветок.

Значит, была могила Николая Ивановича Вавилова. Но родным, не прекращавшим поисков все послевоенное время, она оставалась неизвестна.

Оказавшись в Саратове, мы, естественно, попытались проникнуть в тюрьму, где с осени сорок первого и до конца жизни томился Вавилов. Перемены, если они коснулись и охранного ведомства, должны открыть засовы...

Почему, однако, узник, содержавшийся с момента ареста в Бутырках, был водворен в приволжский каземат? Объяснение простое: когда фашисты приблизились к столице, в момент печально знаменитой октябрьской московской паники, в Саратов была эвакуирована Центральная тюрьма НКВД.

Историю ареста и предшествовавшие ему обстоятельства восстанавливали свидетельства близких сотрудников академика. Их уцелело до сегодня совсем немного...

В Ленинграде Ефрем Сергеевич Якушевский передал нам слышанный от самого Вавилова рассказ о том, как его принимал в последний раз Сталин. Академик шел на беседу, надеясь разрядить нестерпимое положение, сложившееся в естествознании, в сельскохозяйственной науке из-за происков лысенковцев.

Встреча была назначена на десять вечера. Допущен в кремлевский кабинет Вавилов лишь в полночь. Сталин с ходу обрушил на Николая Ивановича обвинения в бесплодности теории, ставя в пример практика Лысенко с присными, обещавших немедленные чудеса. Бывшему семинаристу лжеучение оказалось доступнее, чем гениальные идеи.

Вавилов целый час втолковывал вождю, что фундаментальные исследования в перспективе накормят досыта все человечество. Впоследствии это будет названо «зеленой революцией».

Сталин грубо оборвал наскучившую ему лекцию академика, закончив аудиенцию словами:

— Вы свободны, гражданин Вавилов...

Не мог ли Николай Иванович уже в ту минуту ощутить зловещий смысл завершившей разговор фразы?.. Не думал ли о ней, отправляясь в последнюю экспедицию в только недавно присоединенную к СССР Северную Буковину? Эндемичные, то есть местные сорта злаков горного края, не доступного при румынских боярах, влекли сюда Вавилова. Он стремился пополнить уникальную коллекцию Всесоюзного института растениеводства — неоценимый генный банк продовольственных культур планеты. Изъездив и исходив пятьдесят две страны мира, сам Вавилов добыл для нее шестьдесят тысяч редчайших образцов.

Вадим Степанович Лехнович был с академиком в путешествии, которым начался его крестный путь. Вот что вспоминал Лехнович (мы сняли его незадолго до смерти):

— Когда получал пропуск в Ленинградском НКВД (территория-то пограничная!), меня спросили о маршруте экспедиции, но я тогда не придал этому значения. С приключениями — выходил из строя транспорт — добрались до Черновиц. На постой нас определили в пустовавшее в период каникул студенческое общежитие. Отужинав в столовой, возвращаемся к себе. Нас встречает дежурный и говорит, что недавно для профессора (так он называл Вавилова) подали машину и пригласили его куда-то для телефонных переговоров с Москвой. Около полуночи раздался стук в дверь. На пороге — два молодых

ГРАЖДАНИН ВАВИЛОВ»

человека. «Кто из вас Лехнович?» — спрашивают и протягивают эту записку.— Рассказчик как реликвию достал из папки пожелтевший листок с начертанными рукой академика строками: «Дорогой Вадим Степанович. Ввиду моего срочного вызова в Москву выдайте все мои вещи подателю сего.
6/8/40 23 часа 15 минут. Н. Вавилов».— Лехнович горестно помолчал, а потом добавил:

— Больше никто из нас никогда не видел Николая Ивановича. Лишь после войны один из бывших заключенных, сидевший в Саратовской тюрьме, сообщил, что академик Вавилов умер в сорок третьем году в тюремной больнице от голодного поноса. Похоронен в какой-то общей могиле...

Человек, чьи труды обеспечили хлебом насущным миллионы обездоленных, умер от голода. Еще одно страшное деяние сталинщины!

Надо было обладать необоримой энергией нашего режиссера Клима Лаврентьева, чтобы проникнуть с киноаппаратурой за ворота темницы.

Отыскали Василия Андреевича Федорова, который был приставлен к камере смертников в третьем корпусе, где томился Вавилов. Федоров пришел в «органы» после срочной службы в армии в 1938 году. Был сначала надзирателем, потом библиотекарем, аж до 1987-го. Не хотелось ему иметь дела с «корреспондентами», но, как приучен к дисциплине, не смог пойти против рекомендации руководства тюрьмы: не подчинен, да законопослушание требует... Память у пенсионера хорошая, никого из своих восемнадцати начальников не забыл — и имена, и отчества, и, само собой, звания. Только вот в случае с заключенным Вавиловым подвела:

— Може был какой академик... Не упомню... Книги выдавал, дак должон был фамилие указать. А так, нет... Много их через нас прошло. Нам не положено с ими связь держать...

Кроме Вавилова, в Саратовской тюрьме сидел и академик Иван Капитонович Луппол, философ и эстетик. Умер в том же сорок третьем. Уже после Сталинградской битвы... В мордовских лагерях.

Заклацали, заскрежетали многочисленные замки и запоры, и мы очутились в камере. Глухие стены, маленькое оконце с намордником. Узкие жесткие нары, параша... В таких условиях, болея и голодая, Николай Иванович продолжал работать. Приговоренный к расстрелу, он без необходимых справочников и другой литературы создал капитальный труд «История мирового земледелия». Куда девали бесценную рукопись — последнее творение Вавилова?..

Страшнее тягот заключения и ожидания конца была тревога за близких. Он не знал, где они. Может, погибли под бомбами?.. А жена Елена Ивановна Барулина и младший сын Юрий находились рядом, в Саратове, и тоже ничего не ведали о Николае Ивановиче.

Арест ученого скрывался от мировой общественности. В сорок втором году Лондонское Королевское общество избрало Вавилова своим иностранным членом. Но впервые оно не смогло вручить своему избраннику почетный диплом.

Еще из Бутырок и потом из Саратовской тюрьмы Николай Иванович обращался с ходатайствами о смягчении приговора. Доводы ученого, что его опыт и знания могут быть полезны Родине в период войны, готовность Вавилова умереть, но за полезной для страны работой, возымели действие: 23 июля 1942 года Президиум Верховного Совета СССР заменил смертную казнь двадцатью годами лагерей. А жить оставалось всего шесть месяцев...

Вавилов умер 26 января 1943 года в семь часов утра. В тюремную больницу его перенесли менее чем за два дня до кончины, только 24-го поздно вечером.

Койка в застеночном лазарете... Наверно, к приходу готовились: на подушку натянута свежая наволочка. Из-под байкового одеяла белеет край простыни. Как все это было тогда?..

Так вот где перестало биться сердце гения... Мы потрясены. Стараемся оставить Юрия Николаевича. Пусть побудет один на один с неизбывной болью.

Опасности, запреты, угрозы, уклончивые ответы сыну «врага народа» — все пришлось перетерпеть... Столько лет он шел сюда сквозь неведение и бессилие что-либо изменить!

Ему даже приносят историю болезни отца. Записи эскулапов из НКВД о причинах смерти противоречивы: первый указал — упадок сердечной деятельности, второй — дистрофия, отечная болезнь. Так от чего все-таки умер Николай Иванович Вавилов? Вряд ли мы узнаем...

Режиссер Клим Лаврентьев считал, что для фильма совершенно необходимо снять материалы следствия и суда. Как он добился этого — секрет фирмы, но мы попали в известное московское здание на площади Дзержинского.

Вот они, тюремные снимки — анфас и в профиль. Что сделали с академиком Вавиловым уже в первую неделю ареста!

Отпечатки пальцев. Их воспроизводить нельзя...

Документы, связанные с задержанием — «Постановление об избрании меры пресечения»:

«Так как Вавилов, находясь на свободе, может препятствовать выяснению всех обстоятельств его преступной деятельности, избрать мерой пресечения содержание под стражей». Подпись Берия. Датировано шестым августа.

Некто седьмого наложил резолюцию — «Согласен». В Институте Маркса — Энгельса — Ленина нам потом сказали:

— Подпись принадлежит не Сталину.

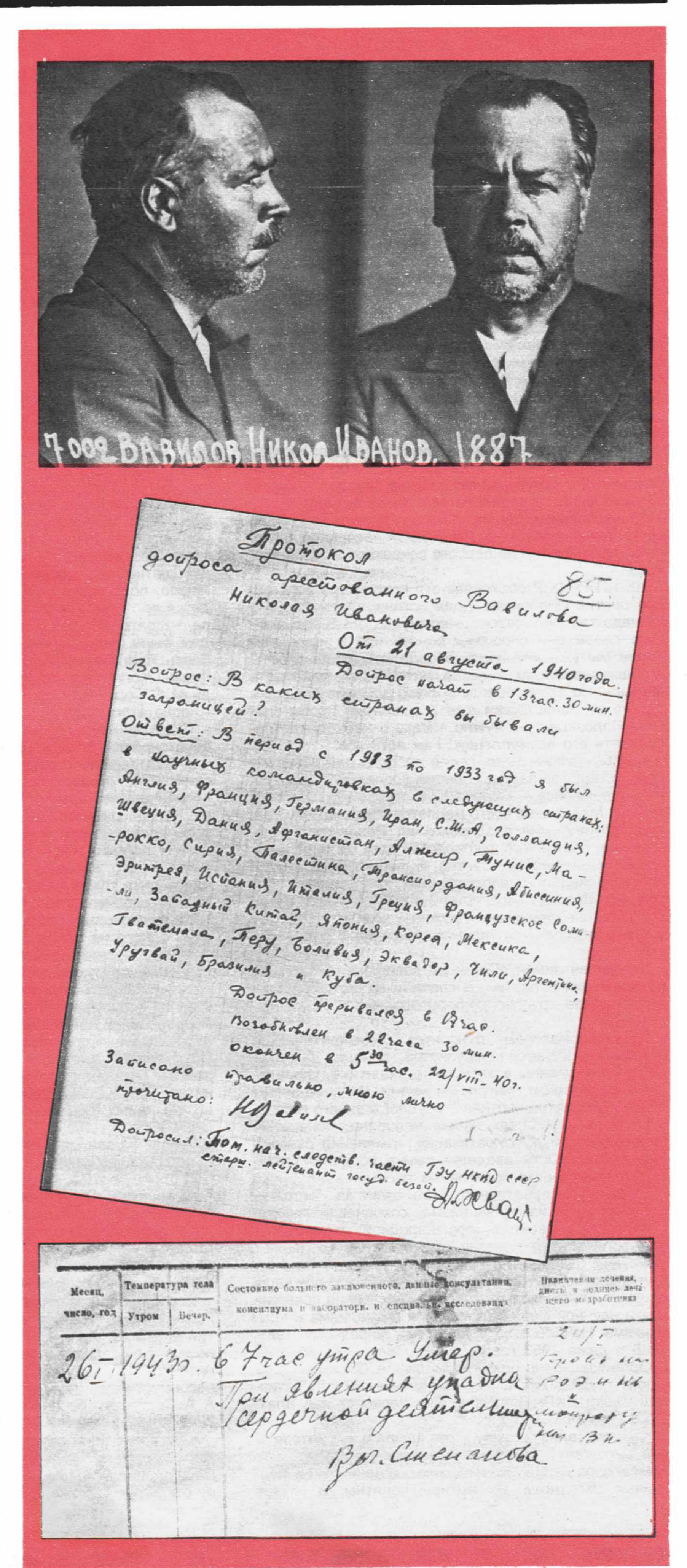
Но кто же этот некто, имевший право соглашаться или не соглашаться с самим Берия?..

Ордер на арест выдан седьмого августа 1940 года. Вавилов в это время уже был задержан сотрудниками НКВД.

Протокол допроса. На одном листе. Вопрос — ответ. Внизу время — единоборство со следователем длилось почти полсуток. Рядом зловещая фамилия: Хват.

Всего, как известно, допросов состоялось четыреста. Продолжались они свыше тысячи семисот часов.

Внешние звуки заглушали и гудение включенного вентилятора, и щелчки фотоаппарата «Зоркий», и стрекот нетихой кинокамеры «Конвас». То, что бессрочно было погребено в тайниках КГБ, с помощью обычной пленки правдой вырывалось к людям.

Протокол
допроса арестованного Вавилова
Николая Ивановича
От 21 августа 1940 года.
Допрос начат в 13 час. 30 мин.

Вопрос: В каких странах вы бывали заграницей?

Ответ: В период с 1913 по 1933 год я был в научных командировках в следующих странах: Англия, Франция, Германия, Иран, С.Ш.А, Голландия, Швеция, Дания, Афганистан, Алжир, Тунис, Марокко, Сирия, Палестина, Трансиордания, Абиссиния, Эритрея, Испания, Италия, Греция, Французское Сомали, Западный Китай, Япония, Корея, Мексика, Гватемала, Перу, Боливия, Эквадор, Чили, Аргентина, Уругвай, Бразилия и Куба.

Допрос прерывался в 17 час.
Возобновлен в 22 часа 30 мин.
окончен в 5 30 час. 22/VIII-40 г.

Записано правильно, мною лично прочитано: Н. Вавилов

Допросил: Пом. нач. следств. части ГЭУ НКВД СССР старш. лейтенант госуд. безоп. Хват

Месяц, число, год	Температура тела Утром	Температура тела Вечер.	Состояние больного заключенного, данные консультации, консилиума и лаборатор. и специальн. исследования	Назначение лечения, диеты и подпись лечащего медработника
26.I.1943 г.			в 7 час утра Умер. При явлениях упадка сердечной деятельности. Вр. Степанова	24/I [illegible]

**Александр ФЕДОТОВ,
доктор технических наук,
заместитель начальника
научно-инженерного центра
Московского
электромеханического завода
имени Владимира Ильича,
делегат XXVIII съезда КПСС**

КОГДА ЭТО КОНЧИТСЯ?

Не выходят из головы слова делегата Зайцева из Мурманской области, сказанные им с трибуны перед самым закрытием второго этапа Учредительного съезда Компартии РСФСР. Слова о том, что, какие бы доводы о правильности создания КП РСФСР мы ни приводили, коммунисты на местах их не воспринимают. Значит, мы сделали что-то не то.

Такое же ощущение и у меня. Я провел за последнее время более десятка встреч с коммунистами различных организаций Москвы: на заводах, в институтах, в министерствах, на партийных активах. Абсолютное большинство протестует против механического включения их в КП РСФСР, особенно резко выступают против ее первого секретаря И. К. Полозкова.

ЦК КП РСФСР объясняет это оголтелой пропагандой против Полозкова. Доля истины здесь есть. Но не надо так уж принижать коммунистов. В большинстве своем они способны понять что к чему, тем более мы уже научились определять стиль работы и мышления наших лидеров, интуитивно улавливать фальшь. По этому поводу хорошо заметил работник одного из министерств, где я выступал: чтобы оценить Полозкова, не нужно читать о нем. Нужно посмотреть его выступления. Там есть все.

Как бы там ни было, после десятилетий монолитного господства партии события последнего года для нее — важнейшие. Перемены в стране идут стремительно. Медленнее всего меняется сама партия. Резкие противоречия раздирают ее. Различаются настроения партийного руководства всех уровней и рядовых коммунистов, центра и периферии. Внутри партии появились непримиримые политические противники. Важно понять истоки этого противостояния, его скрытые движущие пружины, чтобы осознанно оценить перспективу, принять решение о своем месте.

Минувшей зимой вышли на поверхность несколько движений в партии. В главном их можно разделить на две группы: реформаторские и консервативные.

К реформаторам относятся Демократическая платформа и часть коммунистов, стоящих за радикальные перемены в экономике, политике, управлении государством, партийной жизни. Их объединяет резкое неприятие партийно-государственного господства во всех сферах жизни человека, понимание необходимости демократизации, изменения отношений собственности, введения рынка, создания гарантий необратимости позитивных перемен.

Вторая, консервативная, часть стоит за «чистоту» идеалов марксизма-ленинизма, сохранение господства государственной (общенародной) собственности, роли партии в жизни общества. Они обвиняют нынешних руководителей партии и государства в отступничестве, пытаются убедить народ, что все наши беды начались из-за отхода от единственно правильной и научной схемы построения социализма и коммунизма. Начало отхода датируют по-разному: 1985, 1965 и даже 1953 год.

Организационно они оформились в Объединенный фронт трудящихся (ОФТ), Ленинградский инициативный съезд РКП. Близка к ним марксистская платформа в КПСС.

Кто составляет основу этого крыла и чьи интересы оно выражает? Активные действующие лица — это профессора марксизма из Москвы и Ленинграда, партийные работники. Их мотивы понятны. В случае успеха наших революционных преобразований, которые они называют не иначе, как контрреволюцией, эти люди останутся не у дел. К ним примыкает часть высшего партийного и государственного аппарата, внешне оставаясь в тени.

А аппарата, освобожденных партийных работников, у нас много. В одной РСФСР, по данным И. К. Полозкова, 118,5 тысячи человек. Расходы на него в 1990 году — 1 миллиард 105 миллионов рублей. В 1991 году, правда, предстоит экономить. Из-за снижения размера членских взносов ожидается доход КП РСФСР только 500 миллионов рублей.

В этом движении хорошо слышен голос молодых демагогов, ни дня не работавших на производстве, абсолютно не знающих практического дела. К сожалению, подготовка научных кадров у нас часто ведется по схеме «детский сад — школа — аспирантура — докторантура», и вот готов мудрец. Таким людям была дана зеленая улица на трибуну съезда. Взять хотя бы выступление от марксистской платформы Колганова, вернее, его содоклад (!) к докладу М. С. Горбачева на Российской партконференции в июне этого года...

Сюда примыкает и часть рабочих. Точнее, рабочей аристократии. Есть, например, в Москве такой рабочий Болтовский. Шофер такси, кандидат философских наук. Человек поставил себе цель — сделать политическую карьеру. И неплохо в этом преуспевает. Теперь он член ЦК КП РСФСР и претендует на роль координатора и выразителя мыслей коммунистов — рабочих и крестьян. Послушаешь его выступления — это же демагогический винегрет. Утешает одно — что такие люди ни в коей мере не выражают мнения рабочего класса. Заявляю об этом с уверенностью, поскольку работаю в многотысячном коллективе одного из старейших заводов Москвы.

Ленинградский инициативный съезд — явление особое. Курс руководства КПСС многим грозит крушением карьеры, потерей насиженного теплого места, да и вообще требует движения и инициативы. Потребовался противовес. Где его взять? Выход нашли простой — организовать Российскую компартию. Объективной необходимости для этого ни год, ни полгода назад, когда не созрел вопрос о суверенитете республики, еще не было. Соответственно не было должной активности и со стороны ЦК КПСС.

Тогда появился Ленинградский инициативный съезд. Сейчас многие говорят, что москвичи хотят расколоть партию, выступая против скоропалительного принятия Программы действий КП РСФСР, расходящейся с Программным заявлением XXVIII съезда. В действительности раскол начал именно Ленинградский инициативный съезд. Другое дело, что этот раскол неизбежен и естествен. Слишком принципиальны различия. Но начало положили не мы.

Весной явно возникла перспектива существования на территории России двух коммунистических партий — КПСС и РКП. Такая ситуация подтолкнула решение о создании в России территориальной организации КПСС. Думаю, что стремление совместить несовместимое, идеологии А. Н. Яковлева и А. А. Сергеева, бесперспективно. Здесь не может быть компромисса.

Как проходили события минувшим летом? Если XXVIII съезд КПСС готовился, то в отношении Российской конференции не было ясно ничего до самого ее открытия. Похоже, и работы никакой практически не велось. Поэтому для многих делегатов конституирование в съезд было неожиданным. Так же, как и форсированное избрание первого секретаря и ЦК. Ряд делегаций требовал обстоятельного обсуждения этого в первичных парторганизациях. Московская городская, ленинградская и ряд других делегаций воздержались от выдвижения своих кандидатов в состав ЦК.

Наибольшие страсти разгорелись вокруг выборов первого секретаря ЦК. И. К. Полозков то соглашался, то отказывался. Чувствовалось, что кто-то на него воздействует, что он чей-то выдвиженец. Были силы, которые очень не хотели прихода лояльного Купцова или уральца Лобова. В первом случае ощущалось единство с линией ЦК КПСС, во втором — к тому же союз с Верховным Советом РСФСР. Обе эти кандидатуры, естественно, связывали по рукам и ногам инициативных товарищей, не желающих «поступиться принципами». Полозков прошел всего одиннадцатью голосами выше планки.

Если говорить о XXVIII съезде КПСС, то его главный итог — Программное заявление. Естественно, оно не лишено недостатков. Но то, что получилось,— огромный шаг вперед. В нем содержатся три фундаментальных узла:

— признание неэффективности государственно-монополистического способа производства, необходимости равноправия различных форм собственности и перехода к рынку;

— переход в политической сфере к принципу разделения властей, отказ партии от монополии на власть и признание многопартийности;

— подход к СССР как союзу суверенных государств.

Эти позиции открывают дорогу в будущее, освобождают партию от пут догматизма, позволяют ей занять место в прогрессивном развитии страны.

Я принимал участие в рабочей группе по Программному заявлению на заключительном этапе. Видел, что в ней участвовали крупнейшие специалисты, авторитетные и эрудированные люди. Возглавлял работу секретарь ЦК КПСС В. А. Медведев. Горько и обидно было видеть на XXVIII съезде ругань в его адрес. Именно ругань, а не критику. Идеологи на местах лишились при В. А. Медведеве няньки. Им перестали вкладывать в рот пропагандистскую жвачку. Потребовалась способность самостоятельно говорить и мыслить. А их, способностей, не у всех в достатке. Вот и обрушились на человека, олицетворявшего перемены в идеологической работе.

Никто не сказал, что за короткий срок, когда В. А. Медведев руководил идеологией в партии, была отменена политическая цензура, сняты ограничения на подписку, читатели увидели многие до того запрещенные произведения литературы.

Это и явилось причиной яростной травли. Я посылал записку протеста в президиум. Ее не огласили. Для меня до сих пор тайна, по какому критерию определяли, какие из поступивших записок оглашать, а какие нет.

Никогда никого не пытался идеализировать. Не пытаюсь и сейчас. Но на меня по недолгой работе в комиссии В. А. Медведев произвел впечатление интеллигента (а много ли мы их видели и видим на высших партийных постах?), эрудированного и прогрессивного человека. На заседаниях комиссии можно было высказывать любое мнение. Никто не позво-

лял себе и тени неуважения к словам другого, поправлять или делать замечания. Наоборот, все внимательно выслушивалось и всесторонне обсуждалось. Я ощущал атмосферу равенства и товарищества.

Конечно, Программное заявление — документ своей эпохи. В потоке стремительно меняющихся событий скоро потребуется другой, более конкретный и в меньшей степени компромиссный. Но надо понимать, что он принимался реальными людьми, реальными делегатами со своим грузом прошлого. Недаром на съезде появилось заявление меньшинства, несогласного с принципиальными положениями Программного заявления. За него проголосовало более 1200 делегатов.

Закончился XXVIII съезд. Наступил период подготовки второго этапа Учредительного съезда КП РСФСР. С момента своего избрания делегатом XXVIII съезда я поставил себе задачу по мере сил способствовать конструктивному преобразованию партии и общества. Потому дал свои предложения и в проект Программы действий КП РСФСР. Считал и считаю, что в ее составлении обязательно должны принимать участие практики как от производства, так и от науки. В конце концов тяжесть выполнения решений ложится именно на нас.

Из моих предложений, а они касались социально-экономического раздела, не было принято ни слова. Публичное выступление на одном из совещаний подготовительного комитета с критикой проекта Программы действий вызвало раздражение.

Люди задают вопрос: зачем вообще нужна Программа действий КП РСФСР, если есть Программное заявление КПСС? Для детализации применительно к конкретным задачам вполне достаточно ранга резолюции или постановления, а не стратегического документа.

Программа действий КП РСФСР приобретает смысл, если она содержит отличия от программного документа КПСС. Но тогда делегаты съезда были бы неполномочны ее принимать. Избиратели им этого права не давали. В любом случае, при любых отклонениях, радикальных или консервативных, принимать решение должны люди, специально для этого избранные. Причем принимать именно на съезде, а никак не на совместном расширенном заседании ЦК и ЦКК, как это постановили шестого сентября.

Можно ли обвинить подготовительный комитет в низкой квалификации? Это было бы несправедливо. В нем участвовали много докторов наук, опытных партийных деятелей. Чувствовалась и товарищеская атмосфера. Но консолидация происходила на определенной основе: большинство принимавших участие в работе имели другое направление взглядов, чем авторы Программного заявления КПСС. Да и окончательное решение принималось узкой группой лиц. В этом вся механика. При любом количестве предложений и участников лейтмотив документа определяется тем, кто стоит во главе, кто у руля.

Теперь о самом втором этапе Учредительного съезда. В его атмосфере ощущались серость, безнадежность, элементы демагогии и воинствующего хамства. Бледный доклад первого секретаря в духе застойных времен с призывами защитить от рынка всех сидящих на зарплате. Ни слова о том, как это сделать. Ни слова о том, почему эти сидящие на зарплате дошли до нищеты и безобразия, что в этом повинна проводившаяся 70 лет политика, к которой опять зовут представители консервативного крыла.

Затем — примерно сорок выступлений. Почти все в духе прежних времен. Аплодисменты консерваторам и захлопывание радикалов. Запугивание буржуазией и капитализмом. Ругань в адрес руководства КПСС. Призывы следовать «идеалам». Будто бы люди живут в другом измерении. Ни слова о том, к чему эти «идеалы» привели у нас и в других странах, что мы не можем по-людски ни родить, ни воспитать, ни похоронить человека. И происки империализма здесь ни при чем.

Хорошей реакцией на все это был отказ шести москвичей, выдвинутых в ЦК КП РСФСР, входить туда до того, как будет определена его программная установка. Было всего несколько выступлений в духе 1990 года — Лациса, Прокофьева, Годунова, Зайцева, Елагина. Зато хватало пустословия и демагогии.

Хорошо был слышен голос приглашенных представителей Ленинградского инициативного съезда. Кем приглашенных и как — мы так и не узнали. Вообще вся затея с приглашением на съезд нескольких сотен рабочих с правом совещательного голоса выглядела не лучшим образом. Что здесь сказалось — недоверие к избранным делегатам? Чье недоверие и какое нам до этого дело, если полномочия нам дали избиратели и никто не вправе их умалять? Однако за рабочих пусть и задним числом, но проголосовал съезд. Кроме них, появилось много приглашенных из преподавательской среды, которым давалось слово в обход делегатов.

При выборах в состав ЦК КП РСФСР повторилась та же история, что и на XXVIII съезде. Голосование велось по двум спискам. Список №1 формировался самими областными парторганизациями по квотам, зависящим от числа коммунистов. Список №2 — первым секретарем. Этот второй список расширяется на съезде. Схема расширения такова: заранее подготовленные лица занимают места у микрофонов, выдвигают своих, кое-кто проходит случайно, затем по воле зала выдвижение прекращается. Таким образом, в состав ЦК прошли не делегаты — представители марксистской платформы и Ленинградского инициативного съезда.

Теперь очевидно, что руководство КП РСФСР стало флагом реакционных сил. К нему тянутся все, кому не по нутру перемены. В том числе и те, кто открыто зовет к временам ГУЛАГа, суду над Ельциным, Яковлевым, Горбачевым и другими, называя их не иначе, как «заклятыми врагами Советской власти, платными агентами мирового империализма». Они хоть открыто заявляют о своих взглядах. Но то лишь малая надводная часть айсберга. Основная часть молчит, хотя именно в ней опасность. Именно она жаждет потопить корабль реформ. Опасность этого очень велика.

Нельзя дать обмануть народ. Табачные бунты, хлебный голод в Москве при двойном урожае и массовых закупках зерна за рубежом — за всем этим не иначе как провокация одних и безвластие других. За этим, вероятно, стоит стремление разъярить людей, на волне народного гнева реставрировать прежние порядки. Нельзя, чтобы повторилась наша история, начиная с 1918 года, чтобы победили темные силы, которые готовы скорее взорвать страну, чем уйти в небытие.

Совсем недавно прошел октябрьский Пленум ЦК КПСС нового состава. В теорию и практику он не внес ничего. Зато во многих выступлениях звучали прежние заклинания в верности марксизму-ленинизму, верности идеалам. Понятно, что мотивы этих клятв исходят из стремления сохранить политический и бытовой комфорт. Но дальше так нельзя. Правда не может быть половинчатой. Она является либо правдой до конца, либо это оказывается ложью.

Пора самим себе четко и ясно сказать, что именно «под знаменем марксизма-ленинизма, под руководством коммунистической партии» мы оказались на задворках цивилизации, разорив и отравив собственную страну. Чем же надо обладать, какой совестью, какими интеллектуальными и моральными качествами, чтобы опять с трибуны возглашать о верности этим принципам, намерении следовать им и дальше?

Можно ли и дальше говорить о величии Октябрьской революции без оценки всей нашей истории? Нет, в исторической ретроспективе нельзя судить о событии без учета его практических последствий. Если учесть эти последствия, которые неизбежно пришли вслед за Октябрем,— то это великое бедствие, трагедия нашего народа.

Пора четко сказать, пригоден ли марксизм-ленинизм в качестве теории развития общества или нет. Если пригоден, то доказать это, а не заклинать. Если нет, то ясно сказать, что путь нашего развития — это демократический социализм на основе общечеловеческих ценностей. Пора определить, какой смысл вкладывается в понятия «коммунизм» и «социализм», отделить реальность и научный анализ от иллюзий и фантазий.

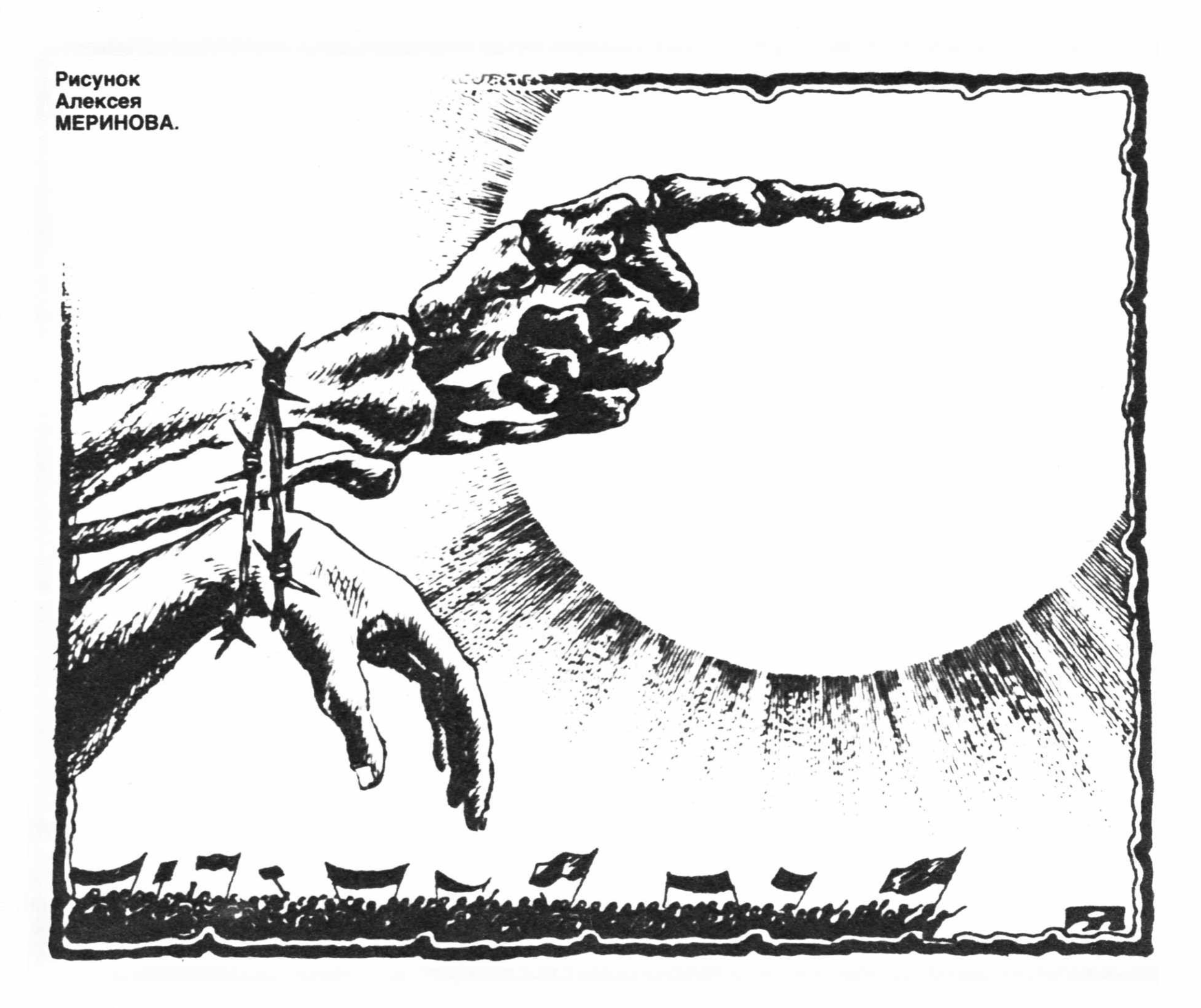
Я бы, наверное, не стал писать эти строки. Если бы не случай. Вечером оказался в одном самолете со свердловской делегацией, возвращавшейся домой с партийного съезда. Смотрю: в Домодедове их сажают в самолет по отдельному трапу. В Свердловске то же. Из ТУ-154 все простые смертные выходят по общему трапу в середине самолета, а эти — из самой головы по отдельному. Стоянка самолета в Свердловске оказалась примерно в тридцати метрах от здания аэровокзала. Тем не менее три черные «Волги» подогнали к самолету. Партийные вожаки «рабочего класса и всех трудящихся» не могут пройти пешком и тридцати метров, соприкоснуться с вокзальной публикой.

Ни разу в многочисленных поездках не видел ни при какой погоде, чтобы подали машину или просто помогли инвалиду, женщине с ребенком и тяжелым грузом.

Минут десять — пятнадцать спустя это обсуждается на автобусной остановке. Мне запомнился один возглас: «Когда это кончится?!»

Ответ зависит от нас с вами.

Рисунок
Алексея
МЕРИНОВА.

Секс вздорожал. Можно, понятно, поторговаться, так здесь и делают, но все же цены, если сравнить с летними, выше.

— Все дорожает,— меланхолически замечает один из здешних завсегдатаев.

Я приметил его не сегодня. Свободного кроя куртка из мягкой кожи, перстень в полпальца, «ролекс». Неторопливо перекатывает жвачку. На вопросы отвечает не тогда, когда спрашивают, а если пожелает.

— Да, да, все дорожает,— подфыркивает неопределенного возраста мужичонка. Это «бегунок», он подносит товар, когда тот на исходе. Заискивающе хихикает, смотрит на хозяина.

И, получив молчаливое согласие, добавляет: «Штука — три рубля. Оптом — со скидкой».

«Голос анархиста» («только анархия дает народу свободу») идет за двугривенный, а такого же уровня изготовленную газетку «Все о сексе» предлагают за четыре рубля. «Секс-анекдоты» устойчиво продаются по пятерке. Едва заметный, плохо пропечатанный на ксероксе заголовок еще одной газеты. Под ним манифест — «Свободный секс предупреждает: когда общество смотрит на половую жизнь, как на грех, то связь поколений прерывается». Эти так озабочены проблемами вечности, что изрекают только «философские» истины. Другие ближе к жизни, они реагируют на запросы рынка и формируют его. «Доступно о запретном. Условно сексуальное (эротическое) издание». Вроде бы респектабельная деловая газета («Союз кооператоров Латвии» — написано на последней полосе), «свисток» на первой и крупно — на последней полосе: «Цены на проституток в США. Из достоверных источников». То ли уезжающих за океан сегодня не оказалось, то ли другие тому причины, но газета лежит, не покупают.

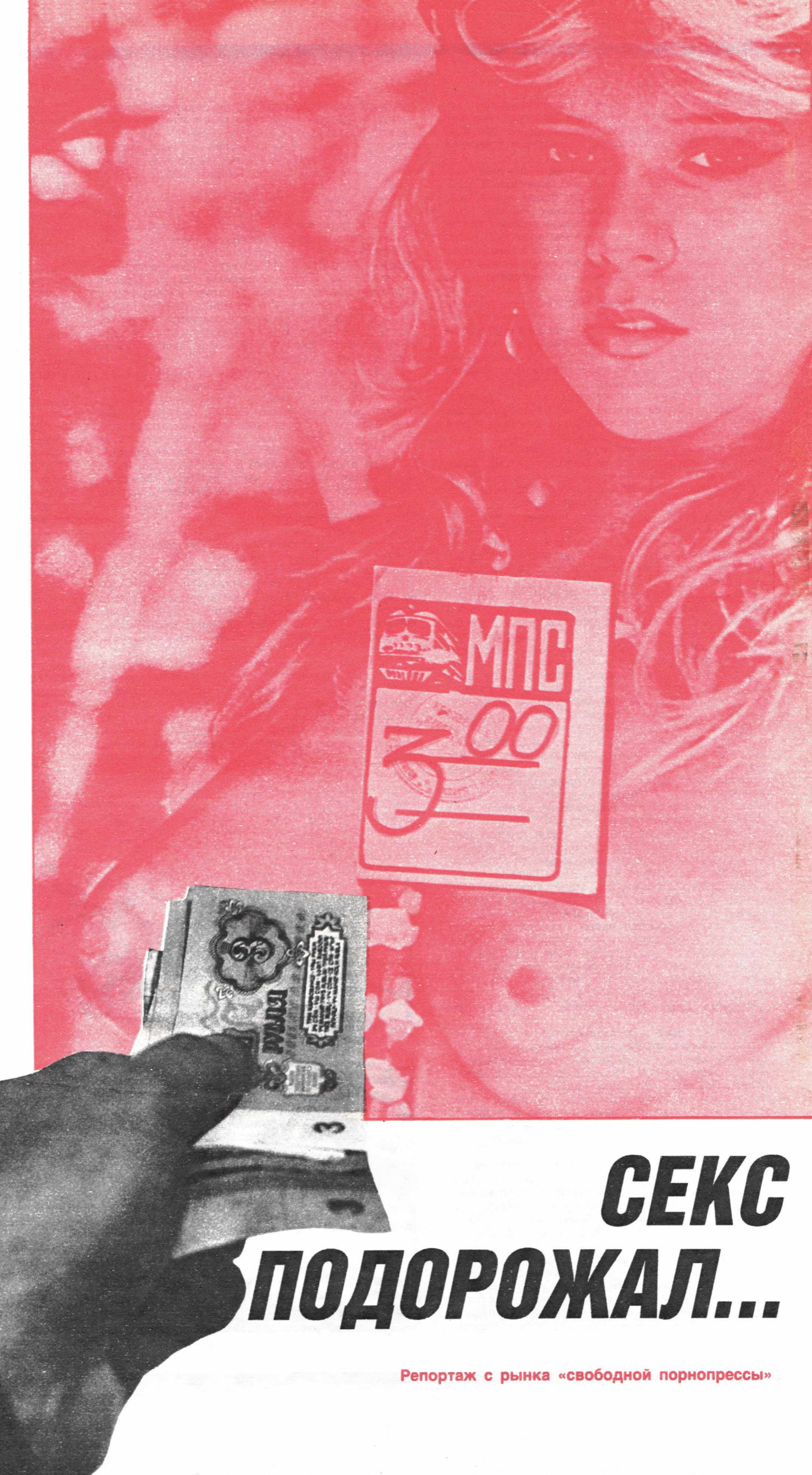
Зато «Любовь в тюрьме» — это ближе, понятнее, доступнее. «300 поз и положений». «Любовницы Брежнева. Двенадцать словесных портретов». «Макс Давид. Сексуальная техника. Введение».

Залповый выброс порнопрессы?

— Тут тебе не читалка,— тот самый, почти знакомый верзила вырывает из рук зачитавшегося прохожего «Гласность-С» (что расшифровывается как «Секс — Гласность»).— Вали-ка отсюда. Или покупай...

Рядом с кожаным — строгая костюмная тройка. Аккуратный галстук и старомодное — бутафория? — пенсне. Аккуратно разложенный товар. Серьезная и без ханжества брошюра — тоже привезена из Риги. Это собранные под одной обложкой статьи известного тамошнего врача, он пытается доказать, что эрос и секс — элементы общей культуры. Запреты не исключили их из жизни, а загнали в подвалы и на чердаки. Прежде статьи эти печатались в журнале «Наука и техника». Тираж его невелик: около ста тысяч на латышском и немного меньше — на русском. Теперь вышли отдельным изданием... Тот

Константин БАРЫКИН,
Марк ШТЕЙНБОК
(фото)

СЕКС ПОДОРОЖАЛ...

Репортаж с рынка «свободной порнопрессы»

в пенсне, читает что-то из «Лисистраты» (и Аристофана пристроили в этот же ряд умельцы!), его сосед веером разложил совсем уж неприемлемый набор картинок. Ах, это сладкое слово — свобода! Свобода блудливого слова? Страшно становится на таком веселом, удалом рынке.

— Господи, срамота-то какая,— продавщица моркови, а базар тут вперемешку, пресса и яблоки, газеты и сельдерей — все на ящиках, которые приволокли из двора ближайшего овощного магазина.— Срамота,— говорит, однако шепотом и крестится украдкой. Кто их знает, как отреагируют, вон у того морда какая бандитская. А этот вроде бы ничего, а такое несет.

— Джентльмены, только для вас.— Человек в пенсне раскрывает «Секс-анекдоты». Анекдоты жиденькие, проходные, за их чтение надо бы доплачивать. И все же «джентльмены» толпятся, разглядывают товар.

«Секс-дайджест». «Звездная карта любви и наслаждений» (два пятьдесят, издал кооператив). Ксерографические страницы «Калиостро». На первой странице: «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата». Это перепечатка из 1924 года, не напрямую, а посредством журнала «Родник». «В бане» («публицистическая поэма времен разудалого застолья и словесного алкоголизма»). Еще одна «Техника секса», листажом побольше.

— Все профессионально. Без обмана.

— Шарм и класс. Многовековой опыт. Искусство любви — «Кама-Сутра», индийский эротический трактат...

Невыразительный, со смазанными рисунками гектографической печати — цена-то в базарный день три копейки. Но табличка «3 руб.». Не за оформление берем — за содержание. За клубничку, за вольное переложение классики. Тоже ведь труд...

Большой сексуальный гулеж очень низкого уровня. Я говорил с одним из видных наших сексопатологов (он просил не называть его, не хочет, чтобы имя его упоминалось рядом с названиями псевдосексуальной прессы). По моей просьбе он просмотрел десяток изданий. И только в одном нашел разумные советы и рекомендации. «Все это даже не макулатура. Это за рамками допустимого. И вред от этих, с позволения сказать, изданий может быть значительным. Думаю, эти брошюрки и картиночки сломали уже не одну судьбу».

Да, эти «шуточки» дорого обходятся обществу любому. «Порнография провоцирует сексуальные преступления», отмечает автор лондонского «Нью сайентист» (цитирую по «За рубежом».— К. Б.). «Ученые обнаружили четкую зависимость: в среднем каждые 2 процента тиража порнографии дают увеличение изнасилований на 1 процент». К тому же «жесткая» и «мягкая» порнография воспитывает в человеке терпимость к тем, кто такие преступления совершает...

Все здесь смешалось в какой-то фантасмагорической, ирреальной обыденности. Весы-безмены с горками яблок, павильон с надписью «Горячие немецкие колбаски», нищий инвалид с надрывной гармошкой, цыганки с пачками сигарет по «коммерческим ценам». Базарный гвалт, обрывки газет, арбузные корки...

— Свободная пресса. Закулисная жизнь Кремля,— настаивает один.

— Только из нашей газеты вы узнаете все о партийной мафии,— заверяет другой продавец.

Есть какие-то религиозные или подделывающиеся под них издания. Продавцы их не лезут в общую свалку, стоят чуть отстраненно, поодаль. Особенно сторонятся порноизданий. Но их так много, что они оказываются и близ яблочного ряда, и около табачного киоска, у которого своя очередь.

Есть издания более или менее солидные, во всяком случае, претендующие на то, чтобы не быть причисленными к ксерографированным листкам и брошюркам. «Практикум любви» является, как сказано, «информационным бюллетенем всесоюзного гуманитарного фонда СПФ «Россия». Все предельно конкретно. Технические приемы любовной игры. Глава 2. «Неправильное представление мужчин о женщине». Глава 3. «Правильное представление мужа о жене». Глава 6. «Доминирует женщина». Глава 7. «Другие позы» и «Заключение». И графики, диаграммы, масса советов...

Запретами сейчас никого не удивишь и не испугаешь. Идеологи и вчерашние блюстители морали из рассыпавшихся рядов партактива и комсомольские говоруны попрятались по щелям. Они не вмешиваются, не бывают здесь. Вот если бы солидные издательства (как это практикуется в цивилизованных странах) взяли на себя труд просветительства, если бы, скажем, «Медицина» и «Физкультура и спорт» озаботились изданием настоящих книг, лекций, видеофильмов... Грязной прессе надо противопоставить книгу — доступную и полезную.

Избежать влияния эротики дано разве что обделенному радостями человеку. От Гомера и Софокла протянулась к нам очень личная и в то же время принадлежащая всему человечеству ветвь эротической культуры.

И то, что в столице нашей есть сейчас около тридцати почти откровенных рынков порнопрессы,— это плохо, но объяснимо. Ибо природа пустоты не терпит. Имея разрешение (все, что не запрещено, то разрешено) на нечто, но, не получив этого, начинают искать то, что ближе лежит, что внешне напоминает искомое. Человек всегда стремился и будет стремиться к наслаждениям, которые дарит интимное общение женщины и мужчины. За многие годы искусство этого общения усовершенствовалось, и в этом тоже нет сомнения. Но и эту новизну заменяют суррогатом, подсовывают всякую мразь и чепуху, непотребство.

Рынок такой прессы разветвлен, но есть, похоже, опорные, главные точки. Между этими пунктами и их «филиалами» существует постоянная, не знаю, как и кем осуществляемая, связь. И если, скажем, где-то «товар» не идет, залеживается, то цену на него не сразу снижают, ибо рынок общий и вольничать на нем не принято. На понижение играть не разрешено, но иногда все же приходится. Те же «Секс-анекдоты» — сугубо коммерческое издание. В выходных данных помечено, что тираж их «не более 1000 экземпляров». Камуфляж этот не ради развлечения. Менее тысячи — значит, можно не регистрировать, не засвечиваться. Отпечатал — торгуй. Но я убедился, что только в Москве ежедневно поступает в продажу не менее трехсот экземпляров «анекдотов». Один экземпляр стоит 5 рублей, у вокзалов — четыре. Такая такса. Сейчас пошли распечатки брошюрки чуть меньшего размера, отшлепанные ксероксом. Такие предлагают по четыре рубля и по три — возле вокзалов.

На рубль дешевле они потому, что вокзальные вестибюли, многие входы-выходы завешаны фривольными, на грани фола плакатами и рисунками и изорекомендациями — есть выбор. Здесь же обосновались тихие, вовсе не скандальные продавцы. Они молчаливо разворачивают газетку «Тема», они представители «ассоциации сексуальных меньшинств». В газете есть подпись: «Главный редактор Дмитрий Р.», есть заметки и объявления. Есть адреса и имена — меньшинства хотят жить, меньшинства ищут партнеров. Своих ищут, им другие не нужны...

А этот настырный паренек, он идет напролом, дергает за рукава прохожих, предлагает им что-то, видимо, вовсе не приличное. Хотя какие тут приличия быть могут? Извините... Большинство не останавливается, брезгливо отворачивается от коммивояжера, но кое-кто рассматривает картиночки — то ли нарисованные, то ли отпечатанные на картонках размером в игральную карту.

— Есть «Гиперсексуальная постэкспрессия»... Совершенно интимно. Детям до двенадцати лет не рекомендуем,— это кто-то из помощников того верзилы, что в кожанке.

— Способы половых сношений — учебник мысли,— так же нагло врет другой.

— Эротические этюды. Эротическая психопластика...

— По этим адресам вы можете заказать очень хорошие книги.— Парень держит в руках картонку с хабаровским адресом.

«Муж и жена. Энциклопедия секса». Издано (заверяет объявление) в США, цена 14 рублей. Заокеанскую же «Технику современного секса» из того же Хабаровска можно выписать за девять рублей, а древнеиндийский трактат о любви — за семь.

Классический советский вопрос «куда смотрит милиция?» в этой ситуации неуместен. Да и дело ли милиции — отлавливать издателей всей этой мути? В нашей стране нет, к сожалению, полиции нравов. Но есть же тысячи парткомов и райкомов, да и новые общественные формирования появляются одно за другим. Вот им всем этим и занять себя. Разобраться с издателями, попытаться воздействовать на ситуацию. Не только сидеть в конференц-залах, обсуждать программы и уставы. А то, что делается на улице, в километре,— у них до такой прозы руки просто не доходят?

Рынок бульварной прессы сложился не сам по себе, он отражает нравы (точнее — безнравственность) всего общества. Он индикатор состояния нашей идеологии и уровня идеологов.

Милиция-то еще как-то пытается урезонить продавцов всей этой пачкотни, составляет протоколы, передает материалы в суд. А где общество?..

Как бы то ни было, в Москве образовался нешуточный, неплохо организованный и, судя по всему, четко регулируемый рынок весьма своеобразной печатной продукции. Он не связан с ажиотажем, сопровождающим выход новых официальных газет. Он по-своему солиден и достаточно стабилен. Очень подвижен, реагирует на каждое изменение обстановки. Он находит типографии и бумагу. Он обворовывает классику и придумывает свои «сюжеты».

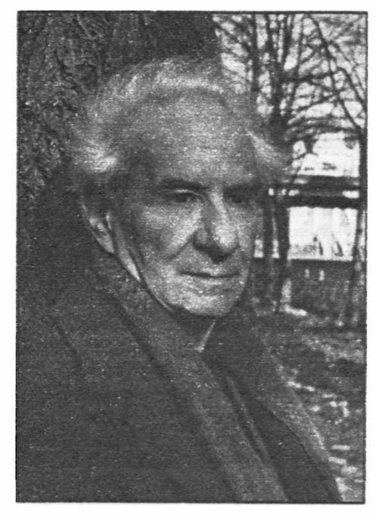
Он уверен: понятие «стыд» должно исчезнуть из обихода.

Он действует. И процветает...

Александр ВОЛОДИН

РАССКАЗ

КАКОВО ЖЕ БЫЛО ИХ УДИВЛЕНИЕ...

Отец был алкоголиком. Приучил к этому и жену, мать мою. Нет, лучше, мою мать. А то мало ли как поймут. Мать отдает ребенка в детдом и исчезает навсегда.

Гордый, одинокий, несчастный...

Но у меня врожденные способности. Чуть не окончил институт — вот эта пагубная моя привычка к спиртному. Турнули. Дальше — больше. Незаконно лишили квартиры — я один, к тому же пьющий. В квартире из двух комнат. Потом турнули с работы. Сейчас устроился почтальоном, разношу и эту вот газетку. А деньги нужны, и еще как. Зарплата скудная, да на одном месте не удержишься. Уже было замечание— медленно разношу. Тут поговорил с хозяйкой, там поговорил с хозяином — уже и рабочий день кончился. Приходится, от случая к случаю, кому что понадобится. Но все — честным путем. А вот Очкастый — это уже не ко мне. Это значит опуститься на дно жизни. При писании рука дрожит — первый результат неумеренного алкоголя. Приму — перестает дрожать, но, чтобы перестала дрожать, надо немного принять. Замкнутый круг. Единственное, что вселяет надежду, я до удивления легко все схватываю. И активно совершенствуюсь в любом деле. К сожалению, скоро бросаю. Опять же результат неумеренного алкоголя. Я-то еще ничего, некоторые напиваются до омерзения.

Кажется это мне или нет? Меняются лица. Лбы стали у́же. Рты сделались грубей. Просто для еды. И все остальное. Руки, например. Для мордобоя. Ноги пошли в ход. Вчера в пивной: один осатанел от злости, вопит: «Что сказал? Ты что сказал? А ну, выйдем!» Другой: «Не надо туда, там у меня сын, давай лучше здесь». Но осатанелому нужен простор, обязательно там. Выволок на улицу. Драка прицельная, ногами. Маленький сын стоит, смотрит. Еще кто-то подбежал, схватил по пути дощатый ящик, с размаху огрел осатаневшего по голове. Тот свалился. Теперь оба стали бить его ногами. И мальчик подошел, тоже постукал ножкой по затылку. Это один пример. Немало привел бы.

Полицейские «джипы» рыскают по городу, пышут зелеными колпаками.

Убийства! Девушка, жила в соседнем доме, приветливая, тихая. К ней ходил нотариус. Оказалось, что она больна, нотариус ее пристрелил. Восьмилетний мальчик заблудился за городом ночью, запутался в сетке ракетной установки. Часовой его пристрелил. Лютует шайка Одноухого. Убийства в драках и на любовной почве суды уже не рассматривают.

Осенний дождь на улице. Не льет, не капает, не моросит — просто находится в воздухе. Как будто навсегда решил поселиться в нашем городе. В этой жизни. Темнеет, улицы пусты. Еще светится окошко бара, но и там пусто. А мне пора устраиваться на ночь. Вот сараюшка. Подошел — замок навесили, гады. Наверно, сообразили, что я тут обосновался. Вот магазин, это не для нас. Пустые полки, все упрятано на ночь. Лампочка освещает внутренность, поэтому кажется, что там тепло. Вот бы где пристроиться, в углу, за прилавком. Но окна забраны решетками, на двери наверняка сигнализация.

Город мой! Переночевать негде. Нашел другую сараюшку. Доски выломаны, ветер свищет.

Утром, только просыпаюсь — передо мной предстает Землеройка. Так ее называли в школе. Почему — неизвестно. С нею я провел тогда несколько лет. Дальновидная была. «Ты же уйдешь в армию, и еще неизвестно...» То есть — еще вернешься ли. Заботилась о будущем. Отношения наши стали так тягостны, что, вернувшись из армии (будь проклята родная казарма!), я зарекся не встречаться.

Но вот — нашла все же меня. И где! Стоит, скосив глазки, склонив к плечу головку.

Надо оправдываться.

— А я все собираюсь зайти...

Она с готовностью закивала головкой: конечно, мол, собирался, и, конечно, что-то помешало.

И вдруг:

— Жду, когда скажешь человеческие слова... Нет. Ни одного!

С болезненной какой-то злобой. Что-то неисправимо изменилось в ней. И странно представить, что некогда она могла возбуждать воображение.

— Пить-то зачем! Помнится, хотел быть независимым человеком. А зависишь от выпивки! В городе говорят! Кличку тебе уже дали! Каково мне это слышать...

Ответил. Просто вырвалось, непечатным выражением.

— Что?..

— Ну прости...

— И запомни...

— Сказал же, прости...

— Не думала, что мы так встретимся.

— И я не думал.

— Может быть, мне и приходить не надо было?

Промолчал. Может быть, не надо было.

— Я наблюдала за тобой издали. У тебя нервное перевозбуждение, оно граничит уже с патологией. Но я не просто пришла. У меня к тебе предложение. Хочу отвести тебя к человеку, который излечит от этого навсегда. Все его зовут просто по инициалам, К. М. Давай попробуем... А? Нет — так нет. А вдруг!..

— Тактично не сказала — от алкоголизма? Алкаш я. Так понял?

— Да он лечит вовсе не от этого! Он избавляет именно от нервных перенапряжений. А это только следствие — тяга к алкоголю. Конечно, не алкоголик. Какой же ты алкоголик. Но есть же у тебя нервное перенапряжение!

— Нет у меня нервного перенапряжения! Это сейчас я нервный. Все остальное время я спокоен.

— Не знаю, это трудно объяснить. Он не просто психопатолог. Он излечивает от астмы, от экземы. От рака! Возвращает человеку память, свежесть восприятия, о нем легенды ходят! Станешь опять такой, какой был в восемнадцать лет! Помнишь, какой ты был?

— Не помню.

— Прежде ты был другой!.. И опять станешь такой! У него лечатся большие люди, которых я тебе назвать не могу! К нему попасть — это великое везение! К нему очередь! И я о тебе уже договорилась! Причем он не терпит людей с гонором, а ты скромный человек.

Землеройка вела меня через старое кладбище. Потом потянулись пустырь, бывшие мастерские, угрюмые, приплюснутые к земле, завалы ржавых труб, заскорузлых досок, завезенных сюда невесть когда, мостики через болотистый ров. И наконец — линялое полурухнувшее здание. Когда-то здесь что-то помещалось.

Землеройка постучала в многостворчатую железную дверь. Через некоторое время ее открыла девушка в белом халате.

— Это со мной,— сказала Землеройка.— К. М. разрешил.

Значит, она — своя здесь? Может быть, и лечилась?

— В комнату бесед, пожалуйста,— сказала девушка.

Комната бесед была обширная, по-казенному беленная, напоминала нашу госпитальную палату.

Когда мы вошли, за длинным столом, накрытым клеенкой, люди пили чай. Они сразу же стали приветствовать Землеройку: «Что же вы, где же вы, а мы тут вас!..» Затем принялись здороваться и со мной. Добросердечно, но как бы сдерживая до поры радость предстоящего, более близкого знакомства: «Пожалуйста, с нами чаю, наверное, остыл, надо подогреть, вот сушки, вот пирог, домашний пирог, не стесняйтесь, у нас не стесняются!»

И сразу же перестали обращать на меня внимание, чтобы я не стеснялся. Продолжали застольную беседу, из которой явствовало, что здесь все друг к другу привязаны и мне будет предложена такая же всеобщая симпатия и ненавязчивые знаки внимания.

Ожидание в «комнате бесед» длилось и длилось, никому не было скучно. Время от времени заваривали чай: «Попейте еще, хороший чай, целебный, а пирог наша Улочка спекла!»

А Улочка — это была общеизвестная уличная. Иностранцы нас не посещают — провинция, штат девушек постепенно сократился в конце концов до одной, да и ей теперь приходится искать клиентов не в гостинице, а на улице, поэтому ее так и назвали. Здесь же ласково — Улочкой. Рыжие волосы не полыхают, как обычно, а по-домашнему гладко, жакетик на все пуговички, чтобы и в мыслях ни у кого не было и не подумал бы никто ничего такого. Никто и не думал.

За шахматной доской сидели трое, которых я по-

мнил по вышеупомянутой драке: тот, что с маленьким сыном, тот, что бил ящиком, и осатанелый,— здесь приветливые, тихие.
Я обратил внимание на человека преклонного возраста с ироническим лицом. Оказалось, что он был членом парламента, специально приехал лечиться. Характерно, что никто не высказывал здесь особых знаков уважения к нему. Вели себя так, будто и не знали, кто он. Землеройка, пожалуй, даже злоупотребляла этим: завела разговор довольно рискованный да, по-моему, и бестактный.
— Вот, объясните, пожалуйста, почему у вас там, в верхах, торжествует ординарность?
Член парламента добродушно отбивался.
Но вот в двери появилась девушка в белом. И, прежде, кажется, чем она появилась, все встали. К молодым сотрудникам, как убедился позже, относились с особенным любовным почтением. Они работали сутками, спали здесь же, по три часа, многие приехали издалека.
— Пожалуйста, на обследование.
Отправилась простая женщина с веселыми бровками треугольником. Ее проводили пожеланиями успеха. (В чем?)
А члена парламента все не оставляли в покое.
— Как это Одноухий набрал себе столько бандитов, что с ними справиться нельзя? — спросил тот, что бил ящиком.
Этот вопрос и меня заинтересовал.
— Набрать просто. Есть люди за чертой бедности, есть привилегированные. Как перераспределить? Отсюда и терроризм... Это первое. Кому-то надо держать людей в напряжении, чтоб не отвлекали свои мысли на ненужное. Кому-то нужны погромы.
— А мне нужна война! — Это Улочка.— Захватили бы все страны, тогда можно жить где угодно, хоть в Париже!
Снова появилась девушка в белом. Мы встали. Она вызвала следующего. Мы сели. Но Землеройка зашептала:
— Тебя, тебя же!
Дело в том, что я поотвык от своего имени. Кличка же моя, надо сознаться, Алкаш. Такая уж мне досталась, хоть пьет в городе каждый третий.
Иду за девушкой по запущенному коридору.
Привела меня в голый кабинетик. За канцелярским столом сидел молодой человек воинственно-скандинавского вида. Он заговорил со мной мягко, неторопливо.
— Простите, у нас не принято так сидеть.
Я не сразу понял, как не принято. Потом сообразил: сижу нога на ногу.
— Это вредно?
— Это будет... это затруднило бы наши взаимоотношения. Руки, пожалуйста, на стол. На один стук отвечайте левой рукой, на два — правой. Постарайтесь не ошибиться. Внимание...
Стал постукивать облезлой шахматной пешкой по столу. Я старался не ошибаться. Он подсчитал ошибки, записал количество, сказал:
— У нас принято говорить «спасибо».
— Спасибо.
— Пожалуйста.
Смерил давление. Смотрит, чего-то ожидая.
— Спасибо.
— Следите за собой.
— Ну да, простите.
— У нас не принято говорить «ну».
Должен сказать, что эти пустячные запреты — не говорить «ну», не говорить «ага», не сидеть нога на ногу, вставать при появлении девушек в белом — оказались в дальнейшем не так просты и осваивались с трудом. Первое время надо было являться каждый день, затем через день, потом раз в неделю. Обследовали нас сотрудники, очень молодые и все с высшим образованием, энтузиасты. Результаты обследований поступали на ЭВМ (реакция на световые сигналы, запоминание знаковых сочетаний, разное другое). Расшифровка продолжалась долго, так что в основном мы проводили время в комнате бесед. Причудливая компания здесь собралась.
Но я успел уже привыкнуть к жизни уединенной, общаться мне было затруднительно.
Однако на обследовании мне было сделано замечание:
— У нас не принято держаться от других в стороне. Здесь есть интересные, одаренные люди. Они открытые и общительные, потому что избавляются от своих болезней. Постепенно и вы станете так же открыты и доброжелательны. Но к этому надо приложить усилия.
Сегодня показалось солнце. Кто-то отворил балконную дверь. Все вывалили на балкон. Правда, и смотреть-то отсюда не на что. Захламленный пустырь, заброшенные мастерские...
На этот раз меня обследовала девушка, у которой был стойкий деревенский румянец.
— Сегодня вам предстоит просто поговорить,— сказала она.
— Спасибо,— сказал я.
«Пожалуйста» не успела сказать, наверное, потому, что я поторопился и преждевременно сказал «спасибо».
— Что вас беспокоит?
— Ничего.
— Но что-то, наверное, есть. Хотите же вы излечиться. От чего?
Не хотелось признаваться в том, что я попиваю.
— Хорошо, тогда я буду спрашивать, а вы отвечайте. Просто: да или нет. Тяжесть на душе?
— Это есть. Именно тяжесть. Особенно когда...
— Следите за собой, просто: да или нет. Чувство безнадежности?
— Бывает. Иногда. То есть не полной безнадежности... Прошу прощения — да.
— Отвращение к себе?
— Да.
— Отсутствие радости жизни?
— Да.
Она стала проглядывать свои листочки. Так студентки проверяют перед экзаменом, не упущено ли что-нибудь. Наверное, начинающая. Дальше, наверное, начнется по психоанализу, детские травмы, это даже я знаю.
— Расскажите, пожалуйста, о своих родителях.
Я рассказал.
Она ничего не отвечала, лишь записывала это в свою тетрадку. Но странно — мне становилось легче.
Правда, во второй раз, когда я отправился сюда уже один, без Землеройки,— надо сознаться, заплутался. Иду за небольшой компанией, которая направляется, видимо, туда же. Долго шли, то вперед, где бывшие мастерские, то назад, где бывшее кладбище, наконец добрались. Куда? В бывший туалет. Словом, едва нашел болотистый ров этот и дом этот бывший.
В чем же заключается наше лечение, спросите вы. Этот вопрос задаю себе и я. Обследуемся и обследуемся. И никаких. Даже иглоукалывание противопоказано. Что же дальше?..
Но потом я понял: лечение — вот оно! Нас пытаются вернуть к тому, что всегда само собой разумелось, было естественным для любого человека. И забыто. Напрочь. Хотя бы к этому вернуть нас! Пускай поначалу внешне. Чтобы с течением времени...
Наш город мал. Вообще все в нашей стране как бы уменьшилось. Областной город стал похож на наш райцентр, а наш райцентр и вовсе... Вечером ни одного огонька в домах, боятся банды Одноухого. Улицы выходят прямо в поле. Зимой снег прикроет завалы мусора. Все станет белым, округлым. Но весной все равно оголится мусорная земля. И никому в голову не придет убрать все это. Вывезти и сжечь, что ли.
А вот этот дом — желтый с облупившейся штукатуркой, с одним окошком в стене — как будто повернулся к улице задом. Этот дом надо миновать осторожно и быстро. Снаружи-то он такой, как все, а внутри живет глава торгованов. И вот обхожу этот дом незаметно, а он из этого окошка как вперится гипнотическим взглядом и говорит по-дружески:
— Ты что же это?..
А я что, я ничего, я только бы пройти мимо, и все.
— Прячешься? Боишься, я тебя пить заставлю?
Это верно, боюсь. Теперь мне нельзя, нарушу лечение. Если потянет, я должен даже ночью срочно звонить дежурному К. М., и он тут же сделает процедуру, вроде укола, и сразу же исчезнет желание выпить.
А он говорит:
— Зашел бы!..
Я, как обычно, при нем мешкаю с ответом. А он, как обычно, этим пользуется. И калитка в бревенчатой ограде уже отворяется.
— Извини за порядок,— говорит.— Живу один. Баб предпочитаю это... А то, мало ли, обчистят, потом ищи ее. Верно?
— Верно,— говорю. Потому что хочется всю разговорную пластинку поскорей провертеть до конца. Мне с ним почему-то неприятно разговаривать. У него кличка «Очковый». Не потому, что он носит очки, эта кличка идет от очковой змеи. Такой гипнотический взгляд. Может быть, так загипнотизирует и забудет!
Не забыл. Смахнул со стола ботинок (у него такой сумбур в комнате, что если кто туда и проникнет, то подумает, что он бедный), и достает из холодильника бутылку. И похвалился еще:
— Эстонская!
— Я пас,— говорю.— Я завязал.
— Неволить не буду.
И достает колбасу, и опять похвалился:
— Финская.
Бокалов поставил два: но это опять для того, чтобы похвалиться.
— Чешский хрусталь!
Но налил только в свой. Это обнадежило. Может, и правда неволить не станет.
И вот я отсидел, казалось, уже достаточно. И чувствую, он начинает тянуть время. И понимаю, надо бы поскорее позвонить в клинику Казма. Поднимаюсь прощаться, но сразу же — бдительный взгляд, трезвый еще, в упор.
— Куда?
— Пора.
— Сиди.
И высится надо мной на стуле. Еще и еще наливает себе, а я сижу под его взглядом. Но глаза его гипнотически начинают мутнеть — кажется, задремал. Поднимаюсь. Но, подумайте, таращится! Недоброэдак, обиженно. Виртуозно умел обижаться. Этим и брал.
Да что ты, ей-богу. Спокойно.
Одна задача у него, чтобы я не ушел. Для чего, думаю, ему?
Оказывается, вот для чего. Попросил завтра сходить в торговище, продать платье, настоящее польское, рукава жиго.
— Ты же понимаешь, моих-то все уже знают в лицо.
Понимал я, зачем ему нужен.
— Не могу,— говорю,— не хочу, не умею.
Тут от обиды глаза его прямо увлажнились.
— Ты, это... Скажи мне одно: дружба есть или нет? Или это...
Наливает в оба чешских бокала.
— Ты, это... Пей.
Я удержался. Ценой неимоверных усилий. Весь сконцентрировался.
Хитроумное это словечко «это»... Простак, мол, он, тугодум. Ты еще и сообразить не успел, чего ему надобно от тебя, а он в уме своем проиграл все твои варианты.
На другой день — торговище.
Держу свое кружевное прозрачное так, чтобы было непонятно: продаю или сам купил. Однако дамы видят насквозь, подходят по-деловому, справляются о цене, ахают. День простоял в позорище. Окоченел. Но к вечеру подошла какая-то дурында, теневичка из провинции, что ли, деньги некуда девать? Приобрела!
Доволен. Возвращаюсь к Очковому. А он ухмыляется натянуто.
— А ведь сейчас, это... Все торговище над нами потешается. Кто у тебя платье купил?
— Какая-то из провинции, что ли.. И не торговалась.
— Из провинции. Так вот, эта из провинции, сука, не сходя с места, перепродала втрое! Две пачки за тобой.
И оскалился. Так он смеется.
— Так вы же,— говорю,— сами цену назначили!
— На месте ориентироваться надо! Дурбень недоделанный! Не обижайся.
Неприятный случай.
На торговище продал, да еще задешево, французский пистолетик с газовым несмертельным баллончиком. Только ослепляет и на время лишает человека дееспособности. Они у нас сейчас в ходу. Но продал-то я, чтоб не мерзнуть, первому, кто подошел. А подошел-то мальчик лет двенадцати, который сам продавал цветы бегонии, которые наверняка стащил на кладбище.
Однако что тут началось!
Вот чего я не учел. Мальчику нельзя! Нельзя маленькому! Это прямо закон такой негласный. Рост рождаемости все падает, они, которые все же рождаются, стали неприкосновенными.
— Что продаешь маленькому, негодяй! — закричала какая-то косая.
— Шатаются, дурью промышляют,— подключилась другая.
Я сразу понял свою оплошность, молю их:
— Тихо, красавицы, виноват!
Но красавицы уже надвигаются.
— Вот сами таких хамов и плодим!
Чувствую, бить собираются.
— Еще и хулиганить! Над кем нашел хулиганить!..
И так далее. У одной появился откуда-то резиновый шланг, хлестнула меня, да больно. И у других откуда-то появились резиновые шланги. Исполосовали меня хорошо. А мальчик прицелился и стрельнул в меня своим неопасным газом. Боль в глазах нестерпимая. И не вижу ничего. И ноги подломились. А дальше ничего не помню, очнулся — сижу, спиной прислонясь к дому Очкового. Наверное, отвели и посадили меня именно тут.
Очковый все может, связи далеко идут. Намекнул мне: ты, мол, без прописки и постоянного места жительства. В сущности, типичный бомж. Смотри, мол, выметут из города. А жилищный вопрос стоит остро.
Устроил мне комнату. Пусть кособокую, с низким потолком. Наверно, никто из очередников не хотел брать. Надо бы отказаться от этого благодеяния — не хватило душевных сил. Живу теперь оседлый, прописанный, полноправный.
Прибежала Землеройка. Навела порядок.
— Люди видели, что ты похаживаешь к Очковому. Стыдно это! Не понимаю я эту дружбу!
— Какая дружба!
— Дру́жите, дру́жите! Хуже того, ты у него кро-

мешник на побегушках.

— «А ведь и правда,— подумал,— я теперь в замазке, то есть по мелочевке, по темным делишкам».

Теперь жди молодчиков Одноухого. Двух торгованов они уже прикончили. Наверняка, и ты у них на прицеле. Зря французский пистолетик продал. Теперь покупай настоящий.

На этот раз она перестраховалась. Молодчики Одноухого не давали о себе знать. К тому же в юные годы я любил пострелять. На стрелковых соревнованиях занимал призовые места, что интриговало городских девушек. Хищный глазомер. Суровый, невозмутимый, опасный. Жалко, в армии разучился. Хотя выстрелить в человека я бы все равно не мог.

Теперь при стучании пешкой по столу, как ни странно, ошибаюсь все чаще. Тупею, подумалось.

Но девушка сказала:

— Вот это другое дело. Это хорошо! Значит, вы расслабились, начинаете жить в мире с самим собой!

И она была рада этому. Взглянула так добро...

Мало нужно нам, чтобы почувствовать благодарность, легко тронуть наше сердце, когда мы отвыкли от таких слов, от такого взгляда.

И тут я увидел вдруг, что деревенский румянец ее померк, что у нее-то не все ладно в душе, что она-то как раз и не живет сейчас в мире с самой собой.

Вот в этот миг и переместилось что-то в моей груди. Вдруг стала рассказывать мне про К. М.— инициатора и руководителя всего этого. У кого он там, в столице, побывал на приеме, что ему пообещали, как не выполнили обещания, в какой депрессии он сейчас находится.

— Когда никому ничего не нужно, никто ничего не хочет! Всем удобно, что ничего не происходит. А ему что-то надо, он чего-то требует. Тогда очень просто: решили, что его идеи вредны, что он вообще шарлатан. А мы все — сектанты. Клинику закрывают, отказали в дотации! В чем же, спрашивается, его преступление? В том, что он собирал людей воедино, возвращал к тому, что когда-то само собой разумелось! И вот довели его, довели!.. Я сначала не поверила, теперь слухи подтвердились — он запил! Кто бы поверил, пьет по-черному!.. Такой мозг! Уничтожает себя. Он же как ребенок, теперь его самого надо лечить!..

Она уехала из нашего города. Я успел увидеть ее на перроне в финском плащике. Заметив меня, она быстро пошла прочь, потом побежала. Этим же поездом, хотя и в другом вагоне, покидал наш город К. М. Он был под хмельком.

Правда, случай на торговище, отношение ко мне горожан привели меня, как я ни противился, в бар. А потом, как я ни противился снова — потянуло в бар, чтобы на этом и покончить. Но тянуло и после этого. Тянуло!.. Обратиться за помощью к К. М.? Так и не довелось его увидеть. И вот его нет. И помощники его разъехались. Так я снова стал спускаться. А что делать? Все пьют. Надо только знать свою норму, сколько граммов — граница, все, и не уговаривайте.

Бацилла эта, алкоголь. Если бы я не зашел в разливочную, где нельзя на вынос, не пришлось бы ночевать на улице, не было бы собрания жильцов, не было бы ничего этого. В повседневной жизни я то и дело совершаю глупые поступки. За мной просто волочится хвост глупых поступков. Глупость моя замаскирована тем, что я говорю, как интеллигентный человек, с причастными оборотами. Однако стоит мне принять, как мысль моя обостряется. Чем объяснить, например, что Одноухий так терроризирует город? Милиция раскинула сеть широко, и круги сужаются. Но почему они так долго сужаются?..

И вот к чему это привело.

Возвращаюсь, правда, за полночь уже домой — не могу вспомнить код калитки. А стучать в бревна ограды — жильцов перебудишь, жалко. Затемно уходят на работу, проводят там тусклый день, в сумерках возвращаются. Хватает сил лишь на свары с соседями.

Холодно! Попытался подремать на скамейке на бульваре — не заснуть, покрылся изморозью. До утра бегал по мертвым улицам.

На другой день обошел квартиры нашего дома, объявил общее собрание жильцов. От удивления, думаю, почти все явились, собрание состоялось в облезлом чешуйчатом коридоре.

— Сегодня ночью,— говорю,— один из наших жильцов случайно запамятовал цифры кода. И был вынужден ночевать на бульварной скамейке.

— Пить надо меньше,— сказали жильцы.

— На это мы ему укажем. Но раз уж так случилось. Человека могли обобрать, могли пристукнуть. Поставьте себя на его место.

— Записал бы код и носил бы с собой. И никто бы его не пристукнул,— сказали жильцы.

— Записывать нельзя,— возразили другие жильцы.— Пьющий человек, потеряет где-нибудь, любой может воспользоваться.

Но я задаю очередной вопрос:

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА.

— А если ваш ребенок? Заигрался на улице или его задержали в школе на занятиях для отстающих? А код сложный, не всем детям под силу. Что тогда?

И тут я понял, что попал в точку. Пронзил сердца. Не знаю, обратили ли вы внимание, я уже написал, что прирост населения в нашем городе сильно понизился. Не теряя времени, я сразу задал вопрос:

— Так что же? Пускай наши дети замерзают на улице? Или еще хуже — пропадают без вести?

— Пропадают! Пропадают! — вскричали женщины.

— Детки! — попытался возразить кто-то.— Посмотрите, что они пишут на стенах!

— Вы вообще бездетный и молчите!

Массовое возмущение.

Я почувствовал, что собрание жильцов в моих руках.

— Мое предложение. Каждый, кто не тревожится за детей, устанавливает в своей двери собственный код. Что же касается общего замкового устройства в ограде, то ограды снести и на ночное время установить поочередное дежурство.

Долго молчали.

Потом наступает ропот.

К полуночи были вынуждены перенести решение вопроса на другой день.

На другой день тайным голосованием с преимуществом в один голос было принято решение ограды снести.

Результаты превзошли ожидания.

Вскоре на соседних улицах залязгали тягачи. В городе начали выкорчевывать бревна, сносить ограды. Наконец-то!

Последствия не заставили себя долго ждать.

У кого-то взломали дверь, но обокрасть не успели.

Кого-то на лестнице стукнули чем-то по голове. Правда, не насмерть.

Пытались изнасиловать женщину, но она носила в сумке скалку.

Город еще более страшненький стал, ограды, не снесенные до конца, жутко щерятся оставшимися бревнами.

И вот что характерно: все вдруг охладели к этому мероприятию. Бревна никто не убирает, но и обратно не ставят. Азарт иссяк, никто ничего не хочет делать.

Между тем Землеройка начала атаку. Случайные встречи у дома, на улице. Я делаю вид, словно что-то забыл, поворачиваю обратно. Но иной раз избежать невозможно.

Почему же я чувствую себя виноватым перед ней?

— Значит, тогда для тебя это был только эпизод? — спрашивает она.

Что ответишь?

А она начинает выходить на простор обобщений.

— Раньше как было? Даже если ты ошибся в женщине — неси свой крест. Была ответственность, была честь, люди стрелялись!

Это как бы укор, почему я не стреляюсь.

— Не думай, что ты такой уж идеал, тоже не мед. Но кто еще? Нет людей! Пусто! Все противно. И противно то, что все противно. Гигантская банальность. Устала я. От себя устала. Каждое утро становлюсь перед зеркалом, учусь улыбаться. Не получается...

Она выследила сарай, где я упражняюсь в стрельбе. Явится, сядет на пенечек поодаль, наблюдает. Принесла неожиданную пользу. Ко мне стали обращаться с предложениями провожать из гостей припозднившихся дам. Порядочный, вооруженный человек, на полудружеских основаниях, за умеренную плату... Нетрудно догадаться, кто меня рекомендует.

Что-то должно было произойти.

Произошло.

Вчера. Отправляюсь за город, к старому сараю, где можно укрыться от дождя. И принимаюсь бить из старого пистолета по мишени. Так каждое утро.

Хотя убить человека...

Это я уже писал.

Как вдруг слышу здоровый жеребячий гогот. По пустоши шагают двое в робах. Это в банде Одноухого униформа. Остановились у сарая. Две веселые пасти на круглых физиономиях.

— Привет, торгован.

— Привет, налетчики.

— А нас, знаешь, кто к тебе прислал?

— Чем обязан? — отвечаю достойно.

— Пугать тебя будем. Мы всех торгованов пугали, некоторых напугали до смерти.

Тут во мне заговорило честолюбие. Решил удивить. Пустил пулю в девятку, другую — в десятку. Неплохо, впечатление произвел.

Один — другому:

— А вот ты мог бы так? А? Попал бы?

— Мне бы хоть в сарай попасть.

Снова загоготали.

— Ладно, земляки, идите, куда шли.

— Ладно, земляк, не будем мешать.

И вдруг заломили мне руку за спину. Да так, что я и пистолет выронил. Из шайки Одноухого?

— Вы что!

А это один заломил, а другой шагает к сараю. Выдернул болт, выдвинул засов, вернулся, и теперь уже оба метнули меня с разбегу в распахнутую дверь. Налетел на дощатый топчан, проехался по неструганому полу, не понимаю, что происходит.

Слышу: задвинули засов, вколотили болт.

— Вставай, пехота. Ориентируйся в обстановке!

Поднялся. В двух стенках в две стороны окошки размером в школьную тетрадку. Глянул в окно — там стоит с пистолетом в руке. Подбрасывает, ловит за рукоятку, как в старых фильмах. Где другой?..

— Алло! — слышу с другой стороны.

Тот тоже с пистолетом.

— Правого в угол! — объявил первый.

С правой доски брызнула щепа.

— Прыгай, дядя! — предупредил другой.

Прыгаю.

— Ложись! — первый.

Успел залечь, дунуло ветерком по волосам.

Сколько времени это длилось? Не знаю... Прыгаю, перебегаю, валюсь на пол. Убийство с шуточками. Бессилие. Страх. Отвращение к себе. Да что же это я? Если все равно конец, так хоть не быть шутом.

Бросил метаться, стал посередине между двумя окошками, чтобы виден был обоим. Пускай уж разом, в лоб и в затылок. Погогатывают, не торопятся. Интересная игра. Тогда тот, что передо мной, сказал:

— Стоп.

Убрал пистолет.

— Молись своему богу.

Верить, нет? Уходят. Оба. Не спеша. Стою, как фанерный человечек в тире. Лязгнул болт, заскрипел засов — в двери Землеройка.

— Кто... здесь? Ты?..

Вошла в сарай, вывела меня. На свет.

Холодный ветер дул сквозь меня. Сквозь кожу, поры и артерии. Униженный, ничтожный.

Пистолет мой лежит в грязи, не взяли.

— Вот и в-все...— Придыхать стала, заикаться.— Тебе уже пора. П-поздно...

Стоит, все глядя в сторону. Чувствую, что просто уйти уже нельзя. Нерешительное мое шевеление она поняла по-своему, подалась вперед, и вышло, что я как бы уже обнимаю ее. Оказалось, ее трясет. Так что это уже не объятие — удержать бы ее, успокоить. А ее трясет все сильнее. Сняла очки, встряхнула, вытерла платком. Слезы. Плачет, а лицо спокойное. Слезы катятся по спокойному лицу. Постукивая зубами, проговорила:

— И в-все, в-все, иди.

Перед Землеройкой, чувствую, виноват. Это меня тяготит.

Она приходит ко мне в платье собственного покроя. Этим и зарабатывает: кроит туалеты по журналу «Бурда», и городские дамы ценят ее вкус.

Появляется она каждый раз в новом одеянии, и все они, не буду спорить, идут ей. Вырезы ненавязчиво открывают то одно, то другое, и это против воли привлекает взгляды. Она осунулась, отчего глаза стали играть большую роль в ее облике.

А однажды... Ни слова не говоря, открыла тумбу, как будто делала это уже не раз, достала свернутое одеяло, простыню и принялась аккуратно, деловито стелить постель. Отогнула угол одеяла, повернулась ко мне и только теперь слегка зарделась.

Бывают ситуации, когда мужчина должен поступить так, а не иначе.

— А помнишь? — спрашивает стеснительно.— Помнишь? Ха-ха! Как мы мечтали, чтобы было вот так...— Она очертила ладошками квадрат комнатки.— И вот все есть. Можно воспользоваться. Давай, а?

Хотела бесшабашно, а не вышло.

Не знаю, как это описать. Тело у нее было необъяснимо молодое. Что же касается меня, то я понял, что я человек чувственный, страстный, опытный.

Итак, двое потрепанных жизнью, неуверенных в себе, неуверенных друг в друге, объединились, переплелись, совместились.

— Почему ты какой-то такой? Необыкновенный? — пощурчивала она.— Я не могу, я тебя не достойна, я лучше уйду.

Или:

— Почему ты такой магнитный? Опять я к тебе прилипла!

Ночи безумные... Я поселился у нее.

Когда началось? Кто первый сказал: «Я в депрессии, я в психологической яме?»

Родственные чувства пошли на убыль. Все охладели ко всем. Теперь никто не может с уверенностью сказать, как другой относится к такому-то событию. Впрочем, и событий уже нет. На бывшем торговище — стоянка чешских машин. Однако спроса нет, никто никуда не хочет ехать.

Если классифицировать основные разновидности наших горожан, то получится: апатики, дремотники, уединенцы, нервозники, отвращенцы, несообразники, глумцы.

У кого зародился этот почин, теперь уже не разобраться: для максимального продления супружеских чувств они, супруги, должны жить (у кого позволяет жилплощадь) в разных комнатах. Можно перестукиваться через стенку, можно по договоренности переходить из одной комнаты в другую. Сначала мне показалась странной эта идея. Но Землеройка неожиданно ею увлеклась. Отношения наши, как вы можете догадаться, были непросты. Она оставалась девушкой дольше, чем следовало, возможно, это стало причиной особой возбудимости ее натуры. И она решила как-то определиться на будущее.

— Не думай, никуда я не уйду. Пока ты меня не прогонишь. Но, наверное, люди прежних времен были мудрей нас. Или им позволяли квартирные возможности. Видимо, нельзя жить так близко друг от друга. Мне трудно все время быть объектом твоего наблюдения. Да ведь и ты... тоже, извини, не безупречен... когда ты — как это у вас там? — поддашь. Конечно, мы будем продолжать нашу супружескую жизнь. Но так — я перед тобой всегда в форме, всегда одета. Ты передо мной всегда трезв...

И вот мы, как все, кто имеет возможность, живем в разных комнатах. Дверь между комнатами заколочена, два разных выхода на разные улицы.

Вставать не хотелось. Время катилось пусто, ничего в себе не содержа. Оно слабо сипело. И было вино, но пить не хотелось. Тут еще вдруг жаром обдало. Заболеваю? Ладно, отлежусь. Как вдруг холодом обдало. С чего бы? Посмотрел в окно: похолодало, что ли? Вот это да, снегу навалило. Сползает с крыш, ссыпается с ветвей.

Землеройка постучала в стену.

— Ты слышал?

— Что слышал?

— Про женщину?

— Про какую женщину? Я болен.

— Ну, про ту, которая все видела!

— Что видела?

— Ты что, ничего не знаешь?

— Я не понимаю через стенку!

— Быстро выходи на улицу! Женщина видела инопланетян, пришельцев! В сигарообразном аппарате! Он опускался — жаром полыхнул! А улетал — наоборот...

Действительно, что-то странное. Вышел. На улице, что удивительно, было людно. Но никто никуда не шел, все стояли, смотрели вверх. Все выползли на улицы! А то встречаются только в голых магазинах. Сколько, оказывается, населения в городе! А картошку из деревни убрать и привезти себе же некому. Никто ничего не хочет делать. Проживем без картошки. И никак не выбраться из кризиса. Это и не кризис уже, а просто мы так живем.

Это все сказывается даже на так называемой единственной любви. Как, например, у Грина. Вот вам вопрос: люблю я Землеройку? Каждый раз она меня удивляет, какое у нее молодое тело. Но это все равно не Грин. И, кстати, тогда возникает другой вопрос. А она как? Может быть, я у нее за неимением лучшего?

И Очковый здесь. Выгнутый, энергичный. За ним отрядик торгованов. Тоже смотрят вверх, чего-то ждут. Самого-то главного начальства нет, наверно, тоже смотрят из окон — неизвестно еще, чем все обернется.

Землеройка была возбуждена, она прямо парила.

— Даже если это ерунда, все равно интересно! Но это не ерунда! Я знаю эту женщину! Шла на хутор к родственникам, как вдруг ее прямо жаром обдало. И спускается сигарообразный объект! И выходят существа, похожие на людей, только лица плоские. Она сначала испугалась, но они ее успокоили каким-то своим способом. Тогда она стала задавать разумные вопросы, учительница начальных классов. «Есть ли жизнь помимо Земли»? Отвечают телепатически, она все понимает. «Есть, только в другой галактике». Спрашивает: «На каком горючем вы прилетели?» Они не поняли, что такое горючее. «С какой целью вы сюда прибыли?» Оказывается, следить за нами, в случае чего помочь. Так поговорили, забрались в свой аппарат и быстро поднялись обратно. А ее холодом обдало. Кстати, всех холодом обдало. Снег, это тебе ничего не говорит? Они часть земной энергии с Земли захватили, для взлета!

Спорить было скучно. Подумалось: может, и правда был какой-то неопознанный предмет. В газетах пишут, то там видели, то тут видели. Может быть, и правда какие-то человекоподобные... Вышли из своей тарелки, огляделись (если у них есть глаза) — и каково же было их удивление! Земля к весне оголилась, завалы мусора; некрасивые дома с прихлопнутыми ставнями, мелкая илистая речка, торговище, шайка Одноухого... Что они здесь услышали (если у них есть уши)? Скучные, бескровные, тщетные слова... А у них все это было уже давным-давно, в ихнюю первобытную эпоху. Махнули рукой (если у них есть) и улетели обратно без желания вмешиваться.

Ленинград.

РУССО ТУРИСТО

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Зарубежный вояж дня сегодняшнего, обходящийся, к примеру, в «итальянском варианте» в кругленькую сумму — около 1800 рублей на 8 дней, впервые дает вам доселе незнакомое ощущение бытия абсолютно нищего и соответственно бесправного человека. Судите сами. Ваш обмен в Италии — 500 рублей. По специальному курсу обмена вы получаете на руки чуть больше 100 тысяч лир. Для сравнения: четыре мороженых плюс бутылка минералки — 26 тысяч. Приличная мужская рубашка — 90 тысяч. Такие дела. И не надо в меня кидать грязью — мол, не за мороженым да рубашками поехали, а приобщиться к древней и вечной культуре. Да, к культуре, чего и всем советую. Но не надо забывать, что едем-то мы из страны вечного дефицита, страны повального товарного голода. Да и не очень опасаюсь я критиков и продолжаю считать. Средняя зарплата у нас в стране 250 рэ. Так что нам меняют две средние зарплаты. В результате же получается, что за два месяца мы зарабатываем на рубашку или на 16 порций мороженого с четырьмя бутылками минералки. И наши женщины, попавшие в Италию, получается, должны отстраненно проходить мимо великолепных итальянских витрин.

Уважаемые товарищи из Совмина, Минфина или других ведомств, принимавших решение о так называемом «специальном курсе»! Неужели вы до такой степени нас ненавидите и презираете, что сочли возможным так издеваться над советскими туристами? Вы же отлично знаете, что средняя месячная зарплата, к примеру, водителя в той же Италии — около 1,5 миллиона лир! Так что же, по-вашему, выходит, что водитель в СССР зарабатывает в 15 раз меньше? В этом случае о какой перестройке может идти речь? О каких спорах — мол, что мы построили за 70 с лишним лет и отступать или не отступать от «социалистических» принципов? С сумой перед всем миром встать на колени и челом бить: подайте нам, сирым и убогим. Так, что ли, выходит?

По крайней мере выходит, что такая валютная политика работает на дискредитацию СССР по всему миру. Ибо на толкучках Югославии, Венгрии, Польши, Чехословакии, Турции, да и многих других стран русские уже стали привычными поставщиками фотоаппаратов, часов, льняных изделий, биноклей, водки, хохломских изделий, причем по заведомо низкой, смешной цене — лишь бы взяли. Я уже не говорю о продовольственных десантах, которые, несмотря ни на какие запреты, штурмуют таможенные посты на западных границах нашей необъятной Родины.

В Риме же африканцы, торгующие прямо на мостовой, узнав в озабоченном подсчетом оставшихся лир человеке нашего с вами соотечественника, уже смело зазывают: «Руссо, давай «ченч»!» Как вам это, создатели новых экономических концепций? Что же я, по-вашему, проработав более 20 лет, должен ехать в отпуск нищим? Или уже не различить разницы между вашим положением за стенами Кремля и нашим, в различных Чертановых и Орехово-Борисовых? И если вы нам установили такую зарплату, то меняйте ее при поездках за рубеж по нормальному курсу, чтобы можно было что-то купить и привезти домой, где купить ничего нельзя. Если, впрочем, не покупать на ведомственных распродажах. А если не можете, то уходите! Вдруг у других получится. Ведь стыдно за себя, за всех нас, когда, допустим, во Флоренции встречаются две советские группы и разговор сразу завязывается о том, почем в Риме идет водка? *.

...Мне повезло. В Ватиканском музее я в одном из залов нашел осколок древнеримской мозаики, которому около 2 тысяч лет. Это мой самый ценный сувенир из Италии. Но так же, как и другие мои соотечественники, я был вынужден что-то конструировать, выкраивать и соображать. Да-да, хотя после этого признания я, может быть, рискую стать «невыездным». Мол, все наши торгуют с рук и ничего, молчат. И, следовательно, ничего и не происходит. А этот перед всем миром о «таком»...

Да. Перед всем миром. Ибо голодному и раздетому надо в первую очередь думать не об идеологических высотах, а о том, как одеться и поесть. Неконвертируемость рубля — одна из самых тяжких цепей, опутывающих гражданина тоталитарного государства. Ибо ты наг и гол повсюду, кроме своего Отечества. А следовательно, ты не свободен. Ты полностью зависишь от властей предержащих. А следовательно, ты денно и нощно ощущаешь эту зависимость. При этом сам ты абсолютное ничтожество, несмотря ни на твое положение в советском обществе, ни на рабочий стаж, ни на зарплату, наконец. Все вы равны в своей нищете, говорит нам наше любимое государство.

И зря, зря оно стало пускать нас за границу. Ибо когда видишь в соборе Святого Петра американских школьников, без напряга приехавших на деньги своих родителей, и знаешь, что в районной блочной школе твоему ребенку могут в лучшем случае предложить поездку на уборку картошки в подмосковный совхоз, то всякие нехорошие мысли по отношению к нашему государственному устройству так и лезут в голову.

И среди них опять же конвертируемость рубля. Любыми способами она нам необходима. Ведь только экономическая свобода может сделать человека истинно избавленным от давления тоталитаризма. Никакие рассуждения о демократии, никакие введенные «сверху» законы о ней без экономической базы ничего не изменят. Ни о каком вхождении в мировое экономическое сообщество также нельзя говорить, пока рубль не будет приниматься к обмену в других странах. Ни о каком серьезном совместном предпринимательстве тоже, ибо ни одна действительно солидная фирма или концерн не будет интенсивно зарабатывать наши родимые «деревянные». (Кстати сказать, тот же «Макдональдс» во Флоренцию не пустили, чтобы не исказил старинного облика города.)

И вот что еще. До Октябрьского переворота из России ехали на Запад лечиться, учиться, путешествовать, да и в эмиграцию без особых валютных хлопот. Рубль стоял твердо и ценился повсюду. Как им это удавалось? Но, впрочем, хватит о деньгах. Давайте все же об Италии.

В Италии вроде как есть все. Даже есть туристическое агентство под завлекательным названием «Миша тревел», организованное Обществом дружбы «Италия — СССР». Именно это агентство и было партнером нашего Интуриста во время описываемой мной поездки. Нас еще в Москве сразу насторожило неоднократное предупреждение ответственной дамы из Интуриста: мол, будьте готовы — вы едете по одной из самых низших категорий. Ведь платите же рублями. А Интурист за это предоставляет минимум. Впрочем, продолжала дама, можете и за валюту купить себе тур. Тогда все будет намного лучше.

Где брать валюту, нам не сказали. Так что поехали все-таки за рубли. И вот что интересно — содружество двух компаний как бы подтверждало старую поговорку: скажи, кто твой друг, и т. д. В Москве интуристовский автобус пришел к месту нашего сбора в 5 утра, и мы маялись затем в Шереметьеве около двух часов, так как все формальности заняли от силы час. В Риме аналогично: автобус пришел в 5 часов 30 минут, и в римском аэропорту мы также проторчали без дела те же 2 часа. Наша сопровождающая из Интуриста спокойно объяснила: у автобуса есть и другие заказы, надо, мол, это понимать. Так что не автобус для советского туриста, а турист для автобуса.

Теперь о сопровождающей. Уважаемые товарищи из Интуриста! Зачем нам она была нужна? Зачем мы оплатили ее поход по магазинам Италии? Наша дорогая Наденька практически ни в чем нам не помогала. Кстати сказать, мы знали: в программе у нас встреча с коллегами из различных итальянских газет и радио. Но Надя наша и переводить-то толком не смогла: не знала специфики. Кроме того, в Италии нас сопровождала представитель «Миши тревел», которая, впрочем, тоже особо себя не утруждала, но ее вполне хватило бы одной. Так вот еще раз спрашиваю: какие особые функции у сопровождающего Интуриста и почему туристы должны оплачивать развлечения сотрудников этого ведомства?

Кстати сказать, нас поразила профессиональная приязнь двух сотрудниц — советского и итальянского агентств, которая отодвинула на второй план интересы всей группы. Они так трогательно были предупредительны одна к другой и обе вместе к нашему водителю — красавцу с пышными черными усами, что такие проблемы, как отвратительный номер в гостинице (правда, только в одной — в Риме), невозможность куда-либо поехать в нужное время и на нужное время (на галереи Питти и Уффици во Флоренции у нас было отведено всего 1,5 часа!) и всякие прочие вещи, осложняющие пребывание, наши сопровождающие как-то не замечали. Многого не замечал и Интурист. К примеру, программа праздника газеты «Унита» на тот день, когда мы были в Модене, напечатанная заранее, предусматривала все интересные события — от концертов до полетов на вертолете и фейерверков, естественно, на вечер. Нас же привезли в 11 часов утра и увезли через полтора часа. Впрочем, потом, после нашего легкого нажима, нам предложили поехать и вечером, но возвращаться — своим ходом. Естественно, желающих не оказалось. Все-таки ночью, за городом и в чужой стране. На следующее утро выяснилось, что наша Надюша сама-то вечером съездила: у нее языкового барьера не было.

«Миша тревел» тоже доставил нам много «приятных» минут. Наверное, известно было этому замечательному агентству, что гостиница «Пасифик» в Риме — вариант довольно грязного студенческого общежития. Так что вполне можно предположить следующий расчет: Рим — последний пункт, смотреть здесь есть на что, да надо и последние гроши истратить, так что эти русские ничего не заметят, а если и заметят — промолчат. Так вот, дорогие друзья, отель «Пасифик» в Риме — конюшня. Нам есть с чем сравнивать: миланский «Старотель», отель «Риц» в Модене и «Альбион» во Флоренции — это все туристские гостиницы. Не больше. Но это вполне приличные места. Особенно «Альбион» с его очаровательными хозяевами — седовласым владельцем отеля постройки XIV века Аугусто, который «по совместительству» работает официантом, его дочерью и зятем, выполняющими обязанности портье, повара, администратора и т. п. Так что в Риме «Миша тревел» поступил с нами просто недобросовестно. А Интурист благословил эту недобросовестность.

Кстати говоря, мы неоднократно встречали своих соотечественников, которые воспользовались услугами какого-то кооперативного туристского бюро из Ленинграда (к сожалению, не спросил или не запомнил его названия). Так вот, у них подобных проблем не было: ни с обслуживанием, ни с гостиницами, ни с программой. Может, Интуристу попросить кооператоров поделиться опытом?

...Сегодня нас, слава Богу, уже не «рекомендуют к поездке за рубеж» партком и местком. Сегодня мы на свои заработанные сами можем выбирать, куда ехать и почем. И будем ездить: мир огромен и интересен. Но все мы хотим выглядеть за границей достойно. А это зависит далеко не только от нас самих. Кстати, если закон о выездах будет принят, я всерьез опасаюсь за старушку Европу, куда вполне могут хлынуть тысячи работяг, привыкших жить десятилетиями в вагончиках, и их жен, кормящих семьи супчиком из пакетов. Да за 500 долларов в месяц, не скажу — за 1000, они проволоку будут зубами грызть, траншеи руками копать, ибо за свои рубли кровные ничего ни у себя в стране, ни тем более за рубежом купить не могут. Да и в СССР доллар уже вроде как вторая и причем главная валюта.

Впрочем, в Швейцарии уже все поняли и быстренько приняли закон об ужесточении правил устройства на работу иностранцев. Для своих места не так много. Швейцарцы — они умные и потому самые богатые. А в Италию, к примеру, пускают чуть ли не всех, и мы видели демонстрацию африканцев у мэрии Рима, требующих жилья и работы. Мол, раз впустили — давайте помогайте.

...Может быть, я что-то обостряю, но пишу сразу же по возвращении, как говорится, на одном дыхании. Но не сказать всего, что сказал, просто не могу.

Сергей ШАХМАЕВ

*** Кстати, на тот же праздник газеты «Унита», в котором мы вроде поучаствовали, ездил и главный редактор «Правды» И. Т. Фролов. Интересно, как у него обстояли дела с лирами?**

ГОРОДСКИЕ ЭЛЕГИИ РОМАНА МЕРЦЛИНА

ЖЕНЩИНА С БУБНОМ. 1983.

ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ. 1983.

Живет в Саратове художник удивительной цельности жизненного и творческого поведения.

Роман Мерцлин по-настоящему раскрылся в самый разгар пресловутого «застоя»: с конца семидесятых на выставках появились его городские пейзажи, точно выражающие самую атмосферу того времени, рожденные им и одновременно противоборствующие ему. Его городские элегии напоминают горечь прозы Юрия Трифонова.

Городскую жизнь принято было изображать иначе, чем это делает Мерцлин: либо разъезженные колеи, самосвалы с бетоном, огромные краны и груды кирпича новостроек, либо ансамбли парадных улиц с нарядной толпой горожан, либо патриархальная добротность мирно доживающих свой век уютных особнячков, либо, наконец, торжественная представительность настоящих памятников архитектуры, не зря охраняемых законом... Часто мелькали на выставках могучие корпуса заводов, коптящие трубы ТЭЦ, панорама огромного порта. Ракурсы самые различные, а интонации довольно схожие. Мерцлин же совершенно не вписывался в этот привычный поток. Вроде и поэт города, но не урбанист. Но и привкуса модного «ретро» не чувствуется.

Пейзажи Романа Мерцлина передают не внешнюю видимость мотива, а глубинную его суть: то, что таится за фасадами старых зданий, за оградами глубоких сырых дворов, где жизнь накопила осевшую здесь за десятилетия людскую тревогу и горечь. Так уж сфокусирован глаз живописца, что старый центр города воспринимается как своего рода духовная окраина. И выискивать подобные мотивы ему нет особой нужды: они на каждом шагу. И не только в Саратове.

Ефим ВОДОНОС

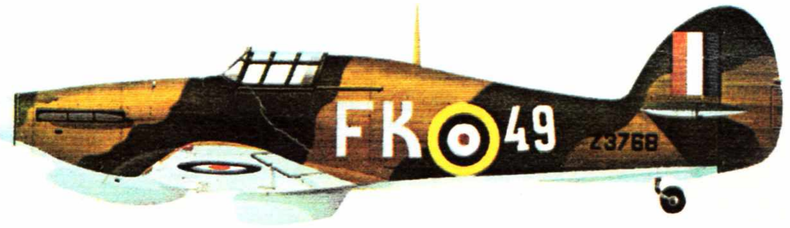

БОЛЬШОЙ ДВОР ЗИМОЙ. 1989.

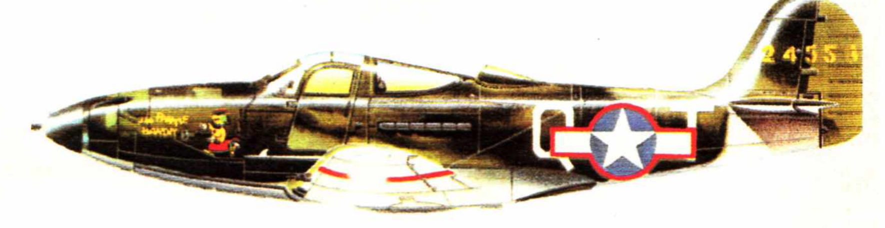

НА ПРОГУЛКЕ. 1986.

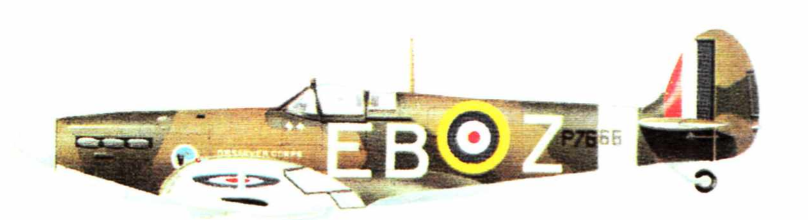
ОГОНЁК

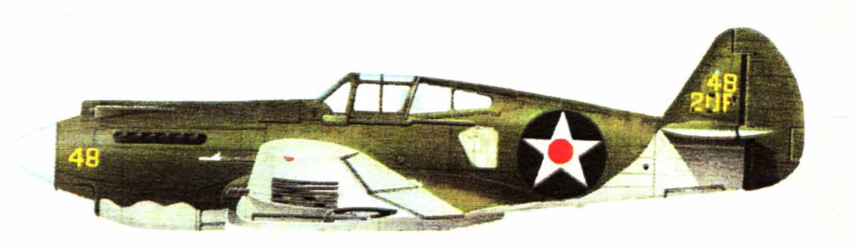
Харрикейн / Hurricane

Аэрокобра / Aeracobra

Спитфайр / Spitfire

Кертис Хок / Curtiss Hawk

Михаил КОРЧАГИН,
специальный корреспондент «Огонька»

«СПИТФАЙРУ» — ВЗЛЁТ!

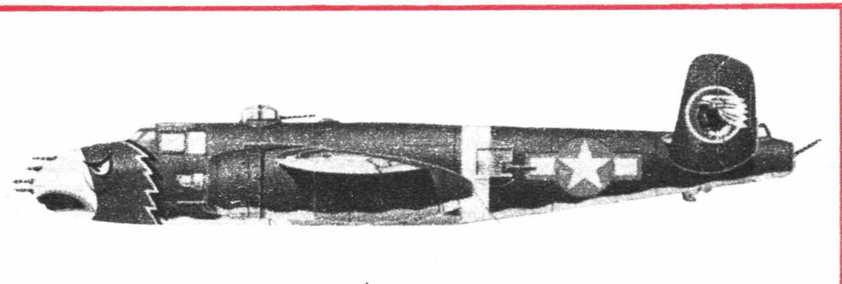
Хавок / Havok

Развязка была трагической. Подбитый «спитфайр», перечеркнув дымной полосой августовское небо 1941-го, стремительно приближался к кромке леса. Взрыв был неизбежен. Но тишина леса осталась нетронутой. Английский истребитель, скрывшись за верхушками деревьев, исчез навсегда — канул в бездну полесских болот... Поиски не дали результатов...

* * *

...Отгремела вторая мировая. Ромашками заросли окопы. Давно забыт тот бой над полесскими болотами. И уж тем более полвека спустя никто не помышляет возобновлять поиски как того, так и других английских самолетов, навечно оставшихся в нашей земле. Казалось бы, быльем порастает прошлое. И все же...

— ...Я найду их! — слышу я от молодого лондонца Руперта Вилбрахама.— Обязательно найду...— повторяет он и раскрывает передо мной подробную карту СССР, изрисованную разноцветными кружочками (предполагаемые места нахождения самолетов).

Митчел / Mitchell

— Зачем?..— не переставал удивляться я.— Для чего понадобились останки самолетов 23-летнему лондонцу? Тем более ему — театроведу по специальности.

Но прежде чем дать ответы на эти вопросы, необходимо вернуться в лето 1941-го, когда «мессершмитты» безудержно рвались к Москве, когда ничего, кроме сожаления, не вызывала наша военная авиация, а советские летчики называли свои машины «летающими гробами». Тогда-то, в первые месяцы войны, и стали появляться в советском небе целые эскадрильи самолетов с непривычными для нашего неба опознавательными знаками...

Из британских секретных разведывательных документов 1941 года:

«Вскоре в МУРМАНСК и АРХАНГЕЛЬСК стали прибывать упакованные в ящики самолеты из Великобритании. Их тут же переправляли железнодорожными путями на аэродромы по направлению к Москве. Эти самолеты, будучи собранными, были полностью готовы к обороне Москвы...»

Сталин как во время, так и после войны упорно не желал афишировать английскую помощь СССР, дабы венец победителя принадлежал только ему. Хотя именно в первые месяцы войны, еще задолго до открытия второго фронта, английская военная помощь наряду с американской была не менее существенной.

Из британских секретных разведывательных документов:

«В 6-й истребительной армии ПВО было две эскадрильи «харрикейнов»... Между июлем и декабрем 1941 года более 2000 английских самолетов принимали участие в обороне Москвы...

...«Харрикейны» были привезены на аэродром г. ИВАНОВО в контейнерах, и в течение трех недель самолеты были готовы к бою...

...В сентябре 1941 года британские истребители вылетели с аэродрома ВЯНГА на оборону Мурманска...» (Позже в обороне города приняли участие еще 400 «харрикейнов». Всего же союзниками было поставлено около 20 000 истребителей. Это, не говоря о 3000 орудий ПВО, 1500 военно-морских орудий и 3 000 000 пар английской обуви, гревшей советских солдат.— **М. К.**)

Итак, помощь, которую просил и получал Сталин от Англии, была существенной. Причем оказывалась она в ущерб и с риском для самой же Англии, так как в тот опасный для Европы момент существенно ослаблялась ее военная мощь.

И тем не менее английские «спитфайры», «харрикейны» обороняли нашу столицу, защищали СТАЛИНГРАД, Север и Юг РОССИИ, КАВКАЗ, БЕЛОРУССИЮ. И именно на союзническом истребителе летчик-ас Покрышкин сбил 59 вражеских самолетов. Такие же самолеты в сентябре 1940 года обороняли от фашистских «мессеров» столицу Великобритании. Эти-то самолеты и решил разыскивать пилот-любитель Руперт Вилбрахам...

* * *

...В тот день мы мчались по загородному шоссе, ведущему ко всемирно известному аэродрому Фарнборо (месту прохождения парада самолетов), а я пытал Руперта вопросами, пытаясь понять, что же все-таки крылось за столь необычным, странным увлечением молодого парня, безрезультатно потратившего на поиски самолетов целые два года. Может, оригинальное хобби, дабы выделиться в среде молодых лондонцев? Или сиюминутная прихоть скучающего молодого человека? Ведь даже в случае успешных поисков этим изуродованным войной самолетам уже не летать.

Албемарль / Albemarle

— Летать!..— возражает мне собеседник, останавливая машину у взлетной полосы аэродрома, где уже начался традиционный парад современных самолетов.

Высоко в небе, с бесстрашием циркача кувыркаясь в воздухе, выделывал замысловатые трюки крохотный военный вертолет. И едва мы заняли место в толпе зевак, как вдруг на фоне суперсовременных авиалайнеров, старомодно тарахтя своим примитивным дизелем, словно из забытого прошлого, в небо взмыл тот самый «спитфайр». Парад продолжался.

— Ну, предположим, найден в России подобный самолет,— снова мучаю вопросами Руперта.— А что дальше?..

О том, что будет дальше, более подробно я узнал от председателя благотворительного Фонда ветеранов битвы за Великобританию 1940 года Дэвида Кантерберна.

— Если самолеты будут найдены,— рассказывает он,— то после реставрации они будут проданы на аукционе в Англии. Деньги же от продажи на аукционе пойдут в наш благотворительный фонд. Ведь на сегодняшний день в Англии насчитывается около 1 300 000 престарелых ветеранов, срочно нуждающихся в медицинской помощи. Многим из них нужны хорошие, удобные коляски, дорогостоящие лекарства...

Дэвид Кантерберн рассказывал о том, как в его капиталистическом государстве заботятся о ветеранах, а мне невольно подумалось о наших ветеранах — тех, о ком вспоминаем мы так нечасто, да и то в основном по случаю майского праздника Победы. Горько было лишний раз осознавать то, что «бедная» наша держава, спасенная русскими солдатами, почему-то не в состоянии обеспечить безбедное существование этой неотвратимо редеющей армии. И все это на фоне благосостояния «слуг народа», на фоне высоких заборов со спрятанным за ними номенклатурным раем. Поэтому с чувством стыда, перемешанным с чувством благодарности, узнаю я в Лондоне о том, что о наших ветеранах по-настоящему решила позаботиться «чужая» сторона.

— Около 50 процентов доходов от продажи самолетов пойдет и на нужды бывших советских воинов, тех, кто спас Европу от фашистского ига,— сообщил мне о таком решении Дэвид Сауф — член Советско-Британской творческой ассоциации, под эгидой которой также проходит благородная акция.— И, учитывая, что один отреставрированный самолет приблизительно стоит около 1 500 000 фунтов стерлингов, ваши ветераны смогут получить вполне реальную помощь...

Итак, остается самое главное — найти хотя бы несколько таких самолетов. Где? Именно этот вопрос вот уже третий год не дает покоя Руперту — автору проекта «СССР».

— Места могут быть совершенно неожиданными,— говорит он и, склонившись над подробной картой СССР, указывает на районы БЕЛОРУССИИ, УКРАИНЫ, ПОДМОСКОВЬЯ (Щелково, Внуково), ВОЛГОГРАДА, Юга РОССИИ, КАВКАЗА, ВОЛОГДЫ (аэродром «Сокол»), ПРИБАЛТИКИ...

В штаб по розыску военных самолетов превратилась его крохотная холостяцкая комната, заваленная старыми фотоснимками, подробными картами, атласами с отмеченными на них координатами бывших военных аэродромов — местами вероятного нахождения разыскиваемых самолетов. Ведь далеко не каждый самолет канул в болото или затерялся в лесу. Вполне вероятно, что часть из них (в результате серьезной поломки) и по сей день стоит где-то в стороне от взлетной полосы, заросшей кустарником. Иными словами, их можно найти везде, где оставила след война.

— Их можно обнаружить и под Архангельском, и под Мурманском,— подсказывает ветеран битвы за Англию военный летчик Хоу, который в 1941 году защищал нашу страну, за что наряду с другими англичанами и был награжден орденом Ленина.— Причем вполне вероятно, что, будучи в разборном состоянии, они случайно остались в ящиках, в которых переправляли самолеты морским путем из Англии на Север СССР и через Сибирь из США. Что же касается поисков, то уверен в одном: без помощи читателей «Огонька» они не увенчаются успехом...

С ветераном нельзя не согласиться. Впрочем, в расчете на читателей и писалась данная статья. Без их откликов с подробным указанием места нахождения самолетов результаты будут сведены к нулю. Причем разыскиваются не только целые самолеты. Реставраторам нужны и отдельные их части...

— Думаю, специалисты из Министерства обороны СССР тоже не останутся в стороне,— в надежде на успех сказал мне в беседе Генеральный директор имперского Военного музея доктор Алан Борг, одобривший эту благородную акцию,— и наряду со Всесоюзным советом ветеранов войны окажут нам помощь в поисках. Очень на это надеюсь...

Надеется и «Огонек». Да и не только он. Вот строки из письма премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер инициаторам проекта «СССР».

«Я рада поддержать этот проект,— пишет Маргарет Тэтчер.— Надеюсь, что Советские власти окажут содействие в этом деле — тем более что советская ассоциация ветеранов войны тоже получит часть доходов от этой продажи...»

Итак, все — за проект «СССР». Казалось бы, трудно найти человека, который отказал бы в помощи ветеранам, инвалидам войны. И все-таки, когда писал эту статью, беспокоило одно — не увязла бы благородная идея Руперта в чреве нашей бюрократической системы. Ведь в случае удачных поисков непременно встанет вопрос переправки самолетов в Великобританию. И тут я не могу быть совершенно уверенным, что на одной из стадий не встанет на пути некий «принципиальный» чиновник, а то и целое скучающее ведомство. Очень хотелось бы надеяться, что я ошибаюсь. Время не ждет, неотвратимо редеют ряды наших ветеранов, которые ждут от нас с вами не одних только речей, громко произносимых с высоких трибун...

Лондон — Москва

ЦВЕТНОЙ ЯПОНСКИЙ ТЕЛЕВИЗОР И ВИДЕОМАГНИТОФОН будут вручены за *каждый* найденный самолет тому, кто *первым* сообщит в редакцию о точном его местонахождении. Вручение призов состоится сразу же после отправки самолета в Лондон. Просьба письма или телеграммы присылать в «Огонек» с пометкой «Проект «СССР», М. Корчагину.

ПЯДЬ ЗЕМЛИ И ВОЕННАЯ ТАЙНА

Георгий ЕЛИН

У нашей армии имеются в изобилии не только танки, самолеты и ракеты, но и своя живопись и скульптура, своя музыка и хореография, собственный театр и кино... Как ощущают себя музы в объятиях Марса? Автор знает это не понаслышке — несколько лет проработал на Киностудии Министерства обороны СССР художником в цехе мультипликации.

В начале любой истории — почти всегда миф, легенда, а то и просто анекдот.

Официальная история интересующего нас военного объекта, очевидно, должна исчисляться от 16 мая 1957 года — с появления на свет акта Моссовета № 185 (перерегистрированного в 1969 году) о передаче Министерству обороны восьми с лишним гектаров земли целевым назначением под киностудию. Однако у нас быстро родятся разве что котята да постановления. И еще с десяток лет киностудия, вроде бы уже и получившая право на полноценную столичную жизнь, ютилась на министерских этажах в городе на Неве, пока...

...В середине 60-х, как следует из легенды, Киностудия МО с честью выполнила ответственное задание маршала: сняла в цвете и музыкально озвучила (про видео в те посткукурузные годы еще и слыхом не слыхали) выпускной школьный бал маршальской внучки, и будто бы растроганный дед порадел исполнителям, после чего воинская часть, временно пребывавшая на территории будущей студии, снялась наконец с места; освободившиеся сараи, казарма и столовая были кое-как приспособлены под киношные нужды, и энное число ленинградцев, в основном с погонами, стали наконец москвичами, вселились в два новых дома из палевого кирпича возле проходной.

Байка, конечно, но вполне в духе времени и армейских порядков, по которым приказы не обсуждаются и желание старшего по званию — закон для подчиненных.

Вероятно, даже мало-мальски достоверная история Киностудии МО СССР никогда не будет написана. Потому хотя бы, что для каждого, кто переступил порог этого военного объекта, законом становилась Инструкция, где сурово оговаривались условия жизнедеятельности и поведения на режимном предприятии, и еще — Подписка о неразглашении, после которой ты днем и ночью обязан помнить, что враг не дремлет, и ведение секретных переговоров по телефону запрещается, и что о каждом случайном контакте с иностранцем немедленно обязан поставить в известность компетентные органы, и сам не должен на пушечный выстрел приближаться к зарубежным посольствам и консульствам, а если кто-то вдруг поинтересуется, где работаешь,— разумнее всего ответить: в одной конторе...

Большинство работников «конторы» — люди творческие и сугубо гражданские, как и на любой киностудии. Лишь начальство поголовно носило погоны с одной — тремя большими звездами, и в языкастом околокинематографическом мире руководство наше именовалось не иначе как «хунта полковников». Видели мы своих полковников, как и положено рядовым, нечасто — на торжественных собраниях да отчетных партхозконференциях; теснее других с так называемой творческой интеллигенцией контактировал зам. начальника киностудии по идейно-политической работе, в просторечии — замполит, отдававшийся своему делу с невероятным рвением и пылом.

Был замполит — слуга царю, отец солдатам — абсолютно без затей, прост и доходчив, как «Правда», а по характеру — родной брат деда Щукаря. Доныне благодарен ему за преподанные уроки — особенно теперь, в «Огоньке», пригодились, когда приходится отвечать на негодующие письма читателей, большей частью офицеров-отставников, возмущенных «непечатными» словами, вычитанными в нашем журнале.

...Идешь — восемнадцатилетний вольнонаемный салага, портянок не нюхавший,— по студийному двору, разминая пальцами сигаретку в предвкушении первой затяжки, а навстречу от проходной — замполит, и в пятьдесят подтянутый, в летной форме со значком «ВГИК» между дюжиной других, где и «Почетный донор», и «10 прыжков с парашютом». Невольно живот подбираешь, откозырять готов, да помнишь отеческое: «К пустой голове руку не прикладывают!» А замполит уже улыбается, журит душевно: «Что же ты, сынок, на военном объекте курить собрался?» Оправдываешься, краснея: «Готовлюсь только, вот за ворота выйду, тогда...» Помягчал замполит и — с ленинским прищуром: «А когда в сортир идешь, что, тоже за сто метров вытаскиваешь?» Спасибо за науку, товарищ замполит, двадцать лет минуло, а помню.

До сих пор не забыты — в ушах застряли — отточенные до афористичности замполитовы формулировки, вполне достойные макашовской (см. «Огонек» № 29 за этот год) «Науки побеждать», годящиеся не только в бою с идеологическим врагом, но и для широкого употребления в повседневной штатской жизни:

«На Западе продолжает галопировать инфляция и безработица, массовые киноэкраны захлестнула волна секса и стриптизма».

Или:

«Сегодня, сынок, носишь американские дерюжные порты, завтра застанут за фарцеванием, а там, глядишь, и понесли тебя мутные волны богемы».

Тогда, в начале 70-х, замполиту противостоять «мутным волнам» приходилось часто: «диссида́» шевелилась — тут голову поднимет, там хвост задерет. Для профилактики мозгов студийной «богемы» — режиссеров, операторов, художников (осветителей, звукоинженеров и другой техперсонал не дергали) — замполит, не полагаясь на свои силы, вызывал тяжелую артиллерию — полковника с зелеными лычками и папкой документов (копий? оригиналов?). Уж тот вещал без экивоков:

«...Возьмем так называемых «подписантов», выступающих в защиту Солженицына. Кто же среди них? Плисецкие, Евтушенки, Ростроповичи... И — ни одного шахтера, слесаря, дворника... А взять этих «подписантов» в отдельности, Евтушенко, скажем. В августе 68-го года этот пьяный мерзавец вывалился из ялтинского ресторана, кое-как добрался до почты и дал телеграмму с требованием вывести наши войска из Чехословакии. Понятно, что телеграмма дальше нас не пошла...— Брезгливыми пальцами, за уголок, демонстрация четвертушки бумажного листочка (копия? оригинал?).—...но каков деятель, а?.. А в Венгрии с чего началось? Перестали уважать военных...» И т. д.— в том же духе, мои прежние сослуживцы наверняка помнят.

Жутко было, только хохмами и спасались. Идя в приказном порядке на очередную промывку мозгов, рисуешь на опущенных веках мульткраской открытые глаза, забиваешься на последний ряд и дремлешь, пока замполит не крикнет через зал: «Ты что, никак, спишь там? Не моргнул ни разу...»

Все на студии было — как в образцовой воинской части — по шаблону: наглядная агитация, съедавшая все лимиты алой масляной краски (особая забота замполита), и армейский порядок (стройбат всегда под рукой), и цветочное каре возле бюста Ильича... Бюста, правда, на студии долго не воздвигали — денег не хватало, а стройбату столь тонкое дело не поручишь. Замполит наш этот факт сильно переживал: «Даже в соседнем дворе статуэт вождя стоит, гипсо́вый, в шесть метров!..— Точно, мы над забором верхнюю часть «статуэта» видели.— ... А у нас? Ведь это политический момент!..» Приставал к моему режиссеру, прознав, что у него брат — скульптор, увенчанный государственными премиями: «Поговорил бы с брательником, пусть для нас статуэт вырубит, гранит мы найдем. Заплатить, конечно, не сможем, но хоть на год, пока ваяет, помре́жем оформим, проведем по штату...» А в итоге проявил смекалку — лично притащил бюст из папье-маше, с ярлычком «Для кабинетного использования», но издали смотревшийся вполне убедительно. Правда, перед тем как впаяли его на постамент и приклеили суперцементом, одолевали нас сомнения: «Размокнет ведь быстро, товарищ замполит. Полый же внутри!» — «Не успеет, мы его красить будем...»

И красили. В зависимости от погоды или намечавшихся фактов шелушения. В 70-й бы год Президентский Указ на предмет вандализма и глумления над памятниками, когда замполит сочинял в АХО заказ-наряд на два кэгэ масляной краски (в скобках: зеленой) для подновления бюста. «Товарищ замполит, а почему зеленая?» — «А чем не нравится? Хороший защитный цвет.

И на патину похоже».— «Не поймут».— «Думаешь?.. Ну, тогда под слоновую кость заделаем...»

И заделывали — «под слоновую кость» — широченным флейцем, абы как, лишь бы не промокал. До тех пор, пока — за год-два — бюст полностью не утратил портретное сходство. Люди со стороны гадали: «Почему у вас напротив главного корпуса Хо Ши Мин стоит?» (краска стекала по бороде, слепила ее с галстуком). И в Ленинский коммунистический субботник 72-го года замполит дал мне ответственное задание: ободрать старую краску, после чего сызнова покрасить. Выполнил: не только ободрал и зашкурил, но и придал относительное сходство с оригиналом, что получилось не без труда — вода внутрь все-таки проникала, бюст был мягкий, сляклый. Принимая работу, замполит решил внести посильную лепту — вскарабкался на стремянку, стал подравнивать макушку, сетуя: «Эх, голова-то у него пустая!» — и, потеряв равновесие на стремянке, цепляясь за бюст, оторвал ухо с краем глаза. На глазах коллектива. Пытаясь приладить фрагмент на место, продавил внутрь...

Теперь на студии бюст вождя другой — добротный, на любую погоду, хотя тоже не шедевр. Зато красить не надо. Замполит был бы доволен: «Порядок!»

Порядок и военную тайну на киностудии свято блюдет ВОХР — суровые тетки и сухопарые старики в перетянутых ремнями шинелях и при «Макарове», который всегда готов вынырнуть из кобуры, при малейшем неуставном действе «богемы» извне и снаружи. Явственно вижу затуманенным воспоминаниями взором передовицу начальника внутренней охраны в стенгазете «Вохровец» — поздравление вверенного под его начало коллектива с Международным женским днем 8 Марта: «Великий Октябрь дал советской женщине много прав и обязанностей, и главное среди них — право с оружием в руках защищать социалистическую собственность...» И славные женщины-стрелки бдительно оправдывали оказанную им честь — нет-нет да и раздавалась над студией пальба, убеждающая каждого, что ВОХР не дремлет. Чаще — зимой, когда глухой забор киностудии становился вдвое ниже благодаря сугробам и так соблазнительно было спрямить в холодрыгу путь от метро до корпуса, минуя проходную. На это отваживался не всякий, но если сорвиголова находился и был задержан, его имя узнавали все — из приказа, который вывешивался тут же на проходной, возле вертушки:

«...режиссер тов. С-н осуществил попытку проникнуть на территорию посредством перелезания через забор, но его действия были оперативно пресечены стрелком ВОХР тов. П-вой с применением оружия. На основании сказанного приказываю:

1. Просить начальника киностудии тов. Г-ва объявить строгий выговор тов. С-ну за нарушение режима.

2. За проявленную бдительность при охране территории стрелку тов. П-вой объявить благодарность и отметить премией в размере 10 р.

3. Списать со счета три боевых патрона системы «Макарова»...

Гордость начальника ВОХР, уверявшего, что мимо его постов и комар незамеченным не пролетит, не убавилась и после того, как оставшиеся неизвестными шутники выволокли за ворота студии полуторатонный операторский мультстанок,— откантовали тут же в сугроб, и несколько месяцев торчал он из-под снега, никого особо не волнуя, поскольку военной тайны собой не представлял.

Собственная причастность к военной тайне — это право входа в Первый отдел, где ты получал под расписку в специальном журнале некий документ. И личная ячейка в сейфе, куда предстояло этот документ запирать, опечатывая пластилиновой пломбой всякий раз, если выходил из комнаты даже на минуту. И регулярные проверки на сохранность и бдительность. И постоянное напоминание, что после увольнения со студии 10 лет никуда не поедешь, даже в «шестнадцатую республику» — Болгарию. И засекреченные консультанты, чьи фамилии тебе знать не полагалось, сплошь Иван Иванычи или Николай Николаичи, которые почему-то не всегда отзывались, окликнутые по имени-отчеству. И — главное! — фильмы, которые ты же и делал, часто не имея права посмотреть их в готовом виде на демонстрации в спецкинозале, лишь фрагменты, прошедшие через твои руки.

О, как хотелось хоть одним глазком увидеть эти славные киноролики, о содержании коих мог догадываться исключительно по текстам титров! Рабочее название — вполне афишное, открытое, чтобы враг не догадался,— «Джинн и 10 заповедей», за ним, после грифа «Сов. секретно», подлинное — «10 способов убийства человека без помощи оружия». Прости, Первый отдел, болтуна, находку для шпиона! — двадцать лет прошло, и все копии той эпохальной киноленты наверняка засмотрены нашими десантниками до дыр.

Не посмотришь, увы, и свой фильм — игровой и вполне открытый, где снялся в роли солдата-недотепы, делающего все не так, как предписано Уставом, из-за чего герой попадал в идиотские, швейковские ситуации. Цепкий профессиональный взгляд режиссера безошибочно выхватил в коридорной толчее болтуна-«белобилетника», который в солдатской форме выглядел бы обычным мешком с отрубями...

Снимались на студии и фильмы, достойные широкого экрана и на него иногда выходившие. «20 минут о хоккее» — пронзительная короткометражка Александра Берлина о команде ЦСКА, о тренере Тарасове и звезде-голкипере Третьяке. До сих пор остающийся в прокате «Поздний восход» Вячеслава Орехова — о художнике-примитивисте из подмосковного Пушкина, русском Пиросмани, который только на седьмом десятке взял в руки акварель, на обоях оставил потрясающую живописную летопись своей жизни... Многие режиссеры, операторы, художники ушли с киностудии МО в большое кино, продуктивно работают на киностудиях страны.

А считал ли кто-нибудь, сколько талантов загублено на киностудии — так и не раскрылись, замордованы в именуемые теперь застойными годы солдафонскими «рекомендациями», мелочными некомпетентными придирками, убийственными для творческого человека требованиями: вырезать, переснять, отправить на смыв... Люди гибли на студии и в переносном, и в самом прямом смысле, как оператор Виктор Бродинов, сраженный осколком на втором дубле съемки взрыва гребного корабельного винта...

Вдохновение, творческий поиск, мастерство — не из армейского словаря. Военным всегда был милей и привычней иной подход к делу: «Задача ясна? Выполняйте!» И выполняли. Как-то маршал был на маневрах в Польше, и в день их окончания хозяева показали гостям фильм о прошедших учениях. Маршал оказался задет за живое: «И мы так можем!» Без разницы, что войсковые учения братьев по оружию проводились летом, а наши — в одну из самых суровых зим, что вся Польша — «два на полтора», а от площадки отечественных маневров до столичных Кузьминок — больше тысячи кэмэ, и в нелетную погоду отснятую на Двине киноплёнку до цеха проявки никаким волшебным ковром-самолетом не доставишь,— «Задача ясна? Выполняйте!». Выполнили, круглосуточно надрываясь две недели, сорвав график выпуска всех других фильмов, сделали «на пять», приезжая домой утром, чтобы, кое-как подремав час-два, снова нестись на работу, подгоняемые самым популярным в армии стимулом — щедродушевным «Благодарю за службу!».

Да, благодарили. В 72-м тряхнуло киностудию первое мощное сокращение штата, под которое и автор этих строк попал — за длинный язык и несочетаемость с цветом хаки. Впрочем, и верных служак не шибко ценили: тогда же спустя два месяца отправили в отставку замполита — после статьи «Как хочу, так и ворочу», опубликованной в «Красной звезде». А весной 90-го оперативно проводили на пенсию очередного начальника киностудии, при котором «контора» окончательно разболталась — возжелала независимости, взяла курс на первую модель хозрасчета. Но за свободу можно бороться лишь там, где она есть, а нормально разговаривать с высоким армейским чином — если только ты стоишь по стойке «смирно!» и вещает он один. Ведомство своеволия не принимает, точно зная: сегодня коллектив отменяет привычный армейский ранжир и покушается на бесценную пядь земли, завтра за воротами окажутся замполиты и стрелки ВОХР, а там, глядишь, мутные волны богемы снесут с постамента картонный бюст...

История повторяется, и формула «как хочу, так и ворочу» вновь становится актуальной: сегодня уже 500 работников киностудии готовятся к тому, что их вот-вот выкинут на улицу. Может быть, с традиционным присловьем «Благодарю за службу!», но, уже точно известно, с двухнедельным выходным пособием.

Завертелось все с того, что отечественный Пентагон вдруг решил передислоцировать киностудию из столицы в Подмосковье — выжить с занимаемой территории, имея на эту пядь земли определенные виды. Всё в рамках трудового законодательства: 18 сентября МО уведомило своих киношников, что им в двухмесячный срок предстоит освободить от себя и техники помещения, перебраться в загородный филиал студии, рассчитать тех, кто не захочет ездить на работу в Болшево, а здесь будет... А вот что будет на этом месте, в жилом массиве рядом с метро «Рязанский проспект»,— ВОЕННАЯ ТАЙНА. Впрочем, существует ряд убедительных версий. Официальная: в новых площадях остро нуждается ведомственная поликлиника (согласимся: армия наша давно и глубоко больна). Расхожая бытовая: намеревается военное министерство застроить удобный кусочек города (у нового Моссовета дефицитной сейчас землей не очень-то разживешься) жилыми домами для армейских «шишек», валом повалящих в скором времени из стран увядающего Варшавского Договора. Обсуждать эти версии не берусь, тем более что, как читатель уже догадался, механизм происходящего примитивен: воинственная директива Д-49 от 15.09.1990 г. (о передислокации) вылупилась в Министерстве обороны ровно через десять дней после того, как трудовой коллектив киностудии общим собранием принял решение о переходе на экономическую самостоятельность.

Это уже не легенда, не миф, а если и анекдот, то — скверный.

И сменяются день и ночь возле студийной проходной пикеты — вольнонаемные пытаются помешать вывозу дорогостоящего оборудования, давно уже оплаченного их трудом, а теперь обреченного на уничтожение. И принимаются обращения к Рыжкову и Горбачеву, Ельцину и Попову — коллектив студии просит отдать ему в аренду рентабельное предприятие, готов и может снимать хорошие кинофильмы для всех, в том числе и для военных, хочет жить своим трудом и приносить немалую прибыль государству.

25 октября коллектив киностудии МО СССР пошел на крайнюю меру — объявил забастовку.

18 ноября — последний день существования киностудии.

Последний?

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Смех сквозь слезы — так бы я расценил публикацию Ю. Мухина «Голос снизу: можно и без шока» («Огонек» № 40). Здесь приведен почти весь набор негативов действующего не в пользу, а во вред хозяйственного механизма. Правда, отдельные утверждения автора могут вызвать и возражения. Так, Ю. Мухин предлагает (законом или указом?) всем производителям назначить их потребителей. Неясно одно: как это в масштабах страны сделать? И каким образом избавиться от всего аппарата управления экономикой? А это как раз те проблемы, выхода из которых не находит ни Верховный Совет, ни Президент страны.

В целом же автор абсолютно прав. Хочу добавить к этому следующее. Как это ни покажется странным, но введенные в стране законы практически исключают заинтересованность и эффективность работы промышленных предприятий и их коллективов.

Вряд ли нужно повторять об огромном вреде действующей до 1 января системы налогообложения на прирост фонда оплаты труда. А введение так называемого ограничения рентабельности «верхним пределом», после которого следует «сверхдифференцированная» шкала отчислений в бюджет, ставит предприятие в тупиковое положение.

Мне как директору, работающему в этой должности более двадцати лет, депутату Верховного Совета Башкирской республики 9-го созыва, члену постоянной комиссии по промышленности Верховного Совета РСФСР 10-го и 11-го созывов совершенно непонятно, как могло правительство пойти на такое решение. Нам трудно даже представить, что это сделано не во вред. Скорей всего правительство решило «подстраховаться» от возможного необоснованного завышения цен.

То, что тупиковая ситуация возникает из-за ограничения уровня рентабельности, можно проследить на примере нашего завода. С учетом предельного уровня рентабельности, приняв индекс прироста цен по производству метизов 1,2, мы произвели расчеты всех видов затрат и доходов на годовой объем выпуска продукции 185 миллионов рублей и убедились, что входим в 1991 год, год перехода на рыночную экономику, с дефицитом прибыли в 20 миллионов рублей. Но когда были сделаны расчеты потребности затрат на весь комплекс — жилищное и социальное развитие, строительство в подсобном хозяйстве и т. д., то увидели, что оборудование дорожает вдвое-втрое, материалы — в полтора раза, закупочные цены на мясокомбинатах на 1 килограмм живого веса — более 5 рублей. Возросли закупочные цены на зерно, картофель, овощи. В результате дефицит прибыли завода на 1991 год еще больше увеличился.

И еще об одном противоречии. Уже несколько лет нам твердят об упрощении отчетности и экономии за счет сокращения людей в ведомствах, занимающихся проверками. Однако на деле количество различных видов справок, официальных и полуофициальных отчетов и проверок возросло.

Соглашаясь с серьезной озабоченностью Ю. Мухина, что в рыночную систему мы входим с неполным пакетом поспешно принятых законов, я считаю, что наши союзные и республиканские парламентарии должны широко использовать не только науку, но и опыт хозяйственных руководителей.

М. АМИРОВ,
директор Белебеевского завода по производству нормализованных и крепежных деталей
Башкирская республика

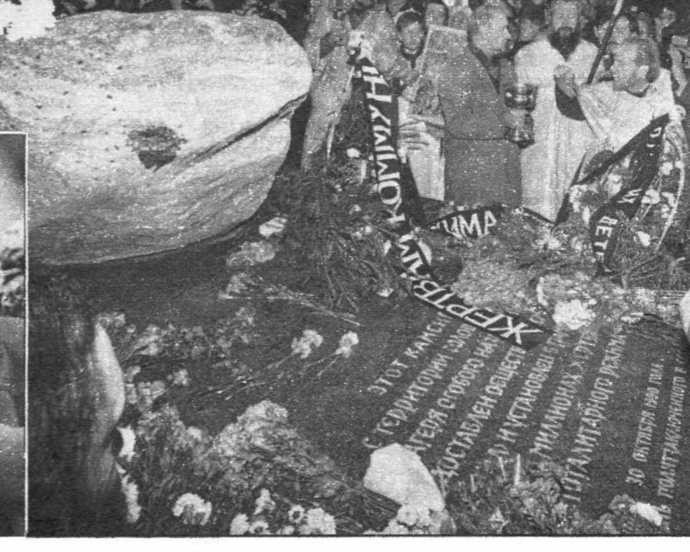
Метроном

СОБЫТИЕ

КАМЕНЬ УСТАНОВЛЕН

Проделав долгий путь из Соловецкого монастыря в Москву, он заложен в центре города на бывшей Лубянской площади. К нему возложены цветы. Отслужена панихида по убиенным. Отныне соловецкий валун будет лежать здесь и многотонным взором своим устремляться в окна Большого дома.

Он мал в сравнении с громадой нависшего над ним гранитного здания.

Им будет о чем шептаться в советской ночи, этим старым камням. И не одни лишь исторические сюжеты станут они рассказывать друг другу.

Тот, что из Соловков, еженощно будет напоминать о миллионах, погибших давно. Камень Лубянки ответит, что погибли они не напрасно, поскольку многие реабилитированы, смерть их отменена после смерти. Но едва зайдет речь о тысячах «диссидентов», репрессированных в недавние годы,— умолкнет московский гранит. Потому что почти все эти люди лишь помилованы, то есть унижены еще сильнее, чем в те дни, когда им выносились беззаконные приговоры. Доброе имя их все еще под угрозой.

Да и камень этот, первый памятник узникам ГУЛАГа, разве «законно» лежит он на площади Первочекиста? В газетах пишут, что «акцию» осуществил «Мемориал» — всесоюзное общество памяти жертв репрессий. Нет такого общества! Во всяком случае, нигде не зарегистрировано оно, и крыши над головой нет у мемориальцев. И все их заявления, и просьбы, и напоминания о себе — под лежачим камнем.

Илья МИЛЬШТЕЙН
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

САРКОФАГ ДЛЯ ВЫМЕНИ

Закончилась эпопея с радиоактивным мясом, 122 тонны которого были завезены на Псковский мясокомбинат из Белоруссии.

Областная молодежная газета предала этот факт огласке. Эстафету подхватили ленинградская программа «600 секунд» и «Комсомольская правда». В результате вмешательства прессы и депутатов облсовета облисполком постановил уничтожить остатки радиоактивного мяса, захоронив их в специальном саркофаге.

Это постановление было принято весной, но осуществить его до сих пор не удалось: против него выступили жители поселка Елизарово, где должен был располагаться могильник.

Но эпопея с радиоактивным мясом все же завершилась. Дирекция Псковского мясокомбината нашла простое и оригинальное решение: остатки радиоактивного мяса, которые не успели съесть псковичи и ленинградцы в виде вареной колбасы, были переработаны в мясокостную муку и проданы на одну из звероферм Псковского района. Говорят, что норкам радиация не повредит.

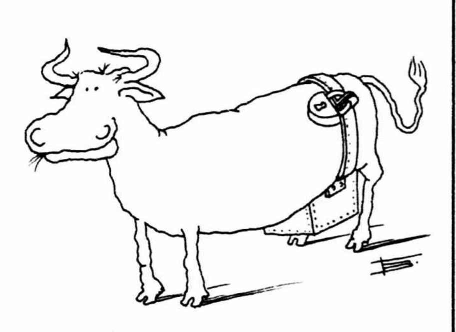

Рисунок Вадима ГОРЮНОВА.

ПОЗВОЛЬТЕ НЕ ПОЗВОЛИТЬ

Четыре «Огонька» назад агентство «Северо-Запад» информировало о сенсации: председатель комиссии по внешнеэкономическим связям Ленсовета В. С. Ягья остановил подписанное А. А. Собчаком и председателем «Джасода групп оф компаниз» Ч. К. Шахом соглашение, «предоставлявшее последнему исключительное право по организации свободной экономической зоны и свободного порта» (цитирую агентство).

Ау, бдительный чекист-коммунист, тормознувший АНТовские танки на пути к стране, имя которой до сих пор неизвестно; ау, подвиг твой бессмертен — его, если верить «Северо-Западу», повторяют в Ленсовете.

Беда в том, что верить «Северо-Западу» нельзя. Вот факты.

В июле сего года председателем Ленинградского Совета, с одной стороны, и председателем британской «Джасоды» — с другой подписывается рабочее соглашение, позволяющее Ленинграду строить элементы свободной экономической зоны. Конкретно: инвестиционный банк с начальным капиталом не менее 100 000 000 долларов; школу менеджеров; бизнес-центр и детский банк с сетью магазинов для подростков. Замечательный проект. Согласно ему, «Джасода» платила за все, Ленсовет же предоставлял землю и здания, за ремонт и обустройство которых платила опять же «Джасода».

Этот проект если и выглядел чуточку авантюристично, то потому, что зримо воплощал нашу пословицу о гроше и алтыне: вопреки вековой мудрости мы настолько смирились с потерей последних грошей, как вдруг... Во всяком случае, соответствующая комиссия Ленсовета под председательством В. С. Ягьи подписанное соглашение прочитала и — вопреки утверждению информационного агентства — одобрила, тому есть протокол. Тем более рабочее соглашение — это ведь только предварительное определение намерений, не имеющее юридической силы, а не контракт.

Увы, случилось малоприятное. Привлекая к инвестированию проекта «китов» мирового бизнеса (это обычная мировая практика), г-н Шах в саморекламе приписал себе получение прав, которых никто ему не давал: права «Джасоды» по выбору инвеститоров и контроля за уже действующими совместными предприятиями, исключительного права по организации зоны и порта... (дальше можно цитировать что г-на Шаха, что «Северо-Запад»). «Киты» обратились за подтверждением в Ленсовет. «Джасоде» было предложено незамедлительно объясниться. Г-н Шах срочно прибыл в Ленинград, где пытался объяснить сдвиг по смыслу в переводе с английского на русский, но отсутствие притязаний на монопольное управление Ленинградом признал протокольно. И, поскольку такие накладки сотрудничеству никак не способствуют, соглашение так и не переросло в контракт, и мы остались при своих интересах, хотя и по разную сторону морей.

Теперь резюме. Мне кажется, у нас в крови разлито ощущение своей сверхзначимости: мол, это мы должны диктовать Западу свои условия, имея дела не меньше как с Рокфеллером — Хаммером, заранее зажимая в кулаке львиную долю. возможной прибыли. Увы, мы мало что можем предложить своим партнерам: мы — с развальнными экономическими связями и недостроенной инфраструктурой, мы — с не владеющим английским языком населением, мы — с развращенными трудоспособными мужчинами, не способными без государства найти способ прокормить собственную семью. И пока, увы, это так, мы должны быть готовы к тому, что на сотрудничестве с Востоком и Западом будем набивать себе шишки. Об этом следует помнить, чтобы превращать боль в опыт, а не в политический скандальчик, которых, к сожалению, и без того хватает.

Так?

Дмитрий ГУБИН,
собкор
«Огонька»

ПАРТИЙНЫЙ СЕКРЕТАРЬ НА СОДЕРЖАНИИ

Хозяйственник-диссидент времен застоя директор ярославского совхоза Дмитрий Стародубцев, брат Василия Стародубцева, в ответ на решение райкома партии ликвидировать в хозяйстве платную должность секретаря партийной организации вызвался финансировать ее из средств совхоза. В 70-е годы Стародубцев одним из первых в стране стал внедрять в сельское хозяйство элементы рыночной экономики и поплатился за это: был исключен из КПСС, лишен всех орденов и осужден.

Дмитрий и Василий Стародубцевы — непреклонные сторонники колхозов и совхозов. Дмитрий, народный депутат СССР, до сих пор не реабилитирован и не восстановлен в КПСС. Несмотря на это, он заявил: «КПСС — единственная сила, способная вывести страну из кризиса, и я всячески буду поддерживать ее».

Павел НИКИТИН,
собкор «Огонька»

•

ХРОНИКА

Впервые за годы Советской власти группу детей-сирот из Львовского детского дома окрестили священники греко-католической церкви. Инициаторами этой акции стали члены местного общества «Девы Марии». Сопредседатель общества Стефания Шабатура сказала, что без содействия местных властей это таинство не удалось бы совершить.

«Интерфакс»

Николай КОРЕНЮК,
кандидат исторических наук

ТРУДНО ЖИТЬ С МИФАМИ

Генерал Власов и Русская освободительная армия

Конец 30-х годов. Громкие процессы над «врагами народа»: «шпионами», «диверсантами», «агентами иностранных разведок», «предателями»... Казалось бы, после отгремевшей грозы приговоров и смертных казней в живых остались лишь стойкие патриоты. Но началась война, и вскоре на службе у врага оказались тысячи советских людей, надевших мундиры фашистской армии. Не будем спорить о цифрах, задумаемся над вопросом: как это могло произойти?

Бытует мнение, что пошли, мол, за булку белого хлеба, махорку да теплую постель, спасая свою шкуру. Что ж, возможно. Но только ли за это? Россия ведь еще не знала такого массового предательства — солдат, офицеров, генералов. В русско-японскую и первую мировую не было ничего подобного. Однако не знала Россия и власти более бесчеловечной и коварной, чем власть Сталина. Приходится лишь удивляться, как еще ей, несмотря на все кровавые преступления, удалось устоять, укрепиться и остаться в памяти народа спасителем Отечества и мира всего. «Ничего удивительного. Мы верили в Советскую власть, в социализм, в Сталина. Предатели? Так в семье не без урода»,— предвижу возмущение людей старшего поколения, которых ни в какой мере не хочу обидеть. И все-таки осмелюсь возразить: заставили поверить. А насчет уродов — не много ли?..

Нет, не в оправдание изменивших Родине это говорится. Что свято, то свято, к тому же сталины приходят и уходят, а Родина остается. Речь о другом — о правде, такой, какая она есть. Горькой правде. Споря о Русской освободительной армии (РОА), попробуем разобраться.

«Отъявленный негодяй и предатель, прожженный изменник, немецкий шпион — вот кто такой Власов. Смерть презренному предателю Власову — подлому шпиону и агенту людоеда Гитлера!» — говорилось в одной из листовок, распространяемых Главпуром в 1942—1945 годах. В этой же листовке — всевозможные обвинения: «участвовал в троцкистском заговоре» в 1937—1938-м, вел «тайные переговоры с немцами и японцами о продаже им советских земель», летом 1941 года «сдался под Киевом в плен к немцам, пошел в услужение к немецким фашистам как шпион и провокатор... Его раскаяние оказалось фальшивым... Попав позже на Волховский фронт, гитлеровский шпион Власов завел по заданию немцев части нашей 2-й ударной армии в немецкое окружение, погубил много советских людей, а сам перебежал к своим хозяевам — к немцам». В листовках концы не сходились с концами, но еще важнее то, о чем умалчивали их сочинители: безупречный послужной список «немецкого шпиона».

В 19 лет (1920 год) сын крестьянина и недавний выпускник духовной семинарии — доброволец Красной Армии, в 40 — генерал-лейтенант, два ордена и «предан делу партии Ленина — Сталина» — в характеристиках. А в 1937—1938 годах — военный советник в Китае. С началом войны — на самых трудных участках: летом 41-го командовал 37-й армией и выводил ее из окружения, в декабре возглавил 20-ю армию, которая вела успешные бои под Москвой на Солнечногорском направлении (газета «Известия» за 13 декабря 1941 года поместила фотографии отличившихся генералов — Жукова, Рокоссовского, Говорова и Власова). Сталин уж на что был хитер, но верил Власову и не случайно, когда возникла критическая ситуация на Волховском фронте, поручил ему командование 2-й ударной армией. Как знать, не прими тогда это решение Верховный, и судьба Андрея Андреевича Власова, может, сложилась бы совсем по-другому. Но так получилось, что 2-я ударная попала в окружение и ее командующий 11 июля 1942 года сдался в плен. Почему? Скорее всего Власов испугался за свою жизнь: кто-кто, а он хорошо помнил, как год назад были расстреляны оказавшиеся в такой же ситуации генералы Павлов, Коробков, Климовских и другие.

Или пусти себе пулю в лоб, или пробивайся к своим, чтобы получить пулю от них (незадолго до сдачи в плен Власов получил письмо от жены из Москвы и по одной с виду невинной строчке — «гости были» — догадался о грозящей беде). Ни то ни другое не устраивало молодого генерала, он хотел жить. Но не за колючей проволокой немецкого лагеря. Если ему дадут возможность создать армию из русских военнопленных, перебежчиков, перемещенных и признают русское правительство в изгнании, во главе с ним, конечно,— он готов сотрудничать с вермахтом. Об этом и сообщил Власов командующему 18-й немецкой армией генерал-полковнику Линдеманну, к которому был доставлен после сдачи в плен. Линдеманн отправил Власова по назначению: в особый лагерь «Проминент» под Винницей, где к тому времени уже находились генералы П. Г. Понеделин, М. И. Потапов, М. Ф. Лукин, Д. М. Карбышев, Н. К. Кириллов и другие, а также Яков Джугашвили.

Хоть и разбили его армию немцы, а знал Власов, чувствовал, что дела их плохи: война, несмотря на громкие обещания Гитлера, затянулась и без «пятой колонны» в России, если они не хотят проиграть, им не обойтись. Действительно, недовольство антирусской политикой фюрера было сильно и в вермахте, и в МИДе, и в абвере. Как только не пытались убедить Гитлера смягчить линию — отказаться от пропаганды о «недочеловеках», улучшить положение пленных, оставить в покое гражданское население, не расстреливать политруков и так далее. Ничего не помогало, фюрер упрямо стоял на своем, и всякое упоминание о так называемой «русской освободительной армии» вызывало у него ярость. «Мне не нужна армия, которую придется держать на привязи,— говорил он.— Русские никогда не будут носить оружия!»

Однако за его спиной стали предприниматься настойчивые попытки создания РОА. Особую активность проявило отделение вермахта, занимавшееся идеологическими диверсиями против Красной Армии и вербовкой русских военнопленных и эмигрантов. Под контролем этого отделения, кстати, и находился лагерь «Проминент», где оказался Власов. В ноябре 1941 года сотрудник отделения В. К. Стрик-Стрикфельдт (прибалтийский немец, служил в русской армии в первую мировую, затем у Юденича) разработал план организации русского антикоммунистического движения и русской освободительной армии, а в декабре попытался сформировать «русский освободительный комитет» в Смоленске, но безуспешно.

Далее события развивались так. Декабрь — январь — создана «Русская национальная народная армия» (РННА) — генерал К. Иванов, майор Д. Бочаров; март 1942 года — «Русская освободительная национальная армия» (РОНА) — эмигрант Б. Каминский; чуть позже (точнее: время неизвестно) — «Дружина» — полковник Н. Родионов. Но Стрикфельдт и его непосредственное начальство — полковники Г. Мартин, Х. фон Ведель, капитан Н. фон Гроте, а также покровители из высших военно-политических кругов рассчитывали на большее — на мобилизацию сил против сталинского режима. И их не могло удовлетворить то, что действовавшие в составе немецких подразделений русские «армии» не имели абсолютно никакой самостоятельности, использовались в качестве прикрытия своих германских хозяев на фронте и нисколько не меняли характер войны. Еще 1 января 1942 года Н. фон Гроте получил указание одного из руководителей министерства по оккупированным восточным областям — О. Бройтигэма: «Нужен не политик и не эмигрант, а человек, близкий к советскому руководству... Наиболее подходящая фигура — пленный генерал».

Им и стал Власов.

Почему именно он? Ведь еще раньше на сторону гитлеровцев перешли генералы В. Ф. Малышкин, Д. Е. Закутный, Ф. И. Трухин, И. А. Благовещенский, бригадный комиссар Г. Н. Жиленков. Может, сказалась немецкая педантичность, и выбор пал на старшего по чину; может, были другие соображения. Во всяком случае, уже после первой беседы Стрикфельдта с Власовым стало ясно, что Андрей Андреевич «наиболее подходящая фигура».

«Я согласен воевать против Сталина, но только если мне разрешат создать русскую армию, а не армию наемников,— поставил условие пленный генерал.— Она должна подчиняться русскому национальному правительству...» Он говорил о высокой идее, о борьбе против тирании, о свободах и правах человека, а Стрикфельдт подхватывал его рассуждения, рисовал радужные картины будущего союза Германии и России, ругал Гитлера и откровенно говорил о том, что есть много немецких офицеров и даже генералов и фельдмаршалов (коих не называл), недовольных фюрером. Власов поверил и согласился изложить свои просьбы в обращении к германскому командованию.

3 августа 1942 года обращение — в немецкой редакции — от имени «новой России — без большевиков и капиталистов», которая с помощью своей освободительной армии уничтожит сталинскую тиранию и заключит «почетный мир» с Германией, пошло наверх. Но стоило Гитлеру узнать об этом от фельдмаршала Кейтеля, как он взорвался: «Что в конце концов позволяет себе этот сын мясника! Советовать нам вздумал? Да еще одна такая выходка — пусть пеняет на себя!» Кейтель, хорошо знавший сложную обстановку на Восточном фронте и все больше склонявшийся к необходимости создания РОА, пытался уговорить фюрера, но безрезультатно. Когда капитан Н. фон Гроте через некоторое время предложил Кейтелю вернуться к этой теме, тот отрезал: «Не дело военных вмешиваться в политику».

Однако «вмешательство» продолжалось. Правда, сам Власов, узнав о случившемся, долго не мог прийти в себя. Как же так? Выходит, какие-то капитаны сами, без согласования с высоким начальством принимают такие серьезные решения? И никто их не допрашивает, не объявляет «врагами народа», несмотря на то, что они прогневали вождя? Генералу, вышедшему из сталинской шинели, из «Краткого курса», непросто было все это понять. Он хандрил, просил отправить его в лагерь, но вместо лагеря оказался 17 сентября 1942 года в Берлине, на Викториаштрассе, 10, где и размещался тот самый «русский отдел» вермахта. Здесь уже находился будущий штаб РОА (Малышкин, Жиленков, Трухин, Меандров), а также один из «теоретиков» движения за «новую Россию» — майор М. Ф. Зыков, заместитель главного редактора «Известий» Н. И. Бухарина, отсидевший 1937—1938 годы в одном из сибирских лагерей. «Мы ведь продолжаем традиции декабристов»,— подбадривал Малышкин мрачно настроенного Власова. «Нужно потерпеть, выждать момент, и все пойдет на лад»,— убеждали его фон Гроте и Стрикфельдт. «Ну, что ж, попробуем»,— решил Власов и дал согласие.

Берлин многим удивил его. Тихая, размеренная жизнь, уютные, симпатичные домики, всюду чистота и порядок, полные продуктов магазины. Даже не верилось, что это столица фронтового государства. Однажды Власова привезли на загородную красивую двухэтажную виллу с большим садом. «А кто здесь живет?» — поинтересовался генерал у сопровождавших его немцев. «Лесничий»,— ответили ему. Позднее он признался Стрикфельдту: «Вы победили меня дважды — под Волховом и на той вилле».

На Викториаштрассе, 10, прибывали новые люди: П. Г. Кромиади — грек, бывший офицер царской армии, эмигрант, Ю. С. Жеребков — тоже эмигрант, Сергей Фрёлих — прибалтийский немец, проживший до войны несколько лет в Москве и с июня 41-го состоявший на службе в немецкой армии в звании лейтенанта. Фрёлих сам явился к Стрикфельдту и предложил свои услуги: «У меня в Риге осталась хорошая фирма, и я не знаю, что с ней будет, если мы проиграем войну. Власовское движение — это единственная возможность войну выиграть. Думаю, буду полезен в вашем деле».

Все те, кто решил вступить в РОА, узнавали о Власове прежде всего из листовок. Их в огромных количествах распространяли на оккупированных территориях СССР, сбрасывали с самолетов в тылу у Красной Армии. Листовки постоянно могли читать пленные, перемещенные, жители СССР. Текст был достаточно примитивен и рассчитан, видимо, на полуграмотных мужиков. Вот одна из таких листовок-пропусков на двух страницах: на титуле изображен Власов со знаменем РОА, справа на мешке, возле которого суетятся крысы, сидит Сталин — с трубкой во рту и с гармошкой в руках.

«Власов:
Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Поднимайся на борьбу с жидами,
Наш свободный русский человек!
Сталин:
Последний нонешний денечек
Иду в кремлевский я дворец,
А завтра рано, чуть светочек,
Придет жидам и мне конец!»

Далее следует обращение: «Друзья командиры, красноармейцы и все, кто будет читать листовку! Я в этой листовке расскажу вам правду о нашем движении против иудо-большевистской власти, т. е. что такое РОА. Русская освободительная армия — это передовые русские люди, организовавшиеся естественным путем, вначале маленькими отрядами, из бывших красноармейцев и командиров. Потом нашелся человек — генерал-лейтенант ВЛАСОВ, который объединил эти отряды в одно целое — РОА, и сейчас в ней насчитывается более миллиона человек (явная ложь: до декабря 1944 года у Власова не то что миллиона, роты в подчинении не было.— **Н. К.**).

Бойцы РОА проходят военную подготовку в ротах, а командиры — сокращенный курс военных школ. Уже сейчас на отдельных участках фронта части РОА борются за освобождение России, и недалек тот час, когда русский народ в лице освободительной армии в союзе с германскими и другими народами

Европы разобьет чудовищную машину иудейского большевизма. Вам, наверное, не говорят о нашей РОА, а если и говорят, то как о сброде всяких «врагов народа».

Дорогие друзья! Разве вам неизвестно, что в первые дни войны попали в плен лучшие кадровые части Красной Армии, ее лучшие командиры и бойцы? Так эти вот командиры и бойцы и есть основное ядро РОА, ее организаторы.

Перед РОА стоят задачи: 1. Свержение Сталина и его кагала (жидов).

2. Создание в содружестве с германским и другими народами Европы новой, действительно свободной России, без колхозов и принудительного труда в лагерях НКВД. 3. Восстановление торговли, ремесла, кустарного промысла и предоставление возможности частной инициативы в хозяйственной жизни страны. 4. Гарантия национальной свободы. 5. Обеспечение прожиточного минимума инвалидам войны и их семьям.

Что вам принес советский рай? Сталин говорил: самое ценное — человек, а что же на практике? За дни красного террора, с 1917 по 1923 г., было расстреляно 1 860 000 человек, а за годы голода 1921, 1922, 1932, 1933 и за годы ежовского террора погибло 14 000 000 человек. Отсюда видно, что русский крестьянин и рабочий борются за своих врагов, за своих тюремщиков, за тех, кто отнял у них завоевания славных лет революции.

...Друзья! Переходите на нашу сторону! Этим самым вы поможете всему честному народу, населяющему просторы нашей России, поможете скорейшему окончанию всем ненавистной мясорубки. Меньше останется вдов, сирот и калек, уже сейчас умирающих от голода. Этим мы спасем свою страну от дальнейшего разрушения.

С приветом к вам от Русского комитета и с надеждой, что в скором будущем будем строить новую Россию, без колхозов и жидов.— РОА».

Ниже в рамочке — «Пропуск». В нем написано: «Пропуск действителен для неограниченного числа командиров, бойцов и политработников РККА, переходящих на сторону германских вооруженных сил, их союзников, Русской освободительной армии и украинских, кавказских, казачьих, туркестанских и татарских освободительных отрядов.

Переходить можно и без пропуска: достаточно поднять обе руки и крикнуть: «Сталин капут!» или «Штыки в землю!».

Обойдемся без комментариев и попытаемся представить настроение простого солдата или офицера, прочитавшего такого рода листовку, особенно познавшего на собственной шкуре, что такое коллективизация, голод, сталинский террор, что такое приказ «ни шагу назад» и так далее. Кто-то рвал листовку на части и выбрасывал, кто-то совал в карман, выжидал удобный момент и... В конце 1942 — начале 43-го на Викторияштрассе, 10, стали поступать сведения о желающих вступить в РОА.

Власов, однако, радоваться не спешил, ведь и армия, и комитет — все это пока было мифом, а за обещания рано или поздно пришлось бы платить. В срочном порядке при содействии Стрикфельдта удалось организовать две школы подготовки добровольцев под Берлином — в Дабендорфе и в Вуллькайде. Внешне все выглядело неплохо: курсантов размещали в казармах, одевали в немецкую форму с нашивкой на правом рукаве «РОА», а под ней трехцветный флаг в миниатюре, на фуражке — кокарда царской армии. Регулярно шли занятия по военной и политической подготовке, для чтения лекций приезжали даже представители НТС Зайцев, Артемьев, Стифанев, Жеребков и другие. Под руководством майора Зыкова дважды в неделю стали выходить газеты «Доброволец» тиражом 20 тысяч экземпляров и «Заря» тиражом 100 тысяч.

Власов принимал парады, выступал с лекциями, поздравлял выпускников. Но так и оставался генералом без армии. Как соль на раны, действовала на него концовка текста присяги добровольца-власовца, утвержденного немецкими покровителями: «Перед лицом своих товарищей я торжественно клянусь, что буду честно, до последней капли крови по приказу генерала Власова бороться за счастье своего народа, против большевизма. Эта борьба будет вестись в союзе всех свободолюбивых народов с Германией при верховном командовании Адольфа Гитлера».

Конечно, можно было делать вид, что последняя строчка — это так, для отвода глаз, хитрая тактика. Однако себя-то Власов не мог обманывать, видел прекрасно, что находится в тисках.

Видел, но пытался всеми правдами и неправдами хоть немного раздвинуть тиски. Где обещанная армия? Где обещанное правительство в изгнании? С этими вопросами он постоянно обращался к представителям «русского отдела». В конце концов получил добро на одну рискованную затею: 27 декабря было опубликовано и разослано в виде листовок «Обращение Русского комитета к бойцам и командирам Красной Армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза».

«Большевизм — враг русского народа...— говорилось в нем.— Миллионы русских людей уже заплатили своей жизнью за преступные стремления Сталина к господству над миром, за сверхприбыли англо-американских капиталистов» и так далее плюс 13 пунктов программы (ликвидация колхозов, уничтожение режима террора, частная собственность и т. д.). Были тут и прямо-таки вызывающие строки: «Да здравствует русский народ, равноправный член семьи народов Новой Европы!» (каково это слышать Гитлеру? — **Н. К.**) — и подписи: «Председатель Русского комитета генерал-лейтенант Власов и секретарь Русского комитета генерал-майор Малышкин».

Гитлер в очередной раз устроил нагоняй фельдмаршалу Кейтелю. И опять Кейтель, как мог, оправдывался, а затем дал указание на Викторияштрассе, 10, «сбавить обороты». Но как тут «сбавишь», если после Сталинграда с Власовым решили установить контакт министр пропаганды Геббельс, министр по оккупированным восточным территориям Розенберг, рейхсфюрер СС Гиммлер и другие высокопоставленные лица Германии, все больше склонявшиеся к мысли о спасительной миссии союза немецкой армии и РОА. Вот только одними листовками «берлинского производства» да лекциями в Дабендорфе и Вуллькайде РОА не создашь,— доказывали опекуны Власова,— нужна поездка генерала на оккупированные территории, нужно, чтобы он выступил перед русскими — пленными, гражданскими, чтобы они увидели и услышали живого Власова. К кому конкретно обращались с просьбой разрешить поездку фон Гроте и Стрикфельдт, неизвестно, во всяком случае, в феврале 1943 года ее начали готовить.

Власов написал письмо «Почему я вступил на путь борьбы с большевизмом», напечатанное в газете «Заря» третьего марта 1943 года, а в «Добровольце» — седьмого марта, в котором он объяснил свое решение сотрудничать с немцами.

В письме, в частности, говорилось: «Советская власть не причинила мне никакого личного ущерба. Я принял идеи народной революции, добровольцем вступил в Красную Армию и воевал за то, чтобы крестьяне получили землю, рабочие — лучшую жизнь, а весь русский народ — светлое будущее... Но сейчас я вступил на путь борьбы с большевизмом. Почему?.. Я часто общался с рабочими, крестьянами, интеллигентами и убедился, что ни одна из целей не была достигнута победой большевиков... Тяжелая жизнь рабочих, крестьян загнали в колхозы, миллионы расстрелянных без суда и следствия. В армии и всей стране — шпиономания и доносительство.

С самого начала войны я честно выполнял свой долг солдата и сына Родины, но своими глазами видел нежелание русского народа защищать большевистскую власть и систему, видел безответственные действия командиров, вмешательство комиссаров. Русские сражались самоотверженно, но передо мной всегда вставал вопрос: за что мы проливаем кровь? Для меня стало ясно: большевизм вовлек русский народ в войну, выгодную англо-американским капиталистам. Англия всегда была врагом русского народа, всегда пыталась ослабить нашу страну. Поэтому необходим союз новой России с Германией. В союзе с немецким народом нужно разрушить разделяющую нас стену ненависти и подозрения.

Обдумав все это, я принял решение сдаться в плен. Более шести месяцев являясь пленным, я не только не изменил своих убеждений, но и укрепился в них. С помощью военнопленных и широких масс русского народа завершим народную революцию».

В конце февраля Власов выехал из Берлина и в течение трех недель выступал перед большими аудиториями в Смоленске, Гатчине, Могилеве, Риге, излагая программу «русского освободительного движения». Не обошлось и без крамолы. 24 февраля в лекции, проходившей в Смоленском театре, он бросил дерзкую фразу: «Я не марионетка Гитлера», а в Гатчине самоуверенно, как бы поддразнивая сидящих в зале офицеров вермахта, заявил: «Кончится война, мы освободим себя от большевизма и затем примем немцев как дорогих гостей в Ленинграде, которому впоследствии возвратим его исконное название».

«В Берлин Власов вернулся полный надежд»,— вспоминал С. Фрёлих. Однако фюреру уже успели донести, и он устроил разнос Кейтелю: «Если этот Власов еще хоть раз появится на публике, им займется гестапо». Дабы угроза не была приведена в действие, «русский отдел» поспешил укрыть незадачливого генерала в безопасном месте — в фешенебельном районе Берлина Далеме.

Страсти немного улеглись, но за особняком на Кибицвег, 9, уже установило слежку гестапо. Власов поначалу из дома не выходил, гулял по саду, писал, читал газеты, слушал радио. Противоречивые чувства вызывали у него сообщения о предстоящих событиях на Курской дуге. Кому желать поражения? Кому победу? Победит Гитлер — РОА крышка. Победит Сталин — и тогда Красную Армию уже не остановишь, попробуй воевать с ней, если она пойдет победным маршем по Европе...

Долго размышлять не пришлось. В конце марта — начале апреля к нему зачастили посетители. Энтээсовец Ю. С. Жеребков посоветовал Власову послать кого-нибудь из близких ему людей в Париж для встречи с русскими эмигрантами.

В Париж послали В. Ф. Малышкина. Старая белая эмиграция без особой симпатии отнеслась к нему, так как видела в нем ненадежного человека, дважды совершившего предательство: в апреле 1918 года он убежал из белой армии в Красную (перед войной работал в военной академии, а с 7 июля 1941 года был начштаба 19-й армии; командующий И. С. Конев представил его к званию генерал-майора), а потом согласился сотрудничать с гитлеровцами. Эмигрантам трудно было поверить и другим «перекрасившимся большевикам-власовцам», чью программу «единой и неделимой России» докладывал Малышкин в зале Вагран. И все же контакты появились.

Но разве в них дело? «Армия — вот, что мне нужно,— твердил Власов Стрикфельдту.— Вы, немцы, не верите мне...»

Надо было как-то поднять генералу настроение, и с разрешения фельдмаршала Кейтеля его снова отправили в агитационную поездку на оккупированные территории.

29 апреля Власов прибыл в Ригу. Его хорошо приняли офицеры вермахта, на следующий день он встречался с журналистами, и потом пошли выступления — Псков, Луга, Волосово, Сиверский, Толмачево, Гатчина, Дедовичи. Власов немного пришел в себя, говорил раскованно, хлестко и опять не удержался от дерзкой выходки. В Луге прорвавшейся через полицейский кордон толпе бросил вопрос: «Хотите вы стать рабами немцев?» «Нет!» — дружно прокричали в ответ. «Я тоже так думаю,— сказал Власов.— Но пока германский народ поможет нам. Так же поможет, как в свое время русский народ помог ему в борьбе с Наполеоном».

Терпение Гитлера лопнуло. 8 июня он потребовал от фельдмаршала Кейтеля объяснений. Беседа протекала так.

«**Кейтель:** — Вся пропаганда Власова, которую он, так сказать, сам по себе развил, является базой для нашей широкой пропаганды, известной под названием «Просвет» и предназначенной для перебежчиков. С этой целью были выпущены листовки, которые мы согласовали с рейхсминистром Розенбергом и его министерством. Они были обсуждены дословно, подтверждены и одобрены. И тогда в начале мая эта кампания пошла полным ходом. Когда они перебегают, их особенно хорошо принимают. Это основа приказа 8/139, который распространяется как летучка.

Гитлер: — Я эту летучку видел.

Кейтель: — Приняты меры к тому, чтобы перебежчики помещались в особые лагеря и чтобы к ним было особенно хорошее отношение.

Гитлер: — Это нормально.

Кейтель: — Позже они могут записаться на службу; прежде всего в качестве нормальных рабочих, затем как вольнопомогающие, в-третьих, в известных случаях в национальные части.

Гитлер: — Этого там нет.

Кейтель: — Позже в инструкции это было сказано — спустя известный срок они могут быть переведены. Это объявил генерал, командующий Восточными войсками, я справлялся об этом. Если после определенного периода испытаний они себя оправдают, они смогут заявить о своем желании быть использованными таким образом, и при определенных условиях они допускаются как в число вольнопомогающих, так и в национальные части. Вся эта широкая пропаганда основана на прокламациях, подписанных Национальным русским комитетом. И вот наряду с тем, что мы всегда говорили: вас будут хорошо кормить, к вам будут хорошо относиться, вам дадут работу, вы вернетесь на родину, германский рейх не допустит сохранение большевизма, не позволит отнимать землю у крестьян и тому подобное, наряду с этим там сказано следующее: перебегайте к нам, если перебежите, вступайте в Русскую освободительную армию. Это действительно там сказано.

Гитлер: — Эту листовку следовало бы мне показать.

Кейтель: — Это мы сейчас исправим...»

В тот же день, 8 июня, Гитлер вновь запретил формирование РОА под командованием Власова.

Не изменило позицию фюрера и крупное поражение на Курской дуге. Более того, он даже намеревался разоружить «национальные формирования» — кавказские, туркестанские, украинские, казачью дивизию фон Паннвица, действовавшие на востоке, подозревая их в ненадежности, но затем принял решение об их переброске на запад.

Власов был в отчаянии: все планы и надежды рушились. И вроде бы он видел, как начали вокруг него суетиться высокопоставленные особы, но желаемых результатов не было. Посетившему его полковнику Гелену, в руках которого находился контроль за всеми национальными формированиями на востоке, Власов жаловался: «Я сжег все мосты, связывавшие меня с родиной. Я пожертвовал своей семьей, которая сегодня в лучшем случае находится в лагере, а скорее всего уничтожена. Я не колеблясь выступил с немцами против Сталина. Лично для меня победа или поражение грозят смертью. Этим глупым немцам должно быть ясно, что я отступать не могу. Но, несмотря на это, я чувствую на себе подозрительные взгляды окружающих меня маленьких призраков. Часто я читаю на их лицах вопрос: когда же этот русский убежит к Сталину? Какая глупость!.. Я убежден, что консультации со мной позволили бы провести успешные операции и избежать многих жертв...» «Время не пришло»,— отвечал Гелен. «Ну что ж,— говорил Власов,— тогда сыграем в преферанс».

Так и тянулись дни: преферанс, прием высоких гостей, «задушевные беседы» и водка. Запивали власовцы иногда «по-черному», не просыхая по нескольку дней.

Летом 1944 года положение гитлеровских войск и на востоке, и на западе стало критическим. Красная Армия вступила на территорию Румынии, Чехословакии, Польши и Венгрии; войска США и Англии, высадившиеся 6 июня в Нормандии, вели успешные операции во Франции. И хотя Гитлер в этой обстановке неминуемого поражения так и не изменил свое отношение к власовцам, его ближайшее окружение в спешном порядке, когда уже, по сути-то, было поздно, решилось на создание «русской оппозиции» сталинскому режиму. 20 июня с Власовым согласовали вопрос о его подчинении руководству СС. На 22 июля намечалась встреча Власова с рейхсфюрером СС Гиммлером (это ведь все равно, что встреча с Берией, Власов колебался, но другого выхода не видел), однако покушение на Гитлера 20 июля отсрочило свидание. Оно состоялось только 16 сентября.

«Недочеловеки есть в каждой нации,— начал беседу Гиммлер.— Разница между вами и нами состоит лишь в том, что у вас недочеловеки стоят у власти, а у нас, в Германии, я их всех посадил под замок».

Власов не возражал, главное было добиться своего, не упустить последний шанс. Он называл Гиммлера «самым сильным человеком в Германии», посетовал на «ошибочное представление» немцев о русских, на слишком жесткую позицию германского руководства, которая, по его мнению, способствовала росту русского патриотизма. А потом перешел к главному: разрешите мне сформировать армию из русских военнопленных и рабочих, помогите вооружить их; дайте возможность образовать федеративный комитет... «Господин министр, если бы сейчас я получил в свое распоряжение армию, состоящую их моих соотечественников, я пошел бы с ней на Москву и помог успешно завершить войну. Да я бы мог завершить ее просто по телефону, потому что говорил бы со своими друзьями, сражающимися на другой стороне».

Итог подвел Гиммлер: вот вам две дивизии, чин генерал-полковника, право на формирование комитета плюс ряд условий: борьба с большевизмом — раз, Россия в границах до сентября 1939 года — два, отказ от Крыма — три, казакам — собственное правительство — четыре, нерусским народам — широкая автономия — пять. Все!

Негусто. Но «Власов был горд и очень оживлен. Теперь у него такое же соглашение, как у Черчилля и Сталина»,— вспоминал Стрикфельдт.

14 ноября 1944 года в Праге состоялся учредительный съезд Комитета освобождения народов России (КОНР). В нем приняли участие 500 делегатов от 49 комитетов, представляющих в основном старую и новую эмиграцию, национальные формирования. Ждали присутствия на съезде Гиммлера и приветственной телеграммы Гитлера, но даже в эти «минуты роковые» высшее руководство Германии держало власовцев на дистанции: присутствовали протектор Чехословакии Франк и заместитель Риббентропа Лоренц. Что же касается немецкой цензуры, то она по-прежнему дышала в спину составителям всевозможных заявлений и обращений съезда, в особенности программного документа — «Манифеста Комитета освобождения народов России».

«Соотечественники! Братья и сестры! В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу,— говорилось в нем.— Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных систем...

За что борются в эту войну народы России? За что обречены на неисчислимые жертвы и страдания? Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная Армия перешла границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель ее — еще больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всем мире...»

Возникает вопрос: а Гитлер? Разве он не к тому же стремился? Однако в манифесте на это и намека не могло быть. Зато было такое положение: «КОНР приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной возможностью организовать борьбу против сталинской клики». Власов оправдывался: «Не для того я столько терпел и добился столь многого, чтобы погорячиться и свести на нет все достигнутое».

Споров на съезде вокруг программного документа не было, его приняли единогласно.

Хотя в первую неделю после создания КОНР и поступило 60 тысяч заявлений добровольцев, немцы не давали разрешения на их включение в РОА. Лишь в конце декабря под Мюнзингеном была сформирована первая дивизия РОА под командованием полковника С. Буняченко (600-я русская пехотная дивизия), а в конце января 1945 года под Хойбергом — вторая дивизия под командованием генерал-майора Г. А. Зверева (650-я русская пехотная дивизия). К С. Буняченко попали остатки бригады Б. Каминского, действовавшей в составе 29-й и 30-й дивизий СС, а также шесть сформированных в 1942 году русских батальонов, а к Г. А. Звереву — восемь русских батальонов и частично 30-я дивизия СС. Кроме того, в Хойберге располагались батальон охраны, резервная бригада, офицерская школа, штаб. Власов был назначен главнокомандующим только 28 января 1945 года. 4 февраля к РОА добавили так называемые «воздушные силы» генерал-майора В. И. Мальцева.

Итак, после стольких обещаний, просьб и переговоров было собрано не более 30 тысяч не особенно надежных людей, которые чувствовали приближение конца Германии и не желали воевать на ее стороне, да еще и с Советской Армией. Видели ли Власов и его окружение какой-то выход? Скорее всего лишь в общих чертах: ни в коем случае не сдаваться советским войскам, освободиться, по возможности, от немецкой опеки и перейти на сторону союзников (на любых условиях — как пленные, интернированные или военнослужащие). Последующие события показали, что все эти намерения оказались не более чем иллюзиями.

Полной неудачей закончились, в частности, попытки выйти на посольства США и Великобритании через Международный Красный Крест в Швейцарии.

11 апреля 1945 года первая дивизия С. Буняченко получила приказ германского командования выйти на реку Одер и атаковать советские войска. Буняченко, понимавший, что это означает просто гибель дивизии, отказался: «Я подчиняюсь только Власову». Послали сообщение Власову, и тот дал понять Буняченко: нужно хотя бы для виду пострелять, а потом отходить на юг, в сторону Австрии и Югославии, где предположительно должны были оказаться англо-американские части.

Так и получилось. 13 апреля первая дивизия начала «атаку», затем быстро ее прекратила и, несмотря на требования немцев возобновить огонь, покинула позиции и пошла на юг. Как ни пытались немецкие командиры остановить Буняченко, как ни грозили расстрелом и ему, и Власову, ничего у них не вышло, а связываться с вооруженными людьми, которым уже нечего терять, им не хотелось. Власов, находившийся с 19 апреля вместе со штабом КОНР и второй дивизией в Фюссене, одобрил действия Буняченко. Сам же 20 апреля на совещании с Жиленковым, Малышкиным, Трухиным и Закутным предложил немедленно договориться с англо-американским командованием.

29 апреля Малышкин явился в штаб 20-го американского корпуса, откуда был отправлен к командующему 7-й американской армией генералу Петчу. Малышкин не знал, что на совещании «Большой тройки» в Ялте в феврале 1945 года Сталин добился включения в совместное заявление следующего пункта: «Мы обязуемся оказывать всестороннюю помощь, совместимую с требованием ведения военных операций, в целях обеспечения быстрой репатриации всех военнопленных и гражданских лиц». И «оказали помощь», поместив для начала Малышкина в лагерь военнопленных в Аугсбурге. Позже в руках американцев оказались Жиленков, Меандров, Корбуков, Шатов, Закутный, Благовещенский.

Между тем дивизия Буняченко подошла к Праге, где четвертого, а не пятого мая, как гласит официальная версия, вспыхнуло антифашистское восстание. Гарнизон отборных эсэсовских частей бросился на подавление и вот-вот уже был готов потопить его в крови, как Буняченко предложил помощь чехам, надеясь, видимо, что это потом зачтется.

Не зачлось. Первая дивизия РОА действительно нанесла мощный удар по эсэсовцам, но узнав, что на «спасение» чехов от власовцев брошены стоявшие под Берлином войска маршала И. С. Конева, Буняченко отдал приказ двигаться на юг, навстречу той самой 7-й американской армии, командование которой уже имело четкие инструкции, как поступить с «гостями»: разоружить и — в лагерь. Инструкции были выполнены. Правда, Буняченко вместе со штабом дивизии удалось укрыться в крепости Шлюссельбург, где уже находился Власов. Но, недолго думая, уцелевшая верхушка власовской армии приняла решение: сдаться... американцам. И ведь знали, как те встречают русских в фашистской форме, но все равно упрямо шли навстречу гибели, как загнанные волки на красные флажки. Власову, кстати, как Звереву и Трухину, не удалось даже до американцев добраться, их взяли свои. Те же, кто оказался за колючей проволокой американских лагерей, были выданы — кто раньше, кто позже — советским властям. Некоторые из них расстреливались на месте, других ждали на родине лагеря и тюрьмы.

2 августа 1946 года военная коллегия Верховного суда приговорила к смертной казни через повешение 12 человек: А. А. Власова, В. Ф. Малышкина, Г. Н. Жиленкова, Ф. И. Трухина, Д. Е. Закутного, И. А. Благовещенского, М. А. Меандрова, В. И. Мальцева, С. К. Буняченко, Г. А. Зверева, В. Д. Корбукова, Н. С. Шатова. В тот же день в Москве на Лубянке приговор был приведен в исполнение.

Некоторая часть власовцев спаслась, укрывшись в США, Англии и других странах Европы; «холодная война», начавшаяся почти одновременно с казнью второго августа, уберегла их от выдачи советским властям. В Нью-Йорке они создали «Союз борьбы за освобождение народов России», получивший свое издательство и начавший выпускать брошюры, воспоминания, документы, оригиналы которых находятся в книгохранилищах Колумбийского университета. Правда, основная масса документов пропала. Во время эвакуации КОНР из Берлина член секретариата Власова Лев Рар в течение двух дней сжигал списки членов КОНР, протоколы заседаний. Начальник канцелярии Власова полковник Кромиади, перевозивший еще одну большую часть документации из Карлсбада в Фюссен, попал 9 апреля под бомбежку, сам был ранен, а багаж с бумагами был значительно поврежден. Чемодан с бумагами пытался прихватить и секретарь в Дабендорфе Н. Л. Норейкис, но так и не смог его по каким-то причинам увезти. Где он находится, неизвестно.

Многое во всей этой истории остается тайной, которую нам вряд ли удастся понять до конца. Почему Власов отказался, когда ему предложил Ю. Жеребков, улететь в Испанию в апреле 1945 года? Была ли устойчивая связь между власовцами и участниками заговора против Гитлера 20 июля 1944 года? Кто же все-таки пошел на службу в РОА и как сложилась судьба тех, кому удалось выжить? Вопросов очень много.

Мы не знаем, а возможно, и никогда не узнаем, как в действительности обстояли дела с признаниями Власова и его одиннадцати сподвижников во время допросов на Лубянке и судебного процесса. Недавняя публикация в «Военно-историческом журнале» (1990, № 6), в которой приводятся некоторые «признания» и выносится суровый приговор авторов (А. Ф. Катусева и В. Г. Оппокова) «иудам», только и мечтавшим о том, как бы выгодней продать Родину, вряд ли поможет выяснить истину. Уж слишком хорошо теперь известен сценарий судебно-следственных спектаклей, игравшихся в театре сталинской инквизиции. И потому негоже современному историку принимать за чистую монету один из спектаклей и слова его участников, произносимые, надо полагать, под диктовку бериевских суфлеров.

С мифами расставаться трудно. Но жить с ними еще трудней.

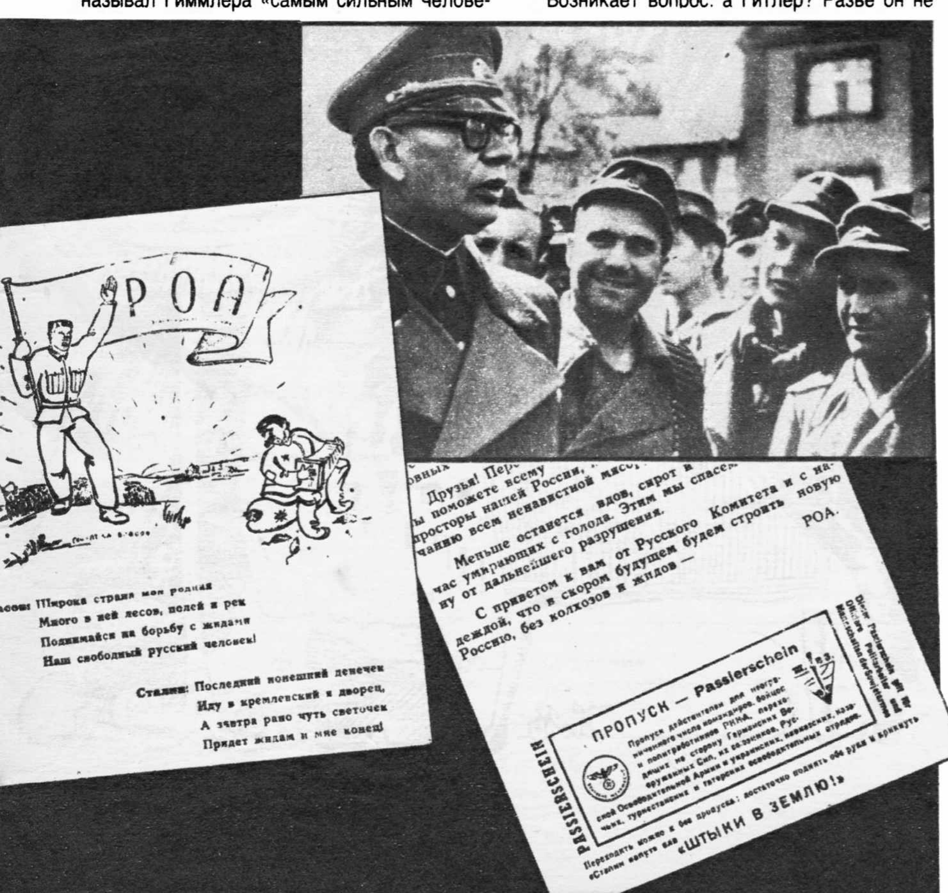

Рисунок Владимира МОЧАЛОВА.

ХАРАКТЕРИСТИКА НА АВТОРА

Шендерович Виктор Анатольевич, русскоязычный, родился в Москве через год после Всемирного фестиваля молодежи и студентов, в семье служащих общему делу. Пошел в школу сразу после разоблачения волюнтаризма, закончил ее перед Хельсинкским совещанием. В 1980 году, не дождавшись обещанного в 1960-м, ушел служить в танковую дивизию имени Генерального секретаря. В 1982-м приказом Министра обороны был демобилизован, в связи с чем Генеральный секретарь приказал долго жить.

Ловко используя временные трудности и спекулируя на наших недостатках, В. Шендерович устроился преподавателем ГИТИСа имени первого наркомпроса, где и зарабатывает не на жизнь, а на смерть.

Терзаемый литературными амбициями и желанием купить новые шнурки к старым ботинкам, начал чернить нашу действительность, но только испачкался сам. Сочинять научился в раннем возрасте, но писать правду так и не научился, в связи с чем на «Юморине» в Одессе получил почетное звание «Писатель-сатирик».

Не брезгуя угрозами отдать свои произведения другим артистам, Виктор Шендерович в 1989 году склонил меня к исполнению собственных опусов на эстраде, ЦТ и Всесоюзном радио.

Морально устойчив и пока ничего не член.

Женат. Имеет дочь и желание печататься.

Характеристика дана ГЕННАДИЕМ ХАЗАНОВЫМ для журнала «Огонек».

P.S. Мнение, высказанное в данной характеристике, может не совпадать с мнением автора характеристики.

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ

ПОКУПКА

За домишко и восемь соток на станции Плешаки владелец назначил Курочкину шесть тысяч, но, сукин сын, не рублей, а долларов.

— Зачем вам доллары? — ужаснулся Курочкин.— Вам не все равно, кто там нарисован? Давайте я лучше поставлю цистерну спирта и проведу шланг прямо к кровати.

Но остатком непропитого ума дедушка уперся в доллары и слушать ничего не захотел.

Долларов у Курочкина не было, а по нынешнему курсу — один к двадцати — не было на эти доллары и рублей. Четвертой частью названной дедушкой суммы курочкинская книжка исчерпывалась до дна, причем не до дна даже, а — как бы это сказать? — вместе с грунтом. Но на семейном совете было решено, что в момент перехода государства рабочих и крестьян к рыночной экономике надо все, что есть, быстро куда-нибудь вложить, пока означенное государство не успело в очередной раз всех обмухлевать.

Когда Курочкин увидел, что со старичком ничего сделать не удастся, он понял: придется что-то делать с долларом.

Курочкин достал по знакомству пару ящиков кубинского рома и вечером подстерег у гостиницы «Москва» нескольких народных депутатов от одной общественной организации. Дело пошло так хорошо, что через два часа весь депутатский корпус уже перецеловался меж собой. Коган пил брудершафт с активистами Народного фронта, Белов публично признавался в любви Буничу, Шмелеву и обоим Заславским, а один депутат в сапогах отвел Курочкина в сторонку, отвинтил ему на память большую звезду с погона и обещал нынче же переговорить с Анатолием Ивановичем.

На следующий день Верховный Совет быстро принял несколько прогрессивных законов, закусил и Христом богом попросил правительство в отставку.

Через неделю уже приступало к работе новое правительство. С каждым из министров после назначения встречалась в приватной обстановке жена Курочкина, молодая актриса эротического театра. Премьер-министр специальным письмом попросил ее продолжить консультации, и через месяц рубль стал конвертируемым.

Тем временем Курочкин от имени своего друга Бориса Израилевича Бен-Гурионского послал несколько конфиденциальных писем лидерам арабского мира, в результате чего через неделю Америка осталась без нефти, а Ясир Арафат принял иудаизм.

Второе обстоятельство никак не повлияло на курс доллара, зато из-за первого на Уолл-стрите началась давка, как на Казанском вокзале. Доллар пошел вниз, а Курочкин — наверх.

Наверху Курочкин имел двухчасовую, тет-а-тет и без переводчиков, прогулку вокруг Лобного места с Президентом. Назавтра был отменен Закон о налогообложении и объявлена полная приватизация собственности. Узнав об этом, несколько тысяч молодых людей, уже год сидевших на чемоданах неподалеку от «Шереметьева-2» и все это время мечтавших поскорее начать работать на американскую экономику, передумали и начали поднимать отечественную.

А у Президента уже сидел председатель КГБ товарищ Крючков. О чем они говорили — государственная тайна, но спустя три дня бывший член Политбюро Егор Кузьмич Лигачев был позван с персональной пенсии и на парашюте заброшен руководить американским сельским хозяйством. Натурализовавшись, Егор Кузьмич собрал фермеров штата Висконсин и поставил перед ними задачу повысить сахаристость свеклы.

Через полгода Америка экспортировала свеклу из Воронежа.

Доллар к тому времени стоил копеек пятнадцать—двадцать, в зависимости от настроения Курочкина. По Москве, высунув языки, бегали главы европейских государств и просили взаймы. У Боровицких ворот кланялись японцы. Литва просилась обратно в Союз, но ее не пускали.

А Курочкин дождался, пока доллар упадет до гривенника, скупил за шестьсот рублей полкило зелененьких бумажек с грустными американскими президентами посередке и поехал покупать участочек и домишко.

Он, признаться, давно мечтал о покое.

Я И СИМЕНОН

Я хотел бы писать, как Сименон. Сидеть, знаете ли, в скромном особнячке на берегу Женевского озера — и писать: «После работы комиссар любил пройтись по набережной Сен Лямур де Тужур до бульвара Крюшон де Вермишель, чтобы распить в бистро флакон аперитива с двумя консьержами».

Благодарю вас, мадемуазель. (Это горничная принесла чашечку ароматного кофе, бесшумно поставила ее возле пишущей машинки и цок-цок-цок — удалилась на стройных ногах.)

О чем это я? Ах да... «За аперитивом в шумном парижском предместье комиссару думалось легче, чем в массивном здании министерства на улице Фиш де ля Натюрель...»

Эх, как бы я писал на чистом французском языке!

А после обеда — прогулки по смеркающимся окрестностям Женевского озера, в одиночестве, с трубкой в крепких, не знающих «Беломорканала» зубах... Да, я хотел бы писать, как Сименон.

Но меня будит в шесть утра Гимн Советского Союза — за стенкой, у соседей. Как я люблю его, особенно вот этот первый аккорд: «А-а-а-а-а-а-а-а!»

Я скатываюсь с кровати, обхватив руками башку, и высовываю ее в форточку. Запах, о существовании которого не подозревали ни Сименон, ни его коллеги по Пен-клубу, шибает мне в нос. Наш фосфатный завод больше, чем их Женевское озеро. Если в Женевском озере утопить всех, кто работает на фосфатном заводе, Швейцарию затопит к едрене фене.

Я горжусь этим.

Я всовываю башку обратно в Гимн и бегу в ванную. С унитаза на меня глядит таракан. Если бы Сименон увидел этого таракана, он больше не написал бы ни строчки.

Не говоря уже о том, что Сименон никогда не видел моего совмещенного санузла.

Я включаю воду — кран начинает биться в падучей и плевать ржавчиной. Из душа я выхожу бурый, как таракан, и жизнерадостный, как помоечный голубь.

О завтраке я помолчу. Если бы в юности Сименон хоть однажды позавтракал вместе со мной, про Мегрэ писал бы кто-нибудь более удачливый.

О мои прогулки в одиночестве, темными вечерами, по предместьям родного города! О этот голос из проходного двора: «Эй, козел скребучий, фули ты тут забыл?» Я влетаю домой, запыхавшись от счастья.

О мой кофе, который я подаю себе

сам, виляя своими же бедрами! После этого кофе на обоих глазах выскакивает по ячменю.

О мои аперитивы после работы — стакан технического спирта под капусту морскую, ГОСТ 1274 дробь один А!

А вы спрашиваете, почему я так странно пишу. Я хотел бы писать, как Сименон. Я бы даже выучил ради этого несколько слов по-французски. Я бы сдал в исполком свои пятнадцать и три десятых метра, а сам переехал бы на берег Женевского озера, и приобрел набор трубок и литературного агента, и писал бы про ихнего комиссара вдали от наших. Но мне уже поздно.

Потому что, оказавшись там, я каждый день в шесть утра по московскому времени буду вскакивать от Гимна Советского Союза в ушах и, плача, искать на берегах Женевского озера трубы фосфатного завода, и, давясь аперитивом посреди Булонского леса, слышать далекий голос Родины:

— Эй, козел скребучий, фули ты тут забыл?

ЖИЗНЬ МАСОНА ЦИПЕРОВИЧА

Ефим Абрамович Циперович работал инженером, но среди родных и близких был больше известен как масон.

По дороге с работы домой Ефим Абрамович всегда заходил в гастроном. Человеку, желавшему что-нибудь купить, делать в гастрономе было нечего, это знали все, включая Ефима Абрамовича, но каждый вечер он подходил к мясному отделу и спрашивал скучающего детинушку в халате:

— А вырезки что — опять нет?

Он был большой масон, этот Циперович.

Дома он переодевался из чистого в теплое и садился кушать то, что ставила на стол жена Фрида Моисеевна, масонка. Обычно ставила она вермишель с сыром, которую Ефим Абрамович тут же съедал.

Ужинал Ефим Абрамович без водки. Делал он это специально. Водкой масон Циперович спаивал соседей славянского происхождения. Он специально не покупал водки, чтобы соседям больше досталось. Соседи ничего этого не подозревали и напивались каждый вечер как свиньи.

Он был очень коварный масон, этот Циперович.

— Как жизнь, Фима? — спрашивала Фрида Моисеевна, когда глотательные движения мужа переходили от «престо» к «модерато».

— Что ты называешь жизнью? — интересовался в ответ Ефим Абрамович. Масоны со стажем, они могли разговаривать вопросами до светлого конца.

После ужина Циперович звонил детям. Дети Циперовича тоже были масонами. Они масонили, как могли, в свободное от работы время, но на жизнь все равно не хватало, потому что один был студент, а в ногах у другого уже ползал маленький масончик по имени Гриша, радость дедушки Циперовича и надежда мирового сионизма.

Иногда из соседнего подъезда приходил к Циперовичу закоренелый масон Гланцман, недавно в целях конспирации от патриотов взявший материнскую фамилию Финкельштейнов. Гланцман пил с Циперовичем чай и жаловался на инсульт и пятый пункт своей жены. Жена была украинка и хотела в Израиль. Гланцман в Израиль не хотел, хотел, чтобы ему дали спокойно помереть здесь, где промасонил всю жизнь.

Они пили чай и играли в шахматы. Они любили эту нерусскую игру больше лапты и хороводов и с трудом скрывали этот постыдный факт даже на людях.

Выиграв две партии, Гланцман-Финкельштейнов, приволакивая ногу, уползал в свое сионистское гнездо, а Ефим Абрамович ложился спать и, чтобы лучше спалось, брал «Вечерку» с кроссвордом. Если попадалось: автор оперы «Демон», десять букв,— Циперович не раздумывал.

Отгадав несколько слов, он откладывал газету и гасил свет над собой и Фридой Моисеевной, умасонившейся за день так, что ноги не держали. Он лежал, как маленькое слово по горизонтали, но засыпал не сразу, а о чем-то сначала вздыхал. О чем вздыхал он, никто не знал. Может, о том, что никак не удается ему скрыть свою этническую сущность, а может, просто так — от прожитой жизни.

Кто знает?

Ефим Абрамович Циперович был уже пожилой масон и умел вздыхать про себя.

ХАБАРОВСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

Сижу голодный в «Интуристе»,
Один у света на краю.
Китайцев штук, наверно, триста
Жует пельменину мою.

Официантки смотрят мимо,
И, соотечественник их,
Я проклинаю маму, ибо
Мой папа тоже из своих.

А был бы папа мой японец,
А мамочка — из Бангладеш,
Уж я наел бы на червонец
И отирал платочком плешь.

Я б выковыривал из зуба
Изюбра и курил бы «Кент»,
И мне бы улыбалась Люба,
Официантка средних лет.

А если был бы эскимосом —
С Аляски, что через пролив,—
Она вертелась бы с подносом,
Притом ни капли не пролив!

Любого племени придурком
Уже бы жрал я холодец...
Ну что бы мне родиться турком!
Да чехом, на худой конец!

Девиц крахмальных постоянство
Мою подталкивает месть:
Придется мне сменить гражданство,
Чтобы на Родине поесть!

ДИАЛОГИ ТЕАТРА АБСУРДА

ОБХОД

ВРАЧ. Что с вами?

СУМАСШЕДШИЙ (строя рожи). Социализм я! Б-бэ!

ВРАЧ. Перестаньте сейчас же!

СУМАСШЕДШИЙ (строя рожи). Вот такой я! М-мэ-э!..

ВРАЧ. Немедленно сделайте человеческое лицо, на вас люди смотрят!

СУМАСШЕДШИЙ. Пусть смотрят! Социализм я!

ВРАЧ. Будете социализмом с человеческим лицом!

СУМАСШЕДШИЙ. А такие бывают?

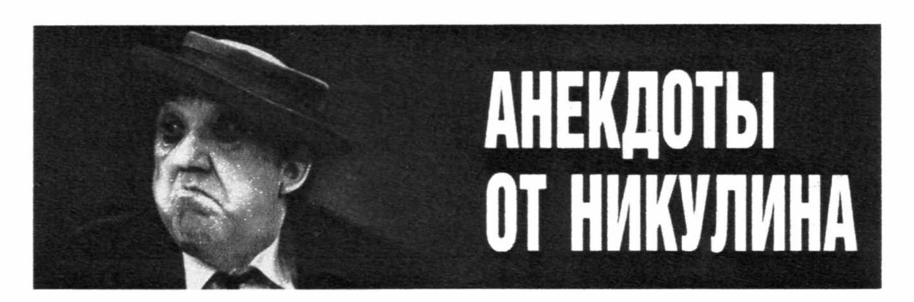
ВРАЧ. Строго говоря, вы первый.

НАРУШИТЕЛЬ И ПОГРАНИЧНИК

НАРУШИТЕЛЬ. Скажите, а что, граница по-прежнему на замке?

ПОГРАНИЧНИК. На замке, итить его, а то бы сам давно ушел!

Подготовил **Игорь ДВИНСКИЙ** *Рисовал* **Виктор КОВАЛЬ**

Пикассо приехал в Лондон. На вокзале у него украли часы. Инспектор полиции спросил:

— Вы кого-нибудь подозреваете в краже?

— Да, я помню одного человека, который помогал мне выйти из вагона.

— Вы художник. Нарисуйте его портрет.

И к вечеру по рисунку Пикассо оперативная лондонская полиция задержала по подозрению в краже трех стариков, двух старух, два троллейбуса и четыре стиральные машины.

* * *

— Товарищ милиционер, скажите, по этой улице ходить не опасно?

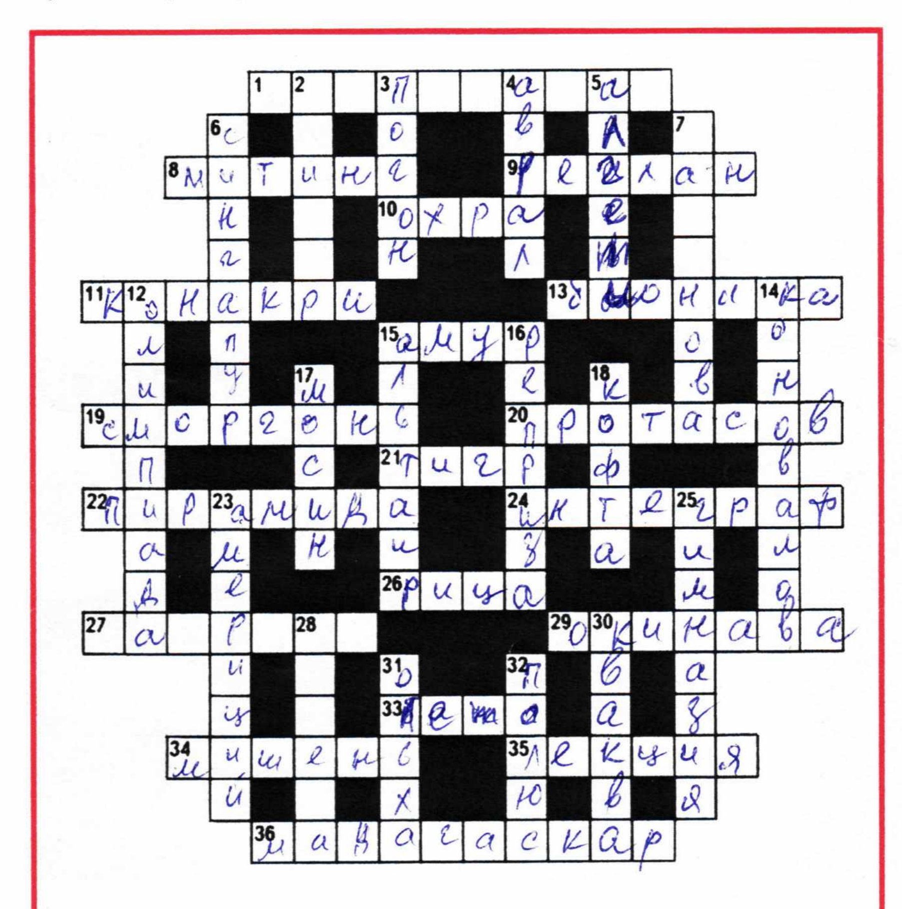
— Было бы опасно, я бы здесь не ходил.

* * *

Из разговоров в поезде.

— Вы знаете, у меня жена — ангел!

— Счастливец, а моя еще жива.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Навыки поведения, проявляющиеся в общественной жизни. 8. Массовое собрание. 9. Фасон одежды. 10. Минеральная краска желтого или красного цвета. 11. Столица государства в Западной Африке. 13. Раздел кибернетики. 15. Малая планета. 19. Город в Гродненской области. 20. Главное действующее лицо в пьесе Л. Н. Толстого «Живой труп». 21. Хищное животное. 22. Многогранник. 24. Механическое вычислительное устройство. 26. Озеро в Абхазии. 27. Разновидность тесьмы. 29. Один из крупных островов Японии. 33. Картина А. А. Пластова. 34. Цель для тренировочной стрельбы. 35. Устное изложение учебного предмета. 36. Государство в Индийском океане.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Командир в Вооруженных Силах, милиции. 3. Наплечный знак различия на форменной одежде. 4. Работа на судне всей командой. 5. Река в Грузии. 6. Государство в Юго-Восточной Азии. 7. Народная артистка СССР, выступавшая в Московском театре имени Маяковского. 12. Международные спортивные соревнования. 14. Рассказ М. Горького. 15. Яркая звезда в созвездии Орла. 16. Шуточный номер в цирке, на эстраде. 17. Русский конструктор стрелкового оружия. 18. Женская одежда. 23. Химический элемент, актиноид. 25. Среднее учебное заведение. 28. Отложение, образуемое передвижением ледников. 30. Птица семейства цапель. 31. Дерево или кустарник, растущий по берегам рек. 32. Противоположный конец электрической цепи.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Демократизация. 8. Гравер. 9. Журнал. 10. Подвиг. 14. Заслонов. 15. Иогансон. 16. Титр. 18. Нумеа. 19. Тавда. 20. Референдум. 21. Болид. 24. Трона. 27. Танк. 28. Часовщик. 29. Эстетика. 32. Карузо. 33. «Призыв». 34. Солист. 35. Молодогвардеец.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Семенова. 2. Уржум. 3. Сиваш. 4. Киловатт. 6. Максим. 7. Квасов. 8. Газон. 11. Ганна. 12. «Возмездие». 13. «Коммунист». 16. Трест. 17. Рынок. 21. Бычок. 22. Люстра. 23. Дивизион. 24. Трефолев. 25. Оливин. 26. Азарт. 30. Ершов. 31. Рыбак.

УНИКАЛЬНЫЙ, СПЕЦИАЛЬНО СПРОЕКТИРОВАННЫЙ ДЛЯ РОССИИ

«КОМПАН ЕП, ЛП»

ПРЕДЕЛЬНО РУСИФИЦИРОВАННЫЙ ПЕРСОНАЛЬНЫЙ КОМПЬЮТЕР.

Производительность, полная совместимость и большая емкость памяти.

Надежный «КОМПАН» продается как за рубли, так и за валюту.

Фирма КОМПАН. СССР. 198092. Ленинград, ул. Маршала Говорова, 52.
Тел.: 252-17-73 186-08-76, 186-55-11
Телекс: 121412
Телефакс: 2524184

Скорость «КОМПАН» не уступает серии 386 SX.
«КОМПАН» прошел тестирование в США и признан полностью совместимым.

40 коп. Индекс 70663